

Мартахай оьшолун

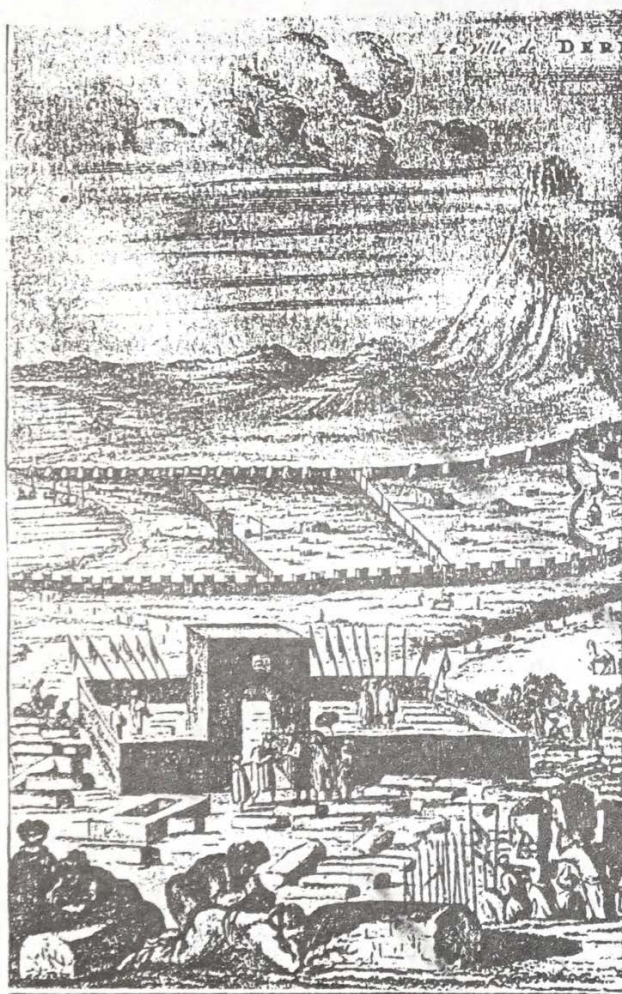
ПЕСНИ
СТИХИ
ХВАЛЫ
ЭПИТАФИИ

Из классического литературного наследия
— джугургой догьи —
горских евреев Кавказа

Выпуск первый

Независимое журнально-книжное издательство
“АМАЛДАНИК”

Москва 1995

Город Дербент, воспетый поэтом Мардахаем Окшолумом.

Рисунок из книги Адама Олеария (издание 1727 г.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕРИИ

*

**ИЗ
КЛАССИЧЕСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ**

**ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ КАВКАЗА
(ДЖУГУР ДОГИ)**

*

**А. КУКУЛЛУ, А. СЕНИН,
М. АДИНЬЯГУЕВ,
Г. РЕССИН, М. ЗАНД, М. АГАРУНОВ,
Т. ГУРШУМОВ, А. РАГИМОВ**

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

**Ответственный редактор
Амалдан КУКУЛЛУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ
просветительского
авторжуркнигиздательства

«АМАЛДАНИК»

благодарит члена редколлегии
и спонсора издания
ЗАО «З А Р»
в лице президента

ГУРШУМОВА

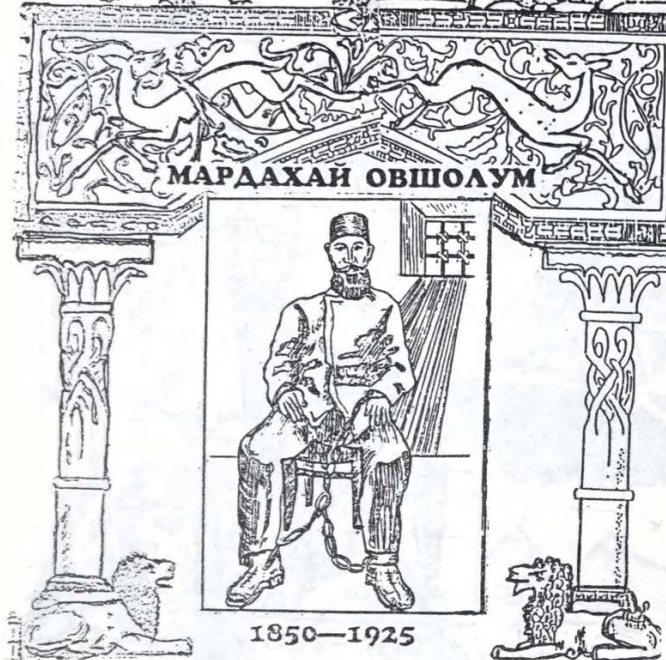
Таура Гилаловича

Mardahay Ovsholoom. This name of people's defender, rioter, Caucus Jewish poet for a long time lie hidden in shade of uncertainty. This name covered with great number of legends and stories. This name once on a time brought to merchants and rich men a fear and indignation. This name sounded on mouth of poor men as a symbol of saving and justice. He was unjustly forgotten in a literature and in a history. Suggest verses — that is the fruit of the work of mountain-jewish poets and writers, which helped to us to write down his works from mouth of people.

From the compiler and translator.

Mardachay Owscholum... Dieser Name ist von den zahlreichen und widersprüchlichen Legenden und Sagen umgeben. Dieser Name schreckte und entrüstete die Reichen. Dieser Name war für die Armen wie ein Symbol der Erlösung und Gerechtigkeit. Dieser Name des Volksbeschützers, Empörers und Dichters wurde lange Zeit in der Unbekanntheit versteckt. Ihn haben die Literatur und die Geschichte zu Unrecht vergessen. Dieses Buch ist, aus der Arbeit der bergjudischen Schrifter und Dichter entsandt, die seine Gedichte nach der mündlichen Überlieferung ausgeschrieben haben.

Mardakhay Ovcholum... Ce nom est aureole du nombre des legendes coutradictoies. Ce nom provogua le peur et l'indignation parmi les riches. Ce nom fut prononce par les pauvres comme le symbol du salut et de la justice. Ce nom du protecteur populaire, rebelle et poese se cacha longtemps dans l'obscurite. Il fut injustemont oublie par la litterature et l'histoire. Les vers, presentes dans ce livre, sont resultat du travail des poetes et eouvains juifs moutagnaiads, fui out collecione et insvit ces ceuvres, conservees par la tradition populaire.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ

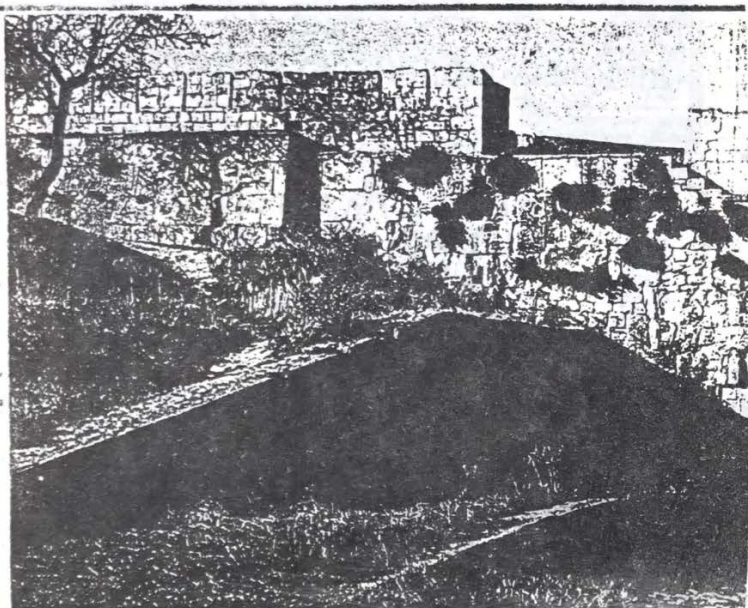
1850—1925

מרדכי אבשלום. השם הזה מכוסה אגדות ומעשיות
מרובות. השם הזה היה מביא פחד והתמרמרות למוכרים
ולעשירים. השם הזה היה על שפתיים של עניים כמו סימן
הצדק והישועה. השם הזה של המגן העממי, של מרדן
ומשורר במשך זמן רב היה מוחבא עד הנעלם. השם הזה
היה נשכח בספרות ובהיסטוריה. השירים המוצעים הינם
פרי העבודה של המשוררים ההרריים-יהודיים שעזרו לנו
לרשום את יצירותיו מפי העם.

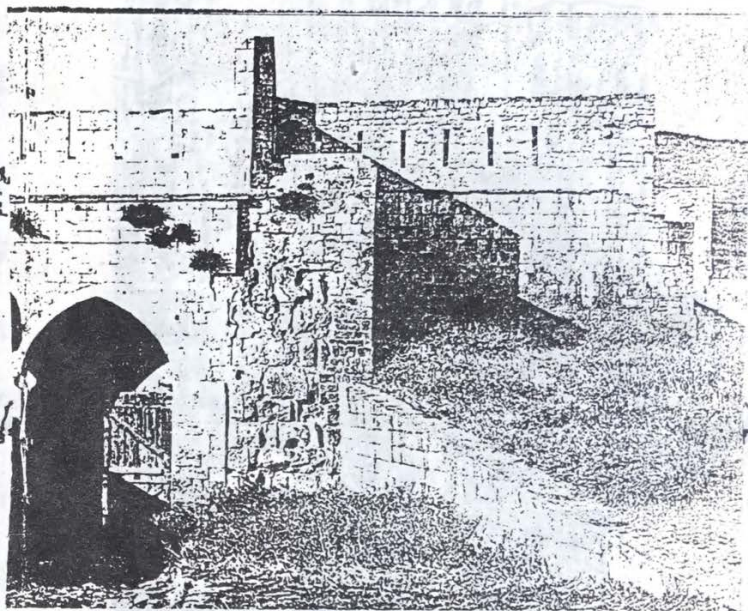
מהמחבר ומהתורגמן.

ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ И ГУМАНИТАРИИ
П Р О С И М
ВНИМАТЕЛЬНО ОЗНАКОМИТСЯ
С
ПРЕДЛОГАЕМЫМИ
АННОТАЦИЯМИ
И
П Р И Н Я Т Ь
УЧАСТИЕ В ИХ РЕАЛИЗАЦИИ
НА
ВЗАИМНО-ПРИБЫЛЬНЫХ
УСЛОВИЯХ,
А ТАК ЖЕ В СОХРАНЕНИИ
НРАВСТВЕННО-ДУХОВНОГО
НА С Л Е Д И Я
ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ
(ДЖУГУР ДОГИ)
К А В К А З А

Все иллюстрации многокрасочные.
Заранее благодарен
Амалдан КУКУЛЛУ

Дербент. Западные ворота цитадели.

Вид с внутренней стороны

Поэт-переводчик Анатолий СЕНИН
у могилы Сергея Есенина

БИБЛИОТЕКА
ОФИЦИАЛЬНО НЕПРИЗНАННЫХ
«САМИЗДАТСКИХ»
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
1960—1988 ГГ.
— МОСКВА —

АНАТОЛИЙ СЕНИН
СЛОВО «САМИЗДАТУ»
(вместо пролога к книге)

Слово, здравствуй! Опять обращаюсь
я к Слову!
Ты — о радость моя! — будь
«преступной виной!»
Я, поверьте, сумел ради правды
призреть свою славу, —
Так живи мое слово, самому
если жить не дано!

Я к истории слово лицо этой
ночью приблизив
Вижу, как догорев, опадает
созревши звезда.
В бликах свечки запретное
слово набирает Фонвизин, —
И в России с него начинался
вот так «Самиздат».

Годы быстро несутся, минуют
века, словно в дыме,
Плачет русское слово в бесесую
чужь синеву.
Напечатал 600 экземпляров
«Путешествия» хрупкий Радищев, —
Конфискованы были охранкой,
но все же живут.

Правды Слово Живет!
Пусть сверкнет ему снег серебристый
Азиатской Сибири, пусть
швергнуто будет во тьму.
В Самиздате ходили идеи,
стихи декабристов,
В Самиздате дошло к нам —
не странно ли?! — «горе уму».

Было, было ведь так: жизнь
саму ни на грамм не украсив.
Просвещали умы, — как патроны
в обойму, — слова.
Пушкин сам издавал, издавал
сам упорный Некрасов.
После каторги даже Достоевский
журнал издавал.

Трудно слову под сердцем
любого тирана согреться.
Тесно слову в чахоточной
собственной впадою груди.
И, бежав в безопасность,
блуд в «Колокол» яростный Герцен.
И хотел свою Родину через
тысячи верст пробудить.

Так горите в огне своей
Правды Творцы Самиздата.
Самых разных масштабов, —
одинаково славны все вы.
Так Россия устроена: платит
за слово создатель.
Жизнью платит, изгнанием, иногда —
серебром головы.

...Рассвело, отписавши все ночь
напролет, отрывая
От истории давней свои
молодые глаза, —
Я иду по Москве, — там,
где Слово живое бывает,
Но которое трудно не только родить,
но сказать.

Слышу говор толпы, сердцем
чувствую мысли народа.
И откуда к познанию страсть в нем?!
Откуда?!

Говорит в нем и бьется огромных
просторов природа,
Говорит в нем за всех,
кто прошел огорченья вина.

От немислимой тьмы,
от невежества ронот я слышу,

Те, кто кровью облит
полупонотом легким слова.
Я с трудом пробираюсь
в книжный — там вижу,
Как торгуется сам автор, —
и так, как пища торговал.

Пусть же ставит автографы
автор лукаво-учинный
На красивом дерьме,
что повсюду безчестно видать.
В магазинах на полках —
такое фальшивое чтиво, —
Так греми же сильнее по домам,
по ночам Самиздат.

И прочтешь, перечтешь, отстучишь
для себя на машинке.
И от глаза лукавого будишь
в ночи поднимать, —
Зная, если найдут на тебя шквал
незгод сокрушиться.
За решетку возьмет психбольница,
а может — тюрьма.

Умоляю тебя, сердцем к слову
его не оглохни, —
Пусть на улице солнце,
мороз или льет.
Знай же, милый читатель,
что страница из книги — Голгофа.
На которую автор свой крест
неустанно несет.

Ты прости ему даже ошибки,
смущаясь, коррективо. —
Превозмоги себя, он шагнул
в удивленную быль.
Знай, что автор редактором
был и корректором.

И печатником; даже
художником была

Полиграфскою краской его
уже ты не обрадуешь, —
Знает жизни он нашей
трагический фарс.
Не в красивой обертке
он ищет жестокую правду, —
Фальш в любом одеянье
отвратна! О, мерзкая фальш!..

Ну, прощай мое слово!
Опять я к тебе обращаюсь. —
Ты явилось во сне мне,
и так — наяву.
Презирать свою славу
и впредь обещаю, —
Так живи мое Слово,
коль сам я сейчас не живу!

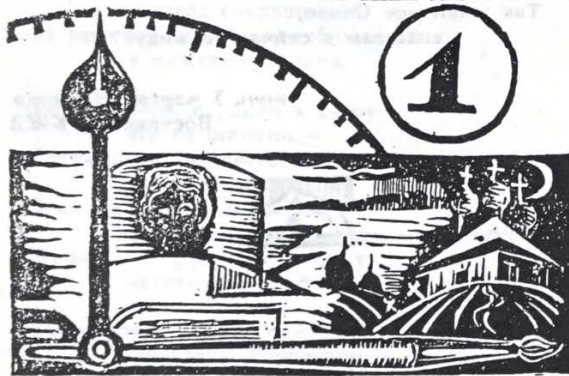
ночь 3 марта, 1975 года.
Востряково, КЖД

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
РЕЛИГИОЗНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
АЛЬМАНАХ

РУССКОЙ ГОЛГОФЫ

САМИЗДАТ
МОСКВА
1978

Обложка самиздатского альманаха выполнена А. Сениным.
Издано шесть номеров, где печатались и стихи М. Овшолума.
Издания были конфискованы органами КГБ.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
АНДРЕЙ СЕВЕРЦЕВ

ОТВЕТ. СЕКРЕТАРЬ
АЛЬБЕРТ ДАНИЛОВИЧ

ОТДЕЛ КРИТИКИ
СЕРЖ СЕРВАТЫНСКИЙ

ОТД. РЕЛИГИИ И СОГЛОСЛОВИЯ
Д. ДМИТРИЙ ДУДКО

ПУБЛИЦИСТИКА. ФИЛОСОФИЯ
АЛЕКСАНДР СВЕТОВ

ОТДЕЛ ПИСЕМ
ВЛАД. ВОЛКОНСКИЙ

ФОТО-ИЛЛЮСТРАЦИИ
АЛЕКСЕЙ ПОЛОВЦЕВ

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН Г.К.
АКАДЕМИК АНДРЕЙ САХАРОВ

Форзац альманаха "СРГ".

РАСКРЫТИЕ ПСЕВДОНИМОВ

главный редактор

Андрей СЕВЕРЦЕВ — Анатолий СЕНИН

ответ. секретарь

Альберт ДАНИЛОВИЧ — Амалдан КУКУЛЛУ

отдел критики

Серж СЕРВАТЫНСКИЙ — Анатолий
ВЕРБИЦКИЙ

отд. религии и Богословия

о. Дмитрий ДУДКО — под своей фамилией
публицистика, философия

Александр СВЕТОВ — под своей фамилией
отдел писем

ВЛАД ВОЛКОНСКИЙ — вымышленное фамилия
и отсутствующий
член редколлегии

фотоотдел и иллюстраций

Алексей ПОЛОВЦЕВ — вымышленное,
все эту работу
выполнял
Анатолий СЕНИН

почётный член редколлегии — академик Андрей
САХАРОВ

* Составление и печать Амалдана КУКУЛЛУ.

МОСКВА 1995

Дорогие читатели, составитель просит снисхождения за все допущенные ошибки, опечатки, качество макетирования и прочие непредвиденные и не все от него зависящие упущения, учитывая то, что выпуск данного сборника осуществлялся в основном одним человеком и не типографским способом, а на наборно-пишущей машине марки "Типотайпер", а тираж — на копировальном аппарате марки "РИТОН 4421"

Расходы, составление, макетирование, ксероксное тиражирование и распространение осуществлено Амалданом КУКУЛЛУ

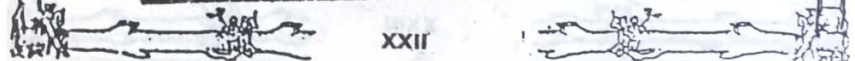
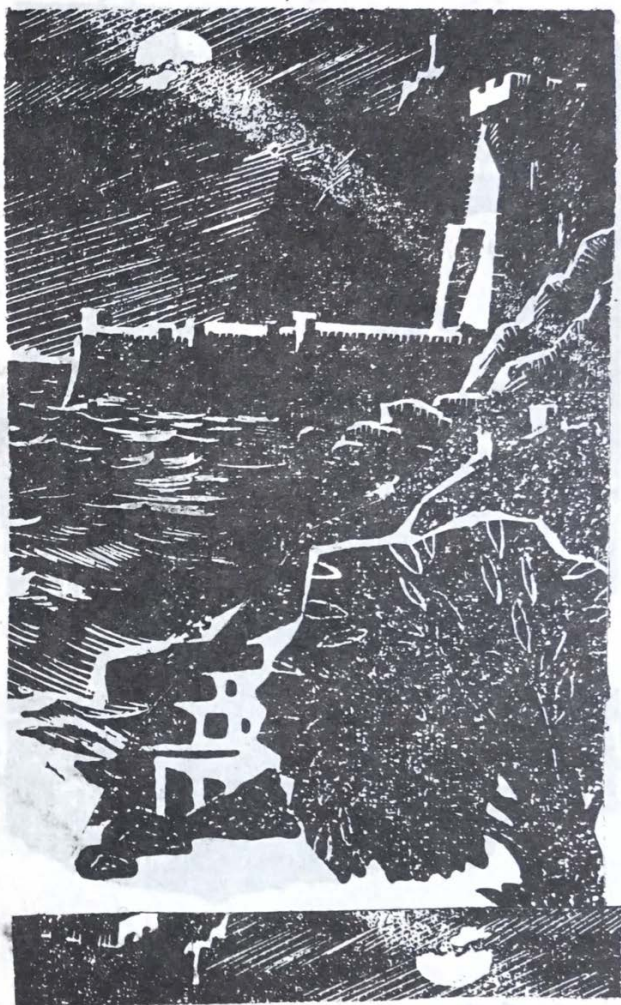
Все материалы являются собственностью составителя данного сборника © Амалдана КУКУЛЛУ (Кукулиева Амала Даниловича) и находятся в его личном архиве. По всем вопросам обращаться по адресу: 117393; Москва, ул. Гарибальди 20/29, корп. 1, кв. 15. КУКУЛИЕВ АМАЛ ДАНИЛОВИЧ (Амалдан КУКУЛЛУ), тел. 120 85 53.

В данный сборник Мардахая ОВШОЛУМА не вошли еще многие стихи, песни, плачи и одна поэма на горско-еврейской (джугури) языке.

Составитель и переводчик надеются что, наконец-то найдутся спонсоры и полное издание творчества горско-еврейского поэта-классика будет издано, куда войдут дополнительные факты и воспоминания о нем — А. К., А. С.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ В ИРКУТСКОЙ ТЮРЬМЕ
(из архива тюрьмы)

Анатолий СЕНИН и Амалдан КУКУЛЛУ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Мардахай Овшолум-оглы — (1850 — 1925 г.г.) — так он числился по документам царской охранки — писал на двух языках: азербайджанском и джугури (древний фарси). Трудно восстановить вехи его творчества, так как ни на том, ни на другом языке эти стихи не были напечатаны при его жизни.

Предлагаемые стихи — это плод полутораговой работы переводчика и горско-еврейских (татских) поэтов, которые помогли записать произведения поэта из уст народа на свадьбах, похоронах и т.д. Они разбросаны по разным населенным пунктам в Дербенте, Махачкале, Губе (Азербайджанская республика), Маджалисе, Кайтаге (Жоайтеги), Нугди и др.

К творчеству Мардахая Овшолума не раз обращались горско-еврейские (татские) писатели, поэты, драматурги, а также и столичные писатели. Накануне Отечественной войны, как рассказывала восьмидесятилетняя сестра Мардахая — Зульпо, — "приехал какой-то писатель из Москвы и забрал целую тетрадь стихов, сшитую из грубой оберточной бумаги". Судьба этих стихов до сих пор неизвестна, но есть предположение, что приезжий столичный писатель погиб на войне, а вместе с ним утерялись и стихи.

В 1941 году межколхозный, так называемый, татский театр, принял в свой репертуар пьесу о жизни и творчестве народного героя, но пьесу зритель не увидел: началась война.

Его стихи записывали профессиональные горско-еврейские (татские) поэты и писатели – ныне покойные Даниил Атилов, Миши Бахшиев, а так же трагически погибший поэт и драматург Юно Семенов, но неизвестно по каким причинам, дело не доведено до конца. Среди некоторой части населения бытовало ложное мнение, будто-бы автор представляемых стихов и песен был бандит, и это, по всей вероятности, останавливало родных обнародовать его творчество. Но ведь бандитом для правящего класса царской России был и Устим Кармелюк, и Наливайко, и многие другие представители разных национальностей.

Представленная работа не является исчерпывающим и законченным отчетом за все творчество поэта. Это только незначительная часть, сохраненная доброй памятью народа.

Стихи расположены по убыванию лет. Фотографии, представленные в сборнике взяты из центральных архивов царской охранки, а также у родственников поэта. Обложка, титульный лист, шмуцтитулы, заставки и портрет выполнены автором этих строк.

В сборнике использованы стихи собранные и представленные Д. Антиловым в татском альманахе за 1950 год, а также материалы романа М. Бахшиева "Виноградные гроздья" на джугурском языке, рассказы родственников, друзей поэта, людей слышавших и знавших на память его стихи и песни.

К таким людям в большей степени относится Семен Юсуфов, любезно записавший эти стихи и песни, как

на азербайджанском, так и на джугурском языках. Эти записи мы воспроизводим в качестве приложения с этих тетрадей.

Хочется выразить свою искреннюю благодарность брату поэта — Овшолуму, сестре Зульпо и дочери Рахиль, — теперь уже покойные и похороненные на старом кладбище в Дербенте.

Признателен горско-еврейским (татским) поэтам, ныне покойным Даниилу Атилилову, Михаилу (Миши) Бахшиеву, Сергею Изгияеву, Борису Гаврилову — недавно умершему, за их искреннюю память к легендарному соплеменнику.

Остается поблагодарить горско-еврейского поэта Амалдана Кукуллу, составителя и издателя этого сборника, Михаила Дадашева — горско-еврейского прозаика и всех тех, кто оказывал бескорыстную и самоотверженную помощь переводчику в деле подготовки материалов данного сборника.

Анатолий СЕНИН

1964 г.

Дербент, Махачкала,

Москва.

МАРЛА
--
СТЯХ И ПЕСИ
НОВИОЛУМ

1850 — 1925
ПЕРЕВОД С ТАТСКОГО

+ АНАТОЛИЯ
СЕННА

1965

Обложка "самиздатского" выпуска. Москва, 1965 год.

БУНТАРЬ, НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК, ПОЭТ

Приди ко мне в отглаженном костюме,
Не наводи халатом серым жуть.
Всю жизнь свою я просидел по тюрьмам,
И вот в тюрьме последней я лежу.

Из тех бежал двенадцать раз бесшумно.
Меня и здесь, наверно, не сдержать.
Затем я лег, чтоб крепенько подумать,
Как из тюрьмы последней убежать.

Мардахай Овшолум
/Из "Эпитафии самому себе"/

XIX век выдвинул на литературную арену ряд классиков дагестанской поэзии, вышедших из народа и кровно связанных с народным творчеством, которые являются его органической неотъемлемой плотью. И понятно — этот рост певцов из народа явление исторически обусловленное: век был насыщен событиями большой исторической важности. Он дал такие видные имена: кумыкского поэта Ирчи-Казака — (1831 — 1868 гг.), даргинского поэта Батырая

Умарова – (1831 – 1910 гг.) аварского поэта Махмуда из Кахоб – Росо – (1878 – 1919 гг.) и многих других.

Дагестан – это калейдоскоп разноголосицы. Мало того, что на такой маленькой площади проживают 36 национальностей, из которых каждая имеет свои религии, обряды, обычаи и наречия. И в каждом из этих наречий есть свои диалекты. Естественно, что среди такой разноголосицы могли существовать и другие поэты, кроме этих нам уже известных, но в силу каких-то обстоятельств они остались и остаются в крошечной темноте забытых времен или бытуют в народе, уже в устной творчестве: песнях, причитаниях, былях, сказках, анекдотах... Народ хороший цензор, он отбирает то, что должно стать его "криком души" или "слезами любви", но часто он теряет и песни, и имена авторов при передаче из поколения в поколение:

Мало кто знает, что Дагестан тысячелетиями населяет такая маленькая народность джугур догъи – (горские евреи), т. н. в последние годы татами. Они рассеяны по Северной и Южной части Кавказа: Нальчик, Грозный, Моздок, Хасавюрт, Буйнакс, Махачкала-Анжи/, Дербент, Маджлис, Куба /Губо/, Баку, Пятигорск, Санкт-Петербург – (Ленинград). Теперь уже – и в Израиле, (алия последнего десятилетия), в Америке, Германии, в Венгрии, Испании, в Австралии и других странах мира. Все это теперь, но в прошлых веках этот древний и многочисленный народ жил в горных селениях Кавказских гор и плоскогорья. Известно, что этот народ еще во времена разрушения Первого Иерусалимского Храма ассирийским царем (588 г. до нашей эры) и Второго

Храма (70 г. н. э.), Вавилонского плена, да и в последующие века через Багдат, Иран в том числе и Мидию, вследствие различных неприязней к этому народу, вынужден был переселяться в горы Кавказа, а если шире — то по всему лику земли, неся в мир те огромные знания, которые были накоплены евреями во времена храмовой истории. Подробно обо всем этом во многих исторических и энциклопедических материалах с древнейших времен.

Все это о далеком историческом прошлом. Наше повествование о середине века — 1850 года.

15 мая Магомед Эмин пишет турецкому султану о проводимых им мероприятиях по укреплению влияния Шамиля в Черкессии. Спустя полтора месяца на Кавказе утверждается отдел Русского географического общества, а немного позднее в селении Верхнего Казанище восстанут горцы против кумыкских беков и будут продолжать освободительную борьбу против угнетения 5 лет, будут лить кровь, но так и не добьются своего.

Еще решительно сопротивляется Шамиль, все глубже и глубже уходя в горы, и, нанося большие

* 1864 год. Российская армия, разгромив Наполеона и, пройдя победным маршем по Парижу, завернула на Кавказ, где она покорила горцев. Лидер сопротивления Шамиль был пленен в ауле Гуниб и с приличествующими ему почестями доставлен ко двору Александра II, а затем отпущен со своей семьей и свитой жить за счет государственной казны в Калуге. В старости ему разрешили совершить пономничество в Мекку, где он и умер. Могила шейха Шамиля сама стала местом поклонения мусульман.

потери русским — и только через 9 лет он будет пропущен в крепости Гуниб, — последнем его оплоте, — высокомерным, любящим делать великодушные снисхождения — князем Бяратинским.

Юг Дагестана живет более спокойной, как бы по сказочному полусонной, размеренной, но все же — напряженной жизнью. Генерал-майор Гагарин — дербентский военный губернатор, докладывает вышестоящему начальству в Тифлис о том, что в городе Дербенте "слишком много собак", и что горожане "злее" этих беспризорных и быстроплодящихся животных, и все потому, что беки не выбрасывают им обглоданные кости, а оставляют их ленивым дворнягам".

В России еще не произошла пресловутая крепостная реформа, да если бы она и свершилась, то здесь — в полуфеодалном, разграбленном и сожженном войной крае, она бы не принесла никакого экономического и политического впечатления из-за устойчивости национальных обычаев.

В письме полковника Карцева к наместнику Кавказа князю Бяратинскому писано следующее о произволах Юсуп-хана Кюринского: "... кюринский хан жестокостями своими, непростительным корыстолюбием и разного рода несправедливостями довел народ почти до открытого восстания против себя...". Поступали на него донесения начальнику южного Дагестана, — к самому князю Меликову — беспрестанные частные жалобы. Наконец, в прошлую осень, т.е. в конце 1850 года — народ открыто и единодушно отказался ему повиноваться, не прибегая к оружию: кюринцы выбрали 200 человек поверенных и

отправили в Шуру с жалобой, которая выражена была такими словами: " за что же нас никогда не враждовавших против русских, сдали вместо пастухов злому волку, который нас губит".

Местные беки, имамы, ханы не желали владчества русских на Кавказе, но коль оно пришло, вся тяжесть роскошества жизни привиллигированных классов Дагестана ложилась на плечи простого трудового народа.

Народ страдает и ищет своего утешения в грустных и заунывных песнях, сказаниях о богатырях, которые придут и спасут их, защитят их права. Народ везде одинаков.

Душу нужно — у меня и души не стало.

Кровь не хлынет у меня — и крови нет.

Нет и жены, чтоб над телом моим плакать.

Нет и сакли у меня, где бы труп обмыть.

Вот лишь бурка — пусть она заменит саклю.

Это не песня, это — крик. Это документ изобличающий невыносимый гнет местных феодалов, которые довели народ до такого отчаянного состояния. Народ их поет, сгибая спины на бековских виноградниках, когда рядом нет надзирателя, а матери — в затхлых саклях под их заунывность укачивают детей. Народ пока что еще не знает, что в их древнем городке на вонючей джугурской слободке /магале/, где царствуют злые эпидемии, уносящие сотни людских жизней, как раз в середине века родился в тяжелых родах необыкновенного веса мальчик, впоследствии выросший в двухметрового богатыря — заступника, поэта, подарившего им свои песни, которые трудно распевать в полголоса, и

которые сменяют те заунывные, вышеприведенные, потерявшего своего автора, строки.

Мардахай Овшолум. В списках охраны числился — Мардахай Овшолум-оглы. Отец его — бедный мясник Хаим, питался сырым мясом и запивал ее теплой кровью, мужчина в три обхвата, любящий детей и любитель выпить. Чтобы разгрузить день своей многодетной супруги, он берет маленького четырехлетнего Мардахая в свою лавку, где находится множество красных туш, висящих вниз обрубками шей. Настой воздуха на крови вызывает у маленького Мардахая тошноту и недоумение и, глядя на туши невинных, загубленных животных, он страшивает у отца: "Папа, а за что их убивают?.." Пока что только одни вопросы.

Их возникает так много, что безграмотный отец становится от них в тупик или частенько отвечает, вроде: "Да так — кушать". Символично то, что первые впечатления связаны с запахом крови, с живописной обнаженностью мяса. А ответы на все вопросы он найдет сам и ответит за них дорогой ценой жизни.

Мардахай рос непомерно рослым ребенком и в девять лет самостоятельно работает на бека, зарабатывает деньги на ядовитой марине (органический пигмент) и платит за обучение рыжему, но уважаемому всеми равину. Равин старается обучить мальчика по талмудам, но и дает представление об арабской, персидской, азербайджанской и древнееврей-

на манер азербайджанский, т.к. судебное следствие велось в Баку, да и стихи М. Овшолум писал на двух языках: на джугури (горско-еврейском) и азербайджанском.

ской грамоте.

Мать Мардахая умерла, когда ему не было и семи лет. Ребенок лишился материнской ласки и выросстал упрямым, жестким, как и все сироты. В город на службу приезжает еще молодой, но относительно прогрессивно настроенный раввин Асоил, который дает ему более глубокие знания, а позднее сам раввин будет ходить и собирать среди горско-еврейских богачей и знати заповедную в Торе (Туре) мицву для бедных сородичей, вместе с Мардахаем, которого раввин Асоил назначил казначеем в синагоге.

Идут годы. Мальчик становится юношей, рослым и сильным. Неопределившийся его голос уже не детский, но еще и не взрослый, ломается и на смену приходит мягкий громовой бас. Он играет на сазе и комузе, поет песни. Но пока, что дома, а вскоре станет завсегдатаем на бедных горско-еврейских свадьбах, крестинах и похоронах. Поет он слова песен сложенных в народе, и не замечает, как начинает импровизировать сам. Народ подхватывает его напевы и разносит по саклям, по городам, по аулам и селениям.

Годы сменяются годами. Меняются быстрее годов дербентские военные губернаторы: генерал-майор Асеев, генерал-майор Лорис-Меликов, генерал-майор Джапаридзе, генерал-майор Комаров.

Открывается управление дербентского градоначальника. В Порт-Петровском открывается новая тюрьма, а двери этих учреждений перед и после закрываются плотно. Мардахай, видя страдания обездоленного народа, пишет на базарах и учарах (местах сборища), полные веры в царя и бога проше-

ния к местным властям, а потом в тюрьме назовет царя "кровопийцей.

Увидев тщетность своей прошенческой писанины, он поступает на службу в местную полицию городовым, с надеждой, что сможет смягчить положение своего народа. Его охотно приняли на службу — (думали будет прок от необыкновенно богатырской силы, как ни как он вымахал два метра двенадцать сантиметров), но еще охотнее оттуда выгнали.

Он работает на виноградниках, рыбных промыслах Каспия, на мельнице. Пишет заповеди и недальновидные декларации, которые оглашает на гадыкане. В городе зверствует национальная вражда, подтруниваемая беками. Вспыхивает неслыханная чума антисемитизма, по злему року судьбы, навяленной иудейской религией: горско-еврейская слободка тонет в крови и слезах. Бесконечные беззастенчивые погромы. Застенчивые похороны, — не дают и хоронить. Мардахай старается объяснить погромщикам, что "все они братья" и чтобы "люди жили мирно", не понимая одного, что варварское насилие укрощают насилием. Он пишет песни и стихи на азербайджанском и своем родном (древний фарси) языках, старается примирить все стороны, но старания не приносят желаемых результатов. Его руки тянутся к кинжалу — и с этих пор прирастают к нему. Он убивает двух бековских сыновей, которые пытались изнасиловать соседскую девушку еврейку и долго скрывается от полиции в городе и его окрестностях. В Темир-хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) — во время скитаний он увидел государя императора Александра II, щеголеватого, менее величественного, сов-

сем непохожего на того, какого он видел на выхолощенных портретах, висящих в полицейской городской управе.

Охранка разыскивает Мардахая и приказом генерал-губернатора Дербента Мардатова его арестовывают. В 1878 году он предстал перед военным городским судом. Вся горско-еврейская слобода привалила к управлению и казамату, где сидел их заступник и просили об его освобождении. Люди доказывали свою правоту имущим, но никто их не слушал. На рейде у Дербента остановился почтовый пароход. На борт парохода Мардахая Овшолума доставили на лодках под усиленной вооруженной охраной. Десятки лодок до самого парохода провожали осужденного бунтаря и заступника своего народа: лодки — с его народом. Пароход доставил его в Баку, а оттуда специальным пароходом увезли в Астрахань, а из Астрахани, голодными степями угнали по этапу в Сибирь. Таков был путь катаржан юга царской России.

Водали от роины он написал лучшие свои стихи: жгучая настальгия мучила и рождала творения сердца. Отбыв срок заключения он возвратился в свой родной притихший город. Вернулся он чуть-чуть прихрамывая на правую ногу (последствие от удара сорвавшегося со штабелей бревна кедрача). В помощь себе он берет тяжелую металлическую трость и не расстается с ней до конца своей жизни. Эта трость станет границей между магалами: мусульманской и горско-еврейской слободкой, грозным предупреждением. Мардахай говорил: "Кто из иноверцев перешагнет трость, тот уже никогда не вернется к себе домой и к своим детям". И трость могла стать недвижимой до тех пор, пока вновь не подни-

мал ее сам. Он мирил людей и национальности, писал стихи и песни на азербайджанском и своем родном языке. Он пользовался большим авторитетом не только в бедных горско-еврейских семьях, но и у азербайджанских, лезгинских, даргинских, табасаранских и других народностей города и республики.

Используя свое физическое превосходство, он смело заходит в пышные особняки местной знати и назначает им свои "налоги" (мицву), которые они немедленно должны приносить на годыкан или нимаз — (синагогу), а в случае неисполнения он грозит смертью. "Налоги" он назначал деньгами и натурой. Все собранное в присутствии джаамата (совет старейшин) он делит между беднотой. К градоначальнику поступают непрерывные жалобы на "бунтаря" и "бандита". Верхушка требует ареста еврейского богатыря. По пути в Беледжи он ограбил казну, доход которой состоял от непосильных налогов, собранных с крестьян и ремесленников города, — и эти деньги он раздал нуждающимся семьям. За него молились в нимазе и в мечетях, а градоначальник медлил с арестом, медлил до тех пор, пока в ответ на пятнадцать причиненных ему ран, он — Мардахай, — одного жандарма убил, а другому отрубил руку, сказав при этом: "Вы кончили, ну а я начну".

На этот раз военный суд осудил исполосованного ранами "приступника" на 15 лет каторжных работ. В сопровождении других конвоиров, пешком, в кандалах его отправляют в Порт-Петровскую крепость. Путь лежит песчаным каспийским побережьем, где столько простора, ветра, настоящего на гнилых водорослях и соли. Это придает силы. Не доходя до

Порт-Петровска, у избербаша, он разрывает кандалы и убивает конвоира, но побег совершить не удастся. Из Порт-Петровска его отправляют в Тифлис на пересуд, где помещалась канцелярия наместника Кавказа, а затем в Николаев и — дальше — в Иркутск.

В Сибири он работает на повале леса у лесопромышленника. На лесозаготовках хозяин назначает его бригадиром над заключенными, видя его незаурядные умственные способности и богатырскую силу. К этому времени он безакцентно владеет русским языком.

Он болеет цынгой и теряет зубы, заболевает сыпным тифом, но побеждает его благодаря русским друзьям. Незадолго до суда, жена Мардахая — Наргуз, маленькая и хлопотливая женщина, не выдержав тяжелых родов, скончалась. Он тяжело переносит эту утрату так, как по характеру был однолюбом. Но жизнь побеждает и она же жестоко наказывает. Мардахай сближается с русской женщиной, отправленной в Сибирь на поселение неизвестно за какие проделки, но узнав, что она "проститутка" изменила ему, воспринимает это как глубокое оскорбление и калечит ее, после чего совершает побег.

В городе он появляется ночью и занимает у своего друга бондаря Шомоила Абаева — чердак, а днем — сад. И вновь по доносу одного бека, его арестовывают и отправляют в Баку. К бакинской тюрьме с передачами потянулась горско-еврейская беднота с огнем восторга к своему национальному герою. Она осаждает жандармское управление и тяжелые ворота тюрьмы.

В июньский солнечный день бунтаря увозят на

пароходе снова в Астрахань. Его провожают десятки лодок, набитых до отказа людьми. Мардахай – большой как глыба, обнаженный до пояса и привязанный к мачте, прощался со своим народом песней, лишенной грусти и безисходности, тоски, наполненной призывами к борьбе. Его закрыли в трюм.

Ночью, не доезжая до Астрахани, пароход терпит аварию и начинает тонуть, унося с собой сотни жизней заключенных, закрытых плотно в трюмах.

И здесь – Мардахай – чудотворным образом спасается от верной гибели и на корабельных обломках и бочках через двое суток добирается до берега. Сапоги нельзя было снять с ног, – их пришлось разрезать.

Свобода была недолгой: на берегу ждали. И снова арест, и снова – Сибирь. Пятнадцать долгих этапов, двенадцать побегов. Пятнадцать раз горско-еврейский народ отмечал гласным трауром, двенадцать раз – тайным праздником.

Известно, что в 1905 году, чтобы увести народ в сторону от надвигающейся революции и расправится с ним, царь Николай развязал позорную для России войну с Японией. Под самурайские пули старались бросить лучшие революционные силы, "дабы спасти свое императорское имя и свою власть самодержца". В письме из царской армии домой Мардахай Овшолум описывает порядки николаевской казармы и в конце он судит самого царя: "Царское белое знамя выкрасим в красную кровь". Из-под японских пуль он возвращается награжденным какой-то медалью или крестом, как утверждала восьмидесятилетняя сестра его – Зульпо, которая долго и восторженно поведала нам подробности из жизни

легендарного брата своего.

В 1910 году он женился уже шестидесятилетним стариком на молодой, красивой девушке из Губы и в его творчество вливается новая молодая струя поэзии.

А в 1914 году он сказал на учаре, что "государя скоро не будет, все будут свободными и равными". В 1915 году он снова осужден, но из тюрьмы ему вновь удается совершить побег, долго и бесследно исчезает, знает, что на его поимку объявлен всесоюзный розыск.

Спустя несколько месяцев, убедившись что розыск кончился, он скрывается то в Чир-юрте, то в Губе, то в Хасав-юрте и даже – в горах – и везде в горско-еврейских семьях, у кунаков-иноверцев он желанный гость. Ему под ноги по обычаю расстилают ковры, сажают на почетное место – в глубине дома (э кун звер). Но как-бы то не было, его тянет в родной Дербент к родным и близким.

В Дербенте он появился лишь зимой 1918 года, когда Кавказ метался в огне гражданской войны и в разношерстных лозунгах местной контрреволюции. Это был 68-летний старик, вынесший на своих богатырских плечах всю тяжесть бековского произвола и ужасы царской тюрьмы, израненный, искалеченный, хромым, но по-прежнему веселый. Он еще бодрится и носит свою металлическую трость, которая ему уже теперь необходима окончательно. Он попрежнему желанный гость на свадьбах и похоронах, но уже более целенаправленные песни он пишет и поет под древний комуз. Он ближе сходится с другом своего детства – народным поэтом-сказителем Хиззиё-Эми Дадашевым (1854 – 1944 гг.). Мардахай призывает

организовать интернациональные отряды на борьбу с местной контрреволюцией – жестокими бечераховцами и хитрыми дашнаковцами, выступает перед отрядами, уходящими на фронт, со своими стихами. Лично знакомится с Ароном Эрлихом ^х и представителями дербентского революционного комитета, направленного по решению ЦК партии Дагестана и выполняет их поручения.

Осенью 1925 года Мардахай Овшолум был приглашен на свадьбу, где был отравлен недоброжелателями. Его похоронили в Дербенте на старом еврейском кладбище без надгробного камня, как просил сам поэт.

В 1925 году, в год смерти своей и Мардахая Овшолума, русский поэт Сергей Есенин писал автобиографическую справку "О себе", к готовящемуся трехтомному собранию сочинений, которую закончил словами: "Что касается остальных автобиографических сведений – они в моих стихах". Это полностью можно отнести и к Мардахая Овшолуму.

Нам не хотелось, когда мы взялись писать историко-библиографический очерк, пересыпать его цитатами из автора, как пересыпают белье дустом, отправляя его на длительное хранение или боясь, что в подлинность сказанного не поверит читатель. Мы нарочно разорвали биографию и творчество, чего не рекомендуется делать; мы хотели в этом кратком и беглом библиографическом рассказе показать не поэта, а человека необыкновенной судьбы. бунтаря-

^х Могила Арона Эрлиха обнаружена Амалданом Кукуллу на махачкалинском городском еврейском кладбище.

одиночки. Нам не хотелось дать цельную иллюстрацию жизни поэта и времени, в котором он жил. Не хотелось разжевывать, — пусть сам читатель проиллюстрирует все места биографического очерка его стихами, если они западут ему в душу. "Книги, — как говорили древние, — имеют свою судьбу". О судьбе, об истории возникновения книжек, даже рассказов, стихов и отдельных строчек, можно писать целые тома.

В стихах, читатель, — всё: они у настоящих поэтов не только являются кусочками цветного стекла из большого витража его жизни, но и чем-то большим, вроде рентгеновского снимка души.

Из стихов он узнает насколько чутким и справедливым является их автор, каким он был остроословом, как не боялся смерти — (смеялся над ней), и как хотел жить.

Мы не хотели бунтаря-одиночку сделать революционером, но то, что на его взгляды влияли русские прогрессивные люди, с которыми он встречался на пересылках и в Сибири, это несомненно: свидетели этому сами стихи.

Да, доброе имя горско-еврейского бунтаря, заступника, поэта — классика Мардахая Обшолума живет и сейчас в его народе, а его трогательные стихи, плачи, песни со сверканьем в глазах и состраданием в голосе произносят его сородичи, к сожалению, старшего поколения. Трагично, если память о народном заступнике, уникальной судьбы человеке и горско-еврейском поэте-классике в последующих поколениях будет предана забвению. Это, пусть и не полное из того, что нам удалось записать из уст

горско-еврейского народа, издание сборника стихов Мардахая Овшолума и есть попытка восстановить эту несправедливость и тем самым продлить заслуживающую к этой личности нашу память о нем, а заодно рассеять сомнения самого поэта (настоящие поэты всегда сомневаются и это качество в человеке есть творческая движущая сила), когда он пишет: "Наверно, в вечность я беззвучно кану" и исполнить чаяния его поэтической души: "Из тюрьмы последней убежать!".

И еще: "Вы сжальтесь, люди. Сохраните память!" — обращается поэт к будущим поколениям.

Нет, не жалеет мы его, а гордимся им и имя его используем, как символ справедливости, чести, мужества, любви и заступничества своего народа и всех честных людей независимо не от вероисповедания, ни от национальности, чему свидетельствуют все те легенды и пословицы, сложенные о нем в народе.

Хочется закончить это предисловие такими стихами:

Из века в век приходит после смерти,
Из уст в уста сословий и племен,
Сквозь пламень, непогоды, круговерти,
Нетленность гениальнейших умов,
Их семена взошли. Взойдут. Заколятся.
Те семена — Надежд. Любви полны...

К этим семенам нетленности относится жизнь и творчество горско-еврейского поэта-классика

Мардахая Овшолума. Они всходят и колосятся
Надеждой и Любовью для сословий и племен —
теперь уже вне времени и вне границ.

АНАТОЛИЙ СЕНИН
поэт, художник, переводчик;

АМАЛДАН КУКУЛЛУ
поэт, сказочник, фольклорист.

Дербент—Махачкала—Москва
1965 год

Есть в городе Дербенте несколько домов —
молчаливых свидетелей тех бурных событий и великих
дней, которые потрясли мир. Это прежде всего дом № 43
по улице Буйнакского, где с апреля 1918 года размещался
Дербентский ревком, и дом № 29 на той же улице, в
котором 13 марта 1917 года заседал первый городской
Совет рабочих и солдатских депутатов. В этом же здании
в начале июня 1917 года было проведено первое органи-
зационное собрание Дербентского комитета РСДРП,
избравшее партийное бюро города во главе с А. Ю.
Эрлихом. В этих домах и зданиях, конечно же, бывал и
Мардахай Овшолум. В Дербенте сохранился и белока-
менный дом на ул. Таги-Заде, где жил Мардахай Овшо-
лум. В этом доме мы вели нашу беседу с его сестрами
Зульпо и Рахиль, дочерью Рифка и другими живыми
свидетелями жизни горско-еврейского националь-
ного героя, заступника народа, поэта,

Было-бы заслужено, если бы Дербентские местные
власти и горско-еврейская община повесила на улице

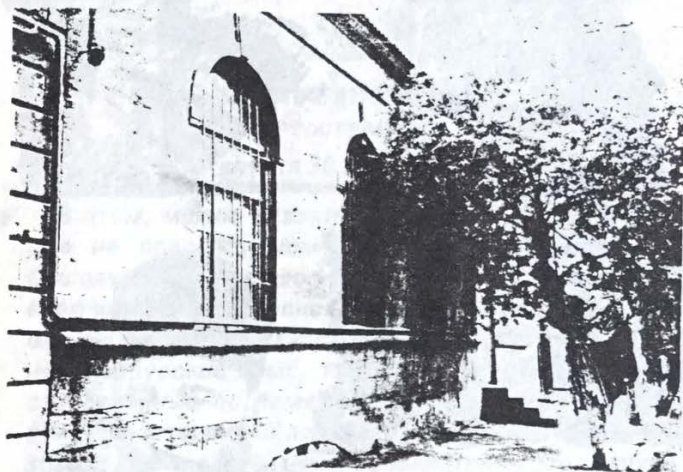
Таги-Заде на доме, где жил Мардахай Овшолум мемориальную доску примерно такого содержания: "В этом доме родился и жил (1850 – 1925 гг.) бунтарь, правдолюбец, заступник народа, каторжанин царского деспотизма горско-еврейский поэт-классик, легендарная личность Мардахай Овшолум (Сибири)".

Полагаю, что такой поступок был-бы благодарностью местным властям и горско-еврейской общине от всего еврейского народа и жителей Дербента за память о таком человеке.

В данный сборник мы решили включить фотографии тех мест, которые связаны с жизнью Мардахая Овшолума.

Фотография дома, где родился и жил Мардахай ОВШОЛУМ нами утеряна, но вполне восстановима – А. К., А. С.

*ДЕРБЕНТ. Горско-еврейская (джугури) синагога,
которую всю жизнь посещал Мардахай Овишолум
и где он был казначеем*

**МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ В
ИРКУТСКОЙ ТЮРЬМЕ**
(из архива тюрьмы)

**МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ
1850—1925**

1965 год. Такими молодыми были переводчик
стихов Мардахая Овшолума поэт Анатолий СЕНИН и
составитель сборника Амалдан КУКУЛЛУ

ПОСТПРЕДИСЛОВИЕ

от составителя

спустя 30 лет запрета

В этом, можно сказать, академическом и теперь уже не преследуемом издании стихов Мардахая Овшолума, мы решили в качестве приложения, включить часть оригиналов стихов и песен на азербайджанском и джугурском языках, как переведенные на русский язык, так и непереведенные, восстановленные по памяти и записанные в тетрадке рукой родственника поэта – Семеном Юсуфовым – тогдашним завсегдатаем, исполнителем этих стихов и песен на горско-еврейских сборищах (похороны или свадьбы), ныне умершим и похороненным в Дербенте.

Решили также включить и те подстрочники в те годы сделанные горско-еврейскими (татскими поэтами), – и особенно Борисом Гавриловым (1908 – 1993), чьи подстрочники в основном были использованы при переводе на русский язык Анатолием Сениным.

В качестве приложения мы решили дать несколько страниц из книги Галины Беньяминовны Мусахановой "Татская литература" (очерк истории 1917–1990), Махачкала, Даг. кн. изд-во, 1993 год, – где она пишет и о Мардахее Овшолуме.

Предлагается также одна из нескольких легенд и былей о Мардахе Овшолуме, сложенная в народе и вошедшая, как фольклор в книгу моих сказок "Золотой сундук" (сказки татов Дагестана), Москва, Академия наук СССР, 1974 год. В следующее издание, куда войдут непереведенные стихи, песни, посвящения и, возможно, поэма, планируем включить и другие легенды и были, записанные автором этих строк.

Эти факты еще раз подтверждают народную любовь и благодарность к своему заступнику и правдолюбцу, каким как видим был Мардахай Овшолум, память о котором теперь уже спустя 145 лет со дня рождения и 70 лет со дня коварной смерти, а так же 30 лет после первого "самиздатовского" выпуска в Москве тиражом до 50 экземпляров. Последнее "самиздатское" издание типографским способом осуществлено в 1980 году и параллельно печаталось в выпускаемом Сениным и мной "самиздатском" альманахе "С русской голгофы" (1980), отдельные номера или разделы которых были конфискованы органами КГБ. Тема нашего "самиздата" — особая и, несмотря на наши страдания, приятно вспоминаемая, т.к. через этот альманах и другие "самиздатские" выпуски мы могли, хотя бы подпольно общаться с читателем, самовыражаться

Возможно те незначительные "самиздатские" публикации стихов легендарного Мардахая Овшолума послужили поводом, чтобы его имя вошло в "Краткую еврейскую энциклопедию", изданную в Иерусалиме и в Америке (1982), а также в "Российскую еврейскую энциклопедию", Москва, 1995. Более того, писать о нем монографии, воспоминания,

использовать в романах, рассказах, посвящать ему стихи и песни.

Как видим запоздавшая, но заслуженная слава Мардахая Овшолума начинает обретать мировое признание не только среди горских евреев Кавказа, но и в Израиле, Америке, Европе, Австралии, ... т. к. несколько его стихов переводились на идиш, иврит, английский, немецкий и другие языки, не говоря уже о сборнике в переводе Анатолия Сенина, стихи из которого печатались в Русских газетах и журналах, неоднократно передавались по радио как внутри страны, так и зарубежом: все это с подачи автора этих строк.

Это, как условно назвали, академическое издание, осуществляется за счет средств составителя т.е. моих, которые я копил почти три года работая грузчиком, точнее "амбалом". Планировал накопить на издание двухтомника собранных и переведенных мной на русский язык сказок и сказаний горских евреев Кавказа: в подтверждение сказанного привожу суперобложку подготовленного к изданию "Сказок и сказаний". Но поняв, что такую огромную сумму не собрать даже в отпущенное мне время жизни, решил за эти сбережения издать хотя бы сборник стихов Мардахая Овшолума и тем самым, наконец-то, исполнить свой долг перед его памятью, доведя начатое дело до конца, полнее познакомить широкий круг читателей с этой уникальной личностью и его творчеством.

Что касается издания многотомного, ценнейшего для фольклористов, историков, этнографов, религиозных и политических деятелей, всех почитателей изустной тысячелетней мудрости народа, в данном

случае, фольклора горских евреев Кавказа, мною собранного на протяжении более трех десятилетий и научно исследованного и готового к изданию массовым тиражом, то одна надежда на бескорыстных, ревностных ценителей древнейшей культуры своего еврейского народа, состоятельных международных спонсоров или на заинтересованных в прибылях зарубежных компаньонов. Но таковые пока не объявились не в лице представителей Джойнта, ни Фонда развития еврейского образования и культуры в диаспоре, ни различных культурных центров России и зарубежья, не издательстве, ни банкиров, ни состоятельных бизнесменов, куда я, признаюсь, робко и безрезультатно обращался последние три года. Может быть, будь я настойчивее, кто знает все давно бы и возмело свой положительный исход. Хотя трезво понимаю для всего что мною предлагается нужен кроме финансов, которых нет, энергичный менеджер, и нужен штат институтских профессионалов. На базе моего огромнейшего и уникального фольклорного материала все бы обрели темы для научной и творческой деятельности гуманитарного направления, как об этом с пониманием говорил профессор Иерусалимского университета Дов Ной, да и многие другие творческие авторитеты.

В настоящем все в этом плане можно считать остается на мертвой точке непонимания и равнодушия, а иногда — в лукавой зависти, и кое что еще более худшее, граничащее с беззаконием и корыстью. И все же я продолжаю творческую работу над собранным мной фольклором индивидуально. Кое что удастся печатать, а что до надежды издать весь этот материал, вполне достаточного для небольшой

издательской и научной группы и даже типографии на десяток лет, то тешу себя тем, что надежда умирает последней, а с Ней и все что таилось в ней.

Пусть это издание сборника стихов Мардахая Овшолума, которое мне на сегодня финансово оказалось под силу выпустить в свет в моем независимом авторжурнализательстве "АМАЛДАНИК", где я и автор, и учредитель, и директор-координатор, и финансист, и издатель, — станет той ласточкой, которая облетев все страны, найдет те души, где бы она, ласточка, свила гнезда поддержки, и понимания уникальной значимости предлагаемого автором этих строк фольклорного материала не только для всех субэтнических групп еврейского мира, но и для людей других национальностей такого нужного и любопытного. Пока все это не пропало и не было ограблено, как имело место в феврале 1983 года во время варварского обыска органами КГБ, а затем и ареста меня и Анатолия Сенина по статье "мелкое кустарничество" (это "самиздат" — А.К.) и "распространение антисоветской литературы", т.е. горско-еврейского фольклора.

К месту будет сказать, что среди конфискованных, — а это мои и моего друга А. Сенина рукописи стихов и поэм, "самиздатские" сборники, семейные и другие фотографии, редкие старинные для творческой работы книги, переписка и многое другое, — были рукопись предисловия к сборнику стихов Мардахая Овшолума, сами стихи, его редкие фотографии, магнитофонные кассеты, блокноты с записями его стихов и материалов о нем. Все конфискованное, по ответу из органов КГБ, — уничтожено (сожжено) "за государственной ненадобностью" — т.е.

из-за официального во времена застоя антисемитизма.

Вот почему так хочется, пока дышу и владею пером, иметь рядом понимающего все эти обстоятельства, сподвижников с тем, что бы мой уникальный, огромный фольклорный архив – тысячелетняя память моего народа – с моей помощью и ревностным участием в этом деле людей был приведен в надлежащий порядок, а готовые к изданию и те, которые в процессе подготовки издать, параллельно и совместно работая над новыми книгами, научными трудами, изысканиями.

Относительно жизни Мардахая Овшолума в последние годы, об этом написано в уже упомянутой "Краткой еврейской энциклопедии" Иерусалим, (1982), стало известно, что герой нашего повествования скрывался от царской охранки в Израиле. Вот что на этот счет пишет Б. Б. Маноах в своей книге "Пленники Салманасара" (из истории евреев Восточного Кавказа), Иерусалим, (1984), стр. 141, "...Мордехай Бен Авшалом (Дербэнди) и Ядадья Бен Реувена – Жарагского русские власти этапировали в Сибирь. В Израиле нам удалось узнать, что эти смелые люди бежали из Сибири и добрались до Эрец-Исраэль. Мордехай после февральской революции возвратился в Дербент, где в 25-м году умер глубоким стариком, окруженный почетом".

Мне вспоминается, что сестра Мардахая Овшолума – Зульпо – рассказывала, что ее брат дважды скрывался в Израиле (э Ёршолоим) от царской охранки избегая ареста пройдя по горным дорогам Кавказа, то пешком, то с "оказией" и далее из Турции нанимаясь на пароход грузчиком – добирался до

берегов обетованной земли предков, где уже в те годы жила горско-еврейская община. Второй раз доставил в Израиль сородичам мисуё (мицва) – на религиозные нужды, т.е. "шоидогъ джугурь догъ Кавказ" (помощь горских евреев Кавказа – Израилю), куда входили кроме собранных в горско-еврейской среде денег, так же серебро и золото. Настальгия по родным местам, близким людям, друзьям вынуждали его обратно возвращаться тем же путем в родной Дербент, рискуя быть схваченным и сосланным в Сибирь. В моем распоряжении имеется несколько куплетов на джугури, связанные с Израилем, которые напелы Семеном Юсуфовым, причем украдкой, как бы подтверждая то, что рассказывала так же украдкой сестра поэта Зульпо: было такое время страха.

Приведу, хотябы один куплет на джугури, ибо эти и многие другие куплеты стихов Мардахая Овшолума еще не переведены.

Э звелине хоригьой бебегьо
Гьэнгь кешире – зинде бирем,
Оммо Дербент ве гуьндурь догьгьо
Непоисте оmore э фем...

Подстрочный перевод:

В древней земле отцов
Я надышавшись всей грудью – ожил,
Но Дербент мой и горы высокие
Непереставая приходят на ум...

Признаюсь, тогда я не придавал значения куплетам, посвященным Израилю и рассказам сестры Мардахая Овшолума, а может быть – не поверил, что пешком, да еще через границу (куда, мол, смотрели

зоркие пограничники?) можно пройти и дойти до далекого Израиля. Я больше верил в то, что Мардахай Овшолум месяцами скрывался высоко в горах, что и в правду имело место. Но теперь, когда в Израиле удалось найти живых очевидцев этого факта, то здесь никаких сомнений быть не может.

Подводя итог не могу не привести по отношению к жизни и творчеству Мардахая Овшолума хотя бы несколько из тех наставлений (они так и просятся), которые в мои детские годы нам, детям, да и взрослым, собравшимся по субботам или в праздники в синагоге (э нмаз), любил говорить, живший тогда в Хасае-Юрте (Дагестан), уважаемый всеми седобородый, высокий, поджарый раби Бинеми, который после антисемитского "Дела врачей" уехал в Израиль, где умер и похоронен.

Вот эти наставления в переводе на русский язык:

1. Тот, кто испытал беды и горести, в конечном счете обретет милость Божью.
2. Пророчествующий правду человек — на левой Божьей руке будет восседать.
3. Тот человек, который защитил от смерти другого человека — на правой Божьей руке будет восседать.
4. Тот, кто любит народ свой — у подножья Божьего будет восседать.
5. Тот, кто сохранил Иерусалим в памяти души своей и жил этим — на правом плече Бога будет восседать.
6. Тот, кто в Иерусалим вернется, — на левом плече Бога восседать будет.
7. Тот, кто на грудь (синей) горы Синай взберется

и постоит там, такой человек на груди (синей) Божьей будет восседать.

8. Кто по заповедям Бога жил — тот человек у Бога на коленях будет сидеть.

9. Тот кто сиротам и вдовам помогал — на левой ладони Бога будет восседать.

10. Тот, кто давал милостыню (мицво), оказывал помощь нуждающимся — на правой ладони Бога будет восседать...

Мне кажется, что все эти назидания вольно или невольно, как мы видим, воплощены в реальной им — Мардахаем — прожитой жизни. Остается одно: еще и еще убеждаться в том, что Бог своего подопечного достойно оценил, сс:ранив для будущих поколений события его необычной жизни, а творчество его — в памяти народа, а мне — составителю и редактору и другу моему, переводчику и художнику этого сборника Анатолию Сенину — подготовить и выпустить в свет для широкого круга читателей это издания Мардахая Овцолума — горско-еврейского бунтаря, заступника народа, поэта-классика.

Верю о жизни Мардахая Овцолума, о его творчестве еще будут написаны литературоведческие книги, пьесы, сценарии (кое-какие наброски на этот счет мною уже сделаны — А. К.), ибо такая незаурядная личность являет собой эпоху, в которой он жил и испытал на себе сполна все его "прелести", и кроме того — своими чувствами зафиксировал для будущих поколений в своих стихах среду, быт, атмосферу и политико-социальную обстановку горских евреев

Кавказа, достойным сыном которого он был и остается для мирового еврейства и всех почитателей его таланта.

Остальное — в стихах.

Амалдан КУКУЛЛУ
поэт, сказочник, фольклорист,
составитель и редактор
данного сборника

Все вопросы по адресу:

117393, Москва,
ул. Гарибальди, 20/29
корп. 1, кв. 15

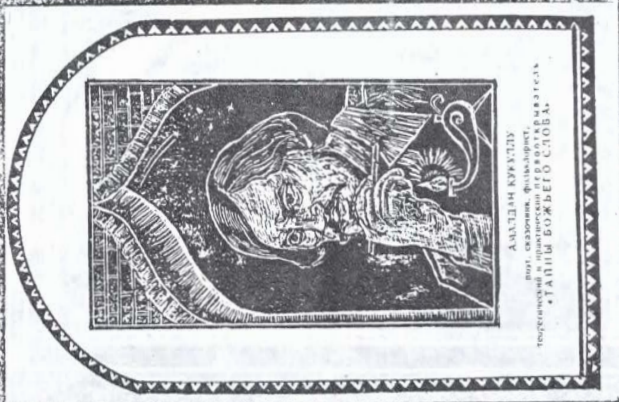
По телефону: 120 85 53

(095) 120 85 53
звонить вечером по Москве

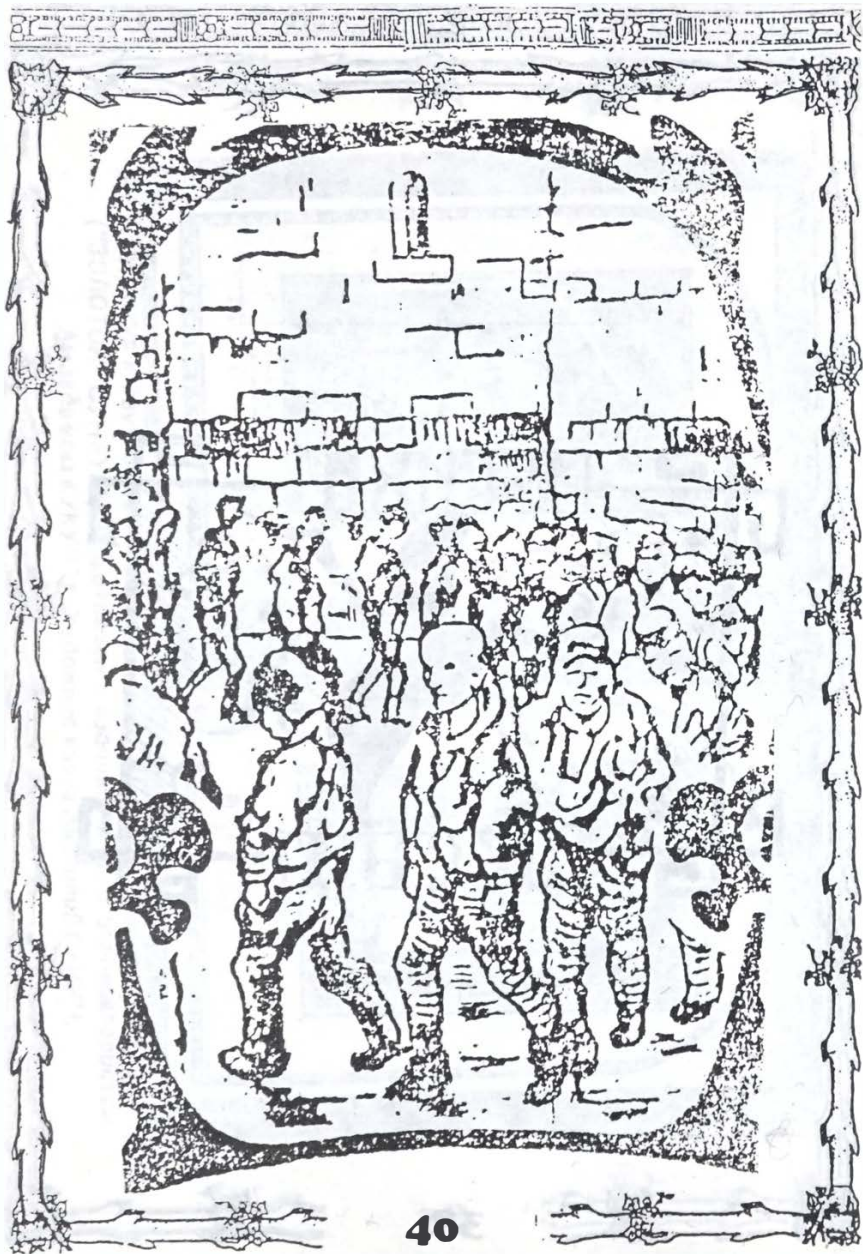

Обложка к двухтомнику книги "Сказки и сказания горских евреев Каавказа" ("ЗОЛОТОЙ СУНДУК"), подготовлена к изданию поэтом и фольклористом Амаданом КУКУЛЛУ. Жду спонсоров и компаньонов. Издание подарочное и научно-академическое.

Шмуцтитул к двухтомнику "Сказки и сказания горских евреев Кавказа" ("ЗОЛОТОЙ СУНДУК") подготовлен к изданию поэтом и фольклористом Амаздатом КУКУЛЛУ. Художник книги Анатолий СЕНИН.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ В ИРКУТСКОЙ ТЮРЬМЕ
(из архива тюрьмы)

ЕВРЕЙСКИЕ ДЕТИ

Гниют на еврейском магале еврейские дети,
Средь мух и навоза еврейские дети гниют.
Они не родившись, в подземную тленность уж метят.
Они не увидят, наверное, радость свою.

Голодные, грязные, в ципках кровавых и язвах.
Не знают они от рождения слова – "покой".
И мухи кладут на их кожу копченую – яйца,
А после выводятся мухи на теле людском.

Катают под старой стеной замызганный альчик,
И прут друг на друга, – на драку, – как взрослые, прут.
Сосёт полуголый, задрипанный мальчик
У старой еврейки отвислую, грязную грудь.

Он рвёт как теленок. Он жаден. Он бешено страстен.
И пот от "работы" на маленьком выпуклом лбу.
Быстрее подрастет он, чем выйдет из маминой власти,
И грязным, раздетым, вольтется в игру и толпу.

У) От составителя: О тяготах, нищете, погромах в жизни горско-еврейского населения, имевших место во все времена, явствует не только это авторское стихотворение Мардахая Овшолума, жившего в дореволюционном Дербенте (Дагестан); человека, ставшего легендой, т.к. он был заступником своего народа, за что был в царское время судим двенадцать раз. Богатейший фольклор народа, особенно в плачах-причитаниях, которые имеют место во множестве и в разных вариантах, тому свидетельство. Кое что из этого жанра, наряду с другими жанрами собранными Амаданом Кукуллу, составителем сборника стихов Мардахая Овшолума, если Бог даст, все будет переведено на русский язык и представлено широкой читательской публике.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

Толпа всколыхнется. Она не заметит пришельца.
Она в подворотню уйдет, как в пучину и грот.
Ярлык ему в детстве "жиденка" пришьётся, —
Доходит до смерти он с этим позорным ярмом.

Гниют на еврейском магале еврейские дети,
Средь мух и навоза еврейские дети гниют.
Они не родившись, в подземную тленность уж метят.
Они не увидят, наверное, радость свою.

1875 г. Дербент.

"Нокоп" — влод ринедж...
...мохдоп елэт бн ихум ястядо...

...жирлв мнннатеимбе...
...жирлв мннннпидве, мнллотупоп тэс...

...нэтсвэто оннэш...
...нэтсвэто онннмсм...
...уплот н у...

...окобедве-окобдс инжж...
...монноципповеддб...
...убавсод, бвд атубанеаб мибус...
...отсэм тисми аыдотом...
...оверел тебүд...
...ажиндуп божапетатин...

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

ПЕРЕД СУДОМ

Слышите, царские приставы!
Слушай, безбрежная ширь!
Выстою! Знаете, — я выстою.
Мне не страшна Сибирь.

Силы мои не угаснут, —
Я под зарок судьбы.
С кровью не белой, а красной
В белую рабью Сибирь

Я потащусь по дорогам
Весь кандалами избит.
Будут встречать у порогов
Хлебом российской избы.

Ташимся к смерти на праздник,
Сердце пылает огнем.
Правду, народную правду
Душит удушливый гнет.

Враг мой, запомни скорее,
Сердце не выдержит вновь.
И над Дербентом зареет
Кровь моя, красная кровь.

Нет, вам тогда не поможет
Пристав, жандарм и солдат,
Это подсудное ложе
Мой ненавидящий взгляд

Судит.

Я скоро вернусь.

Будет мой праздник, обет.
И поцелую, нагнувшись,
Камни твои, мой Дербент!

МОЕ СПАСИБО

Устроили суд надо мною в четверг.
Собрался судейский и важный совет.
Душой я и сердцем их важность отверг, —
Простите мне это, друзья.

Вы знаете, трусом я не был, и слез
Не лил. А смотрел на сверканье гроз.
И не был в пленении сладостных грез, —
Простите мне это, друзья.

Сибирь ожидает меня, кандалы.
Мы будем брести вдоль дорог, как волы,
Но сердце так сильно щемит и болит, —
И вы мне простите, друзья.

Пусть руки и ноги мои закуют,
Но сердцу не стыть и в далеком краю,
Ведь мысль не удасться сломить им мою, —
Простите мне это, друзья.

Не плачь, не горюй моя тихая мама,
От слез не расплавиться дикости камень,
А только всплывает в душе нашей память, —
И ты мне, родная, прости.

Не смей упиваться в отчаянном горе,
Наргуз. В мире горе людское, как море,
Слезами его, как не плачь, не уморишь, —
И это прости мне, прости, если можешь.

Не нужно тревогой детей донимать,
Не нужно их горестно так обнимать.
Нужны им слова, как кинжалы — слова, —
И это мне, дети, простите.

Дербент, ты зовешься железною дверью.
Тебе по-сыновьи, по-дружески верил,
Тебя у меня заберут, как поверье, —
И это мне, город, прости.

А горы лугами альпийскими светят,
В долины лавинами гулкими метят,
Но если бы были лавины те — мезью, —
И это мне, горы, простите, простите.

Обратя и сестры, земли окрапленной
Соленым батраческим потом и кровью,
Вернусь к вам не скрою — порою зеленой, —
И вы мне простите, простите тогда.

Вернусь, позову на борьбу с богачами, —
Затем меня бури жестоко встречали.
Не будет им жизни, не будет пощады —
И вы им со мною никогда не простите.

ПЕСНИ СТИХИ ХВААЛЫ ЭПИТАФИИ

ПОСЛЕ СУДА

И вот я в дороге последней,
Ты смотришь во след мне, Наргуз.
От слез ты, наверно, ослепнешь,
Устав от житейских обуз.

Над городом старая крепость –
Весь город в нее заключен.
Он в трауре древний, он крепок,
Мне шлет сожаленье, поклон.

В достатке ни соли, ни хлеба
Не видел я – ваш Мардахай.
Не плачьте под выцветшим небом!
Пусть сгинет проклятье и хай.

Другие придут покленья,
Вглядятся в друг друга цветы.
Я пленник. Преступник и пленник, –
Но здесь остаются мечты.

Иду к пароходу товарному
Дербентом. И солнце звенит,
Припомнил могилы товарищей
И горько заплакал за них.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

ДИАЛОГ МАРДАХАЯ И ЕГО ЖЕНЫ НАРГУЗ

МАРДАХАЙ:

Дорогая, теперь мне ничем не помочь.
Только пламя в душе, неумное пламя.
Береги, дорогая, себя, нашу дочь.
Береги обо мне незапятнанно память.

НАРГУЗ:

Сберегу и себя, сохраню и дитя,
Только ты возвращайся живым, не колейкой.
Пусть быстрее те годы проклятья летят.
Пусть они отлетев, не вернуться вовеки.

МАРДАХАЙ:

Я вернусь. Я вернуться ведь должен, Наргуз.
Отойдут пусть в историю тяжкие даты.
На душе у меня человеческий груз.
За спиной у меня конвоиры-солдаты.

НАРГУЗ:

Твоя шея в тяжелом и потном ярме.
Цепь сковала движение, мощь.
Ты стерпи свой конвой и побои в тюрьме,
Ты стерпи, чего раньше стерпеть бы не смог.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

МАРДАХАЙ:

А зачем мне терпеть. Я немало терпел.
В этой жизни одни лишь потери.
Еще песни свои я допеть не успел.
Время песен моих еще будет, — я верю.

НАРГУЗ:

Ты зачем это все... Это признаки бед.
Не прошу чтобы в ноги им гнуться.
Чтоб ты к сроку вернулся в наш старый Дербент,
Чтобы к детям живым ты вернулся.

МАРДАХАЙ:

Не горюй, дорогая Наргуз, не тоскуй.
Я вернусь. Я не скован тюрьмою,
Чтоб на шею надеть бекам жирным доску,
Как быкам надевают ярмо.

В КАЗАМАТЕ

В казамат глубокий заточен я,
Сердце жжет невыносимый зной.
Хочется, друзья, мне до печенок
Отрасли чтоб крылья за спиной.

Выпорхнуть хочу орлом из клетки
Под кандальный неусыпный гул.
Прилететь, прорвав неволи сети,
В бедный мой и страждущий аул.

И отдать в преданья все страданья,
Видеть вновь глаза-огонь Наргуз,
Помышлять о таинствах свиданья,
Тронуть тихо песенный комуз.

Созывать к борьбе за ту же правду,
Звать народ в другой небесный сад.
Не сверкают звезды виноградом
В обоженных Богом небесах.

Далеко, далеко я от дома,
И не я тому — как есть — виной.
Одиноко мне в моем Содоме.
Но друзья далекие со мной.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

ПИСЬМО ИЗ СИБИРИ

Письмо, донеси до родного Дербента
Кипучие слезы, горячие беды,
Мои поражения и радость победы,
Что жив и здоров Мардахай.

По вас я соскучился очень и очень,
Друзья, земляки. Я храню ваши очи.
Хоть нету порою и силы и мочи, —
Но жив и здоров Мардахай.

Пишу я стихи в перерывах коротких
Украдкой, Наргуз, о тебе что-то кроткое,
О милой улыбке и ланей походке.
И жив и здоров Мардахай.

Хоть жжет до костей и костюм арестантский
И не с кем делиться на нашем, — джугурском,
Но есть разделить с кем крахи остатки, —
И жив и здоров Мардахай.

И много друзей бородатых и сильных, —
Хоть многих забрала земля наша ссыльная
И неба далекий, безжизненный ситец, —
Но жив и здоров Мардахай.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

Под северным небом конвойные лают,
Как злые собаки, и очи пылают,
Но гневно в молчании бряцает наш лагерь, —
И жив и здоров Мардахай.

И мне сквозь сибирские терпкие ночи
Каспийское море гремит и хохочет.
И что-то пророчит, и сердце все точит, —
И жив и здоров Мардахай.

Ведь нету на свете дороже, чем правда,
И нету дороже родного народа,
И радости нету чем быть с тобой рядом, —
И жив и здоров Мардахай.

Письмо Расскажи землякам и соседям,
Порви расстоянья решетки и сети.
Шолум, ^{х)} передай всем трудящим на свете,
Скажи, что вернется в Дербент Мардахай.

^{х)} Шолум — горско-еврейское приветствие —

ПИСЬМО НА СВАДЬБУ СЕСТРЕ

Весточка, мчись через гнутые спины,
Мать успокой, Я держусь, я не сгину.
Лью только слезы свои на чужбине –
Плач же за сына страдалица мать.

Сказано сверху: "В чахотке сгорай",
Родина милая. Милый мой край,
Бог опустил меня в ад, а не в рай –
Плачте, родные, как я за вас плачу, –

И вместо слез кровью плачу я горячей,
В этой тюремной и серой горячке.
В горе, в слезах обретается зрячесть –
Плачьте со мною за братьев моих.

Путник усталый я, в путь не шагнувший.
Срезан под корень. Связан. Оглушен.
И превращаются зубы в гнилушки –
Плачет пусть горько невеста моя.

Пусть догниют в черных ртах наших зубы, —
Деснами вырвем мы счастье и судьбы,
Хоть и цинга нас нещадная губит.
Плачу я в душу свою.

Много нас в тюрьмах борцов за свободу,
Много мы пролили крови и поту.
Но предстоит еще столько работы —
Горько я плачу и ночью и днем.

Свадьбу твою я, как брат, поздравляю.
Выйти, Рахиль, посчастливей желаю
Замуж. А сам не сгорая, плаю.
Свадьба далеко, а я здесь реву.

Я пред тобою в долгу неоплатном.
Серый халат арестантский в заплатах
Жжет и зовет беспощадно к расплате.
Плачу от счастья за счастье твое.

Руки связали и ноги связали.
Сердце и душу мою истерзали,
Но не добились, чтоб плакал слезами, —
Только от язв я на сердце реву.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Видит Худо Хумои слезы и муки, –
Он мне простер для спасения руки.
Верь не преступник я и не двурушник.
Бог мой, спаситель! Я верю ему!

Смейся над горем, кровавое время.
Сбросит позорное тяжкое бремя
Новое, смелое, юное племя.
Будь же спокоен, не плачь, Мардахай.

*Худо – на джугурском и других фарсыязычных
языках народов востока и Азии означает Бог.*

ПЕСНЯ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

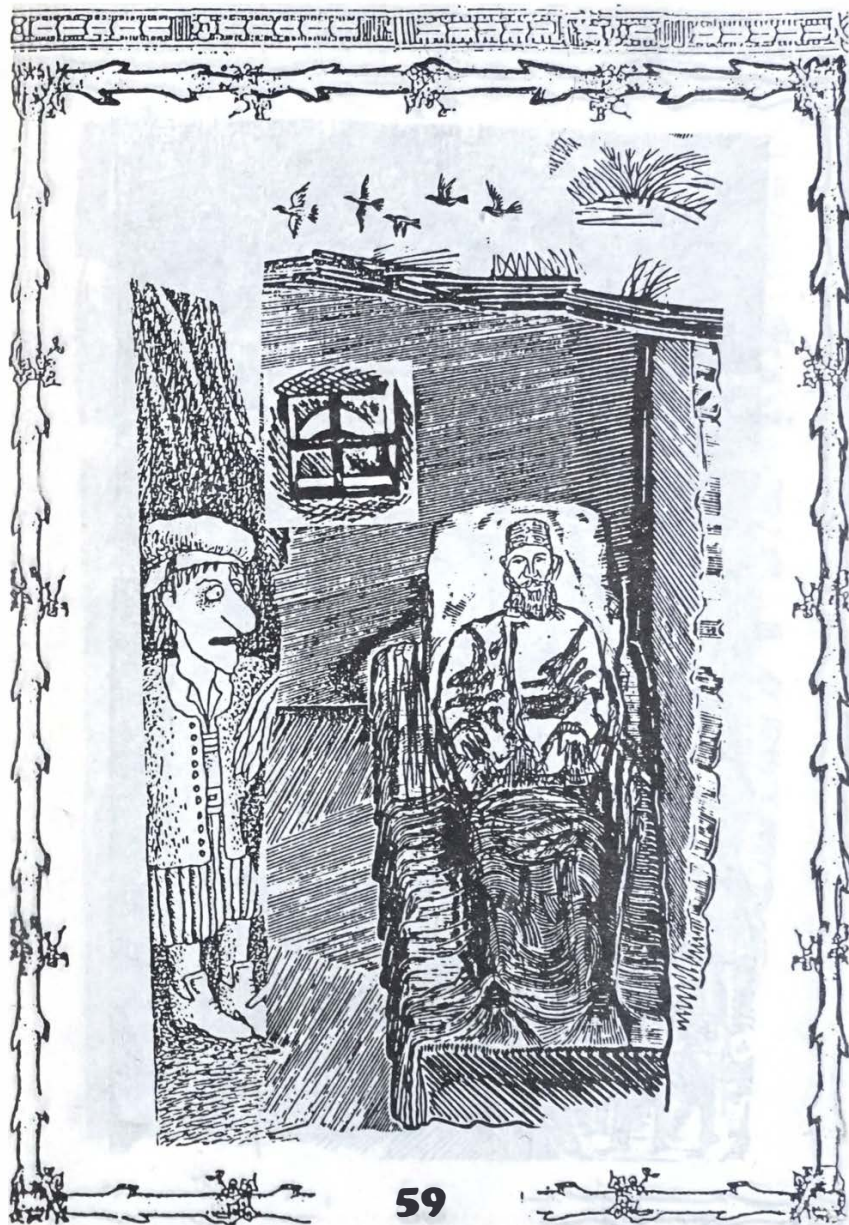
В вонючей больнице Иркутска
Лежу я избитый судьбой,
И кроме болезни

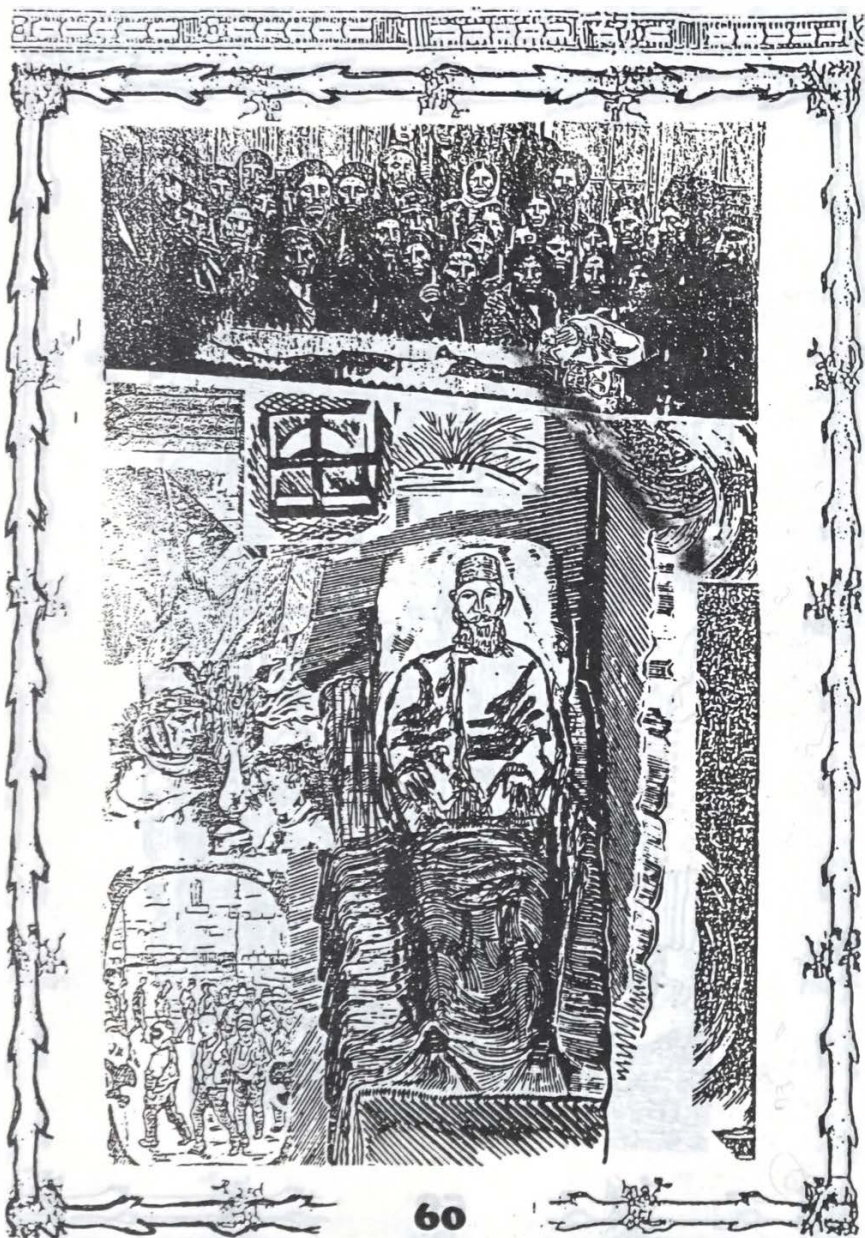
 тюремная скука
Ведет меня в гроб, — на убой.

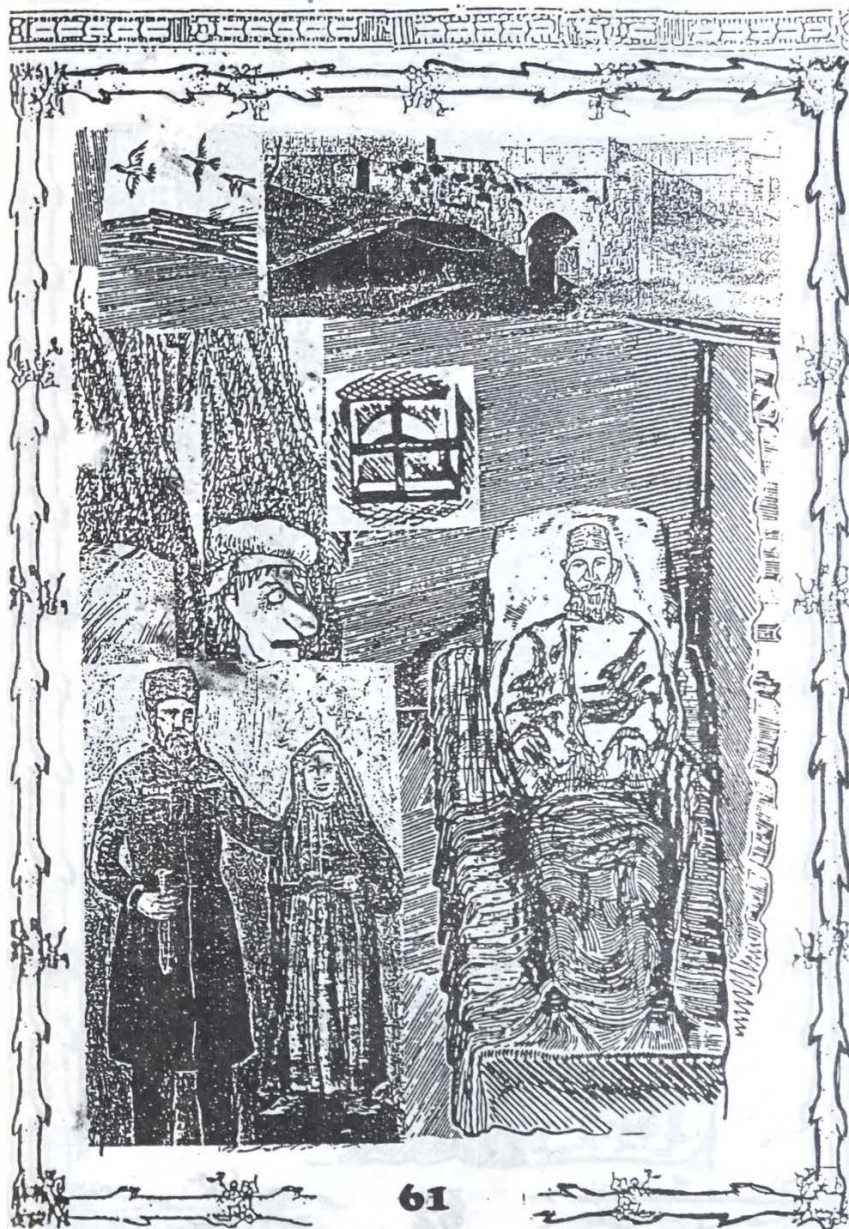
Белее смертей надо мною врачуют
Друзья из России весь день.
Бывают у ног моих чутко ночуют.
Я таю, я может быть, тень.

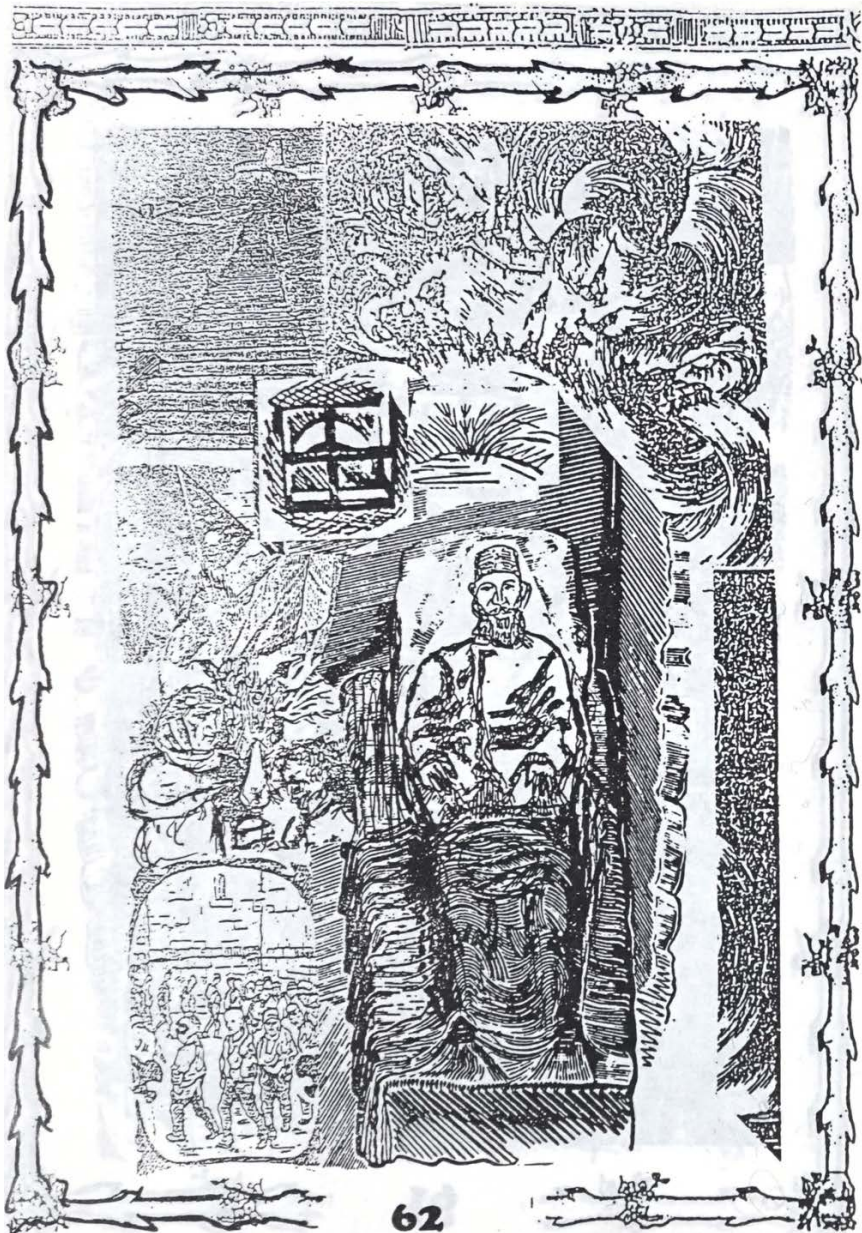
Я скоро уйду в безизвестность.
И в этом оглохшем лесу
С угрюмой, тяжелою песней
Тяжелый мой гроб понесут.

Он будет качаться на русских
Расшитых крестом рушниках,
С какой-то унылою грустью
На жилистых черных руках.
Поставят.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Заблеет священник,
Что Бог, мол, меня сохранит.
Зачем мне такое участие ?!
Зачем мне надгробный гранит ?!

Увижу я в этом намеке
Коварную ложь. Крикну в высь:
"Пускай сохранит Он не мертвых,
Пускай сохранит Бог живых".

Гроб будет гудеть даже в яме,
Камень когда застучат,
Сюда отошел я с боями,
Хоть здесь мне уже не кричать,

Не драться за гордую правду,
А руки скрестивши лежать,
И слушать как падают градом
Другие тела,

Уважать

Друзей – каторжан, доконавших
Режимом, прикладом, бурдой, –
И думать: "Вот место, где нашим...
Здесь тешься своею звездой."

не чти ни говенья, ни даты,
Нисону ^хв белизне кутерьмы
Я все же увижу когда-то
Начальника нашей тюрьмы,

^хНисону – на джугурском языке – Пасха.

Священника рядом лежащего,
Зверей-конвоиров моих.
И станет в могиле мне жарко
Средь подлых и добрых могил.

Я рад одному – нету бедствий, –
Средь леса, крестов и гробов.
И нет там богатых и бедных,
И нет там господ и рабов.

Спасибо, друзья, за внимание,
За саван мне сшитый во тьме.
Спасибо! Вы в страшном обмане –
Не умер. Я только в тюрьме

Болезни нещадной и глупой,
Которой прижат я к стене,
Что мне улыбается тупо,
Что гниlostью дышит во мне.

Спасибо! Я гроб разломаю,
Я к свету сквозь мерзлость пробьюсь,
Я долго в безмолвии маюсь,
Я крови своей не боюсь.

Я встану от голоса Библий –
Но верю талмудным словам,
От грохота будней и битвы
Все кругом идет голова.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

И всюду глаза, как бойницы
Глядят на врагов и во тьму.
За то, что был мертвым в больнице,
Живым, ведь уйду я в тюрьму.

За все отомщу, рассчитаюсь!
Расплавлю жестокости лед,
За тех, кто лишь летом оттает,
За тех, кто уж пал и падет.

Простите за мрак настроений.
Воскрес, отлежавши бока.
В окно мне уставились ели,
А в небе бегут облака, –

И в образах все человеческих –
/Они без гремящих оков/.
В Дербент на джааматово ^Хвече
На правое вече веков.

Не сгложет болезнь меня, сука.
Я, может, еще пригожусь,
И все же, пока-что в Иркутске
На койке больничной лежу ...

Джаамат – на джугурском языке – синагогальная
община, "миньян".

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КОЛОДОЙ КАРТ

Из сердца не выбрасывай меня,
Жена моя, красавица моя.
Меня водою полой-из огня.
Снесло в чужие, дальние края.

Пусть плачет в розах колких соловей, —
Среди шипов и больно так и мило.
Средь кедрачей, среди жесткости ветвей
Еще волней.

И так неумолимо

Стараюсь петь. Чтоб не забыть язык,
В разноголосьи чтобы не затерся.
В колоде карт есть brave тузы,
Которые безбожно бьют шестерки.

И вот в бою, когда переплетется
Вальтов доспехи с дамским блеском муз.
Уж бьют тузов козырная шестерка, —
Козырный смотрит равнодушно туз.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Гремят сильнее вонючие параша,
Летят грозней проклятия слова.
И не поклоны бьет она, как раньше,
А бьет тузов безбожно, — на повал.

И красно что, и то что очень сине,
Все это наша — арестантов жизнь.
О козырьсы все небо над Россией
И рабья кровь по жилам козырьсы.

Кинжалы превращайтесь яро в сабли,
Из юношей пусть вырастут бойцы!
О козырьсы хижина и сакли
И превращайтесь в белые дворцы!

Смеются конвоиры-бузотеры,
/Не им, а нам тяжелый лес грузить/.
Пока что мы побитые шестерки,
Они пока могучие тузы.

Но собираемся мы, — семерки и восьмерки, —
Нас больше...

Грянет дикий вихрь.
И отомстим за наших братьев мертвых,
Тузам оплатим вдоволь за живых.

Метнется разум пламенем огня,
Слетят с темниц со скрипом диким двери,
Из сердца не выбрасывай меня,
Коль ты жена, коль ты еще мне веришь,

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

Что я вернусь, а я как есть вернусь! —
Вернусь не так, как раньше — тучно, грозно,
Как соловей я в розы окунусь,
И запою в родных колючих розах.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

ОБЛАКА

Облака.

Облака над тюрьмою, над лесом и лугом,
Им надо уходить и с грозой приходить.
Я завидую вам со своим неизменнейшим другом,
И колотится жадно свобода на сердце – в груди.

Я завидовать вам никогда, ни за что не устану.
Не постигну я ваш никогда горизонт.
Вы похожи на горные цепи в моем Дагестане.
Ну, столпитесь! Ну, гряньте над миром целебной грозой!

Если нужно, сожгите для счастья людского полмира.
Перемойте дождями все косточки мертвых, живых.
Орошайте поля, и свергайте довольных эмиров,
А потом уходите в пределы своей синевы.

Доцветут и без вас на могилах цветы полевые,
И без вас за решетку придет удивительный сон ...
Но качаясь, как горы, идут облака кучевые,
И уходят свободно за синий лесной горизонт.

ДЕРБЕНТ

Ты спрашиваешь друг мой, сибиряк,
Кто я такой: лезгин или комяк?
И родина где дальняя моя...
Тогда послушай: Дорогой мой друг,

Далеко, далеко у синих гор,
Где синью тюрской вымытый простор,
Стоит мой древний город непогод, —
Родной мой нестареющий Дербент!

Семь улиц разбегаются с горы, —
От крепости, рожденье где зори —
И над рождением зорь маяк горит —
Как ты чудестен, старый мой Дербент!

Я там родился и писал стихи,
Там люди молчаливы и тихи,
Внезапность в них запряталась стихий, —
О, тихий мой до времени Дербент!

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Прирос к нему я сердцем на века,
Не оторвет ничья теперь рука;
Хоть я любить могу издалека
Тебя мой древний, отеческий Дербент!

К нему из дальних и заморских стран
Когда-то плыл усталый караван
Судов, верблюдов – свой у них коран –
Гостеприимный мой всегда Дербент!

САД ОСЕНЬЮ

Наполнен сад шербетным ароматом.
Полно в ветвях еще набито птиц.
Трещат от сока красные гранаты
И желтый лист, сверкая, в тень летит,

И ивы здесь, — не там, — не за горами! —
Трепещут листья, как силок с плотвой.
Горят кусты кизила не сгорая,
Гудит чинар чугунную листвою.

Ашуг струну лишь тронет у хомуза —
Построятся багряные кусты.
Здесь можно все переложить на музыку,
Перевести все можно на холсты,

На землю с светом, на движенье соков, —
/Но только осень эту пережди/.
Здесь можно все перевести на солнце,
На ветры, на затишье, на дожди,

На бренность отработанных станков,
Что так старались выдаться за медь.
Здесь можно навсегда с тобой остаться,
Пробывши час, здесь можно угореть.

Пятнятся светом желтые ограды, —
Не нужно сад от взоров закрывать.
Отпахнет все в садах и огородах,
И урожаем ляжет в закромах.

Солнце склоняется к вечеру, —
Тени сгустились в саду.
Нас разлучили навечно,
Но все же к тебе я иду.

Иней пусть сядет на горы,
Росы — украсят траву.
Горы — созвучное с горем,
Горы я горя взорву.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Я царя не хвалил.

Я клеймил его так и куплетом.

И сейчас я в застенках цементных надрывно кричу:
Не хочу я чинов. Не хочу от него эполотов.
Мишуры от него золотой не хочу.

Покупается все.

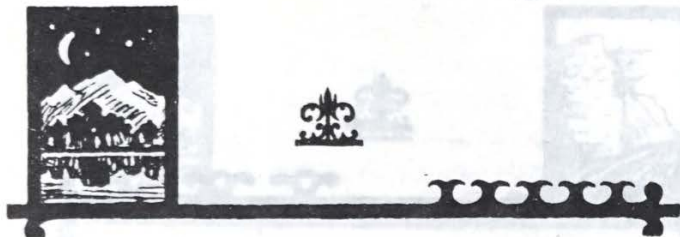
Только совесть – она не продажна, –
Если только она человеку отрода дана.
Ее носят глубоко под сердцем бесценной поклажей.
И она лишь в деяниях наших и мыслях видна.

И какая любовь к кровопийце царю Николаю ?!
И какое ему по шпалерам холеным "Ура?!"
Уж собаки и те, догодавшись про это облают.
И смеются уж куры по заспанным джугурским дворам.

Не хочу я чинов.

Не хочу от него эполоты.
Мишуры от него золотой не хочу.
И в хвалу Николаю Мардахай не напишет куплетов,
Не накинёт ему золотого безгрешья парчу.

Когда солдат, шагая по магалу,
Пройдет шурша шинелевым сукном,
Ты выгляни, Наргуз, как полагает,
И позови его через окно.

Ему, быть может, велено погибнуть
От жгучей пыли, холода штыка.
Родным его не отыскать могилы, —
Солдата жизнь, — что день у мотылька.

В бою, в пыли и в полыханьи дыма,
Быть может, в окровавленных полях,
Он упадет вдали от глаз любимых,
Губами безимянно шевеля.

Ты будь родней ему, поставь заплату,
Пришей крючек, отвергнув женский яд.
И накорми, и напои солдата.
Считай, что тем солдатом буду я!

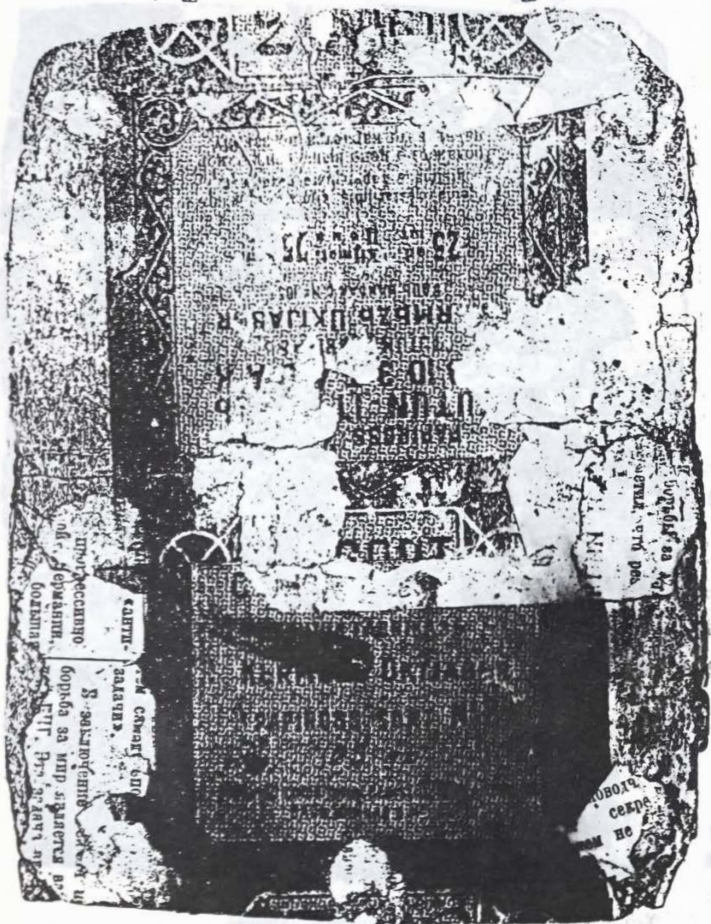

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

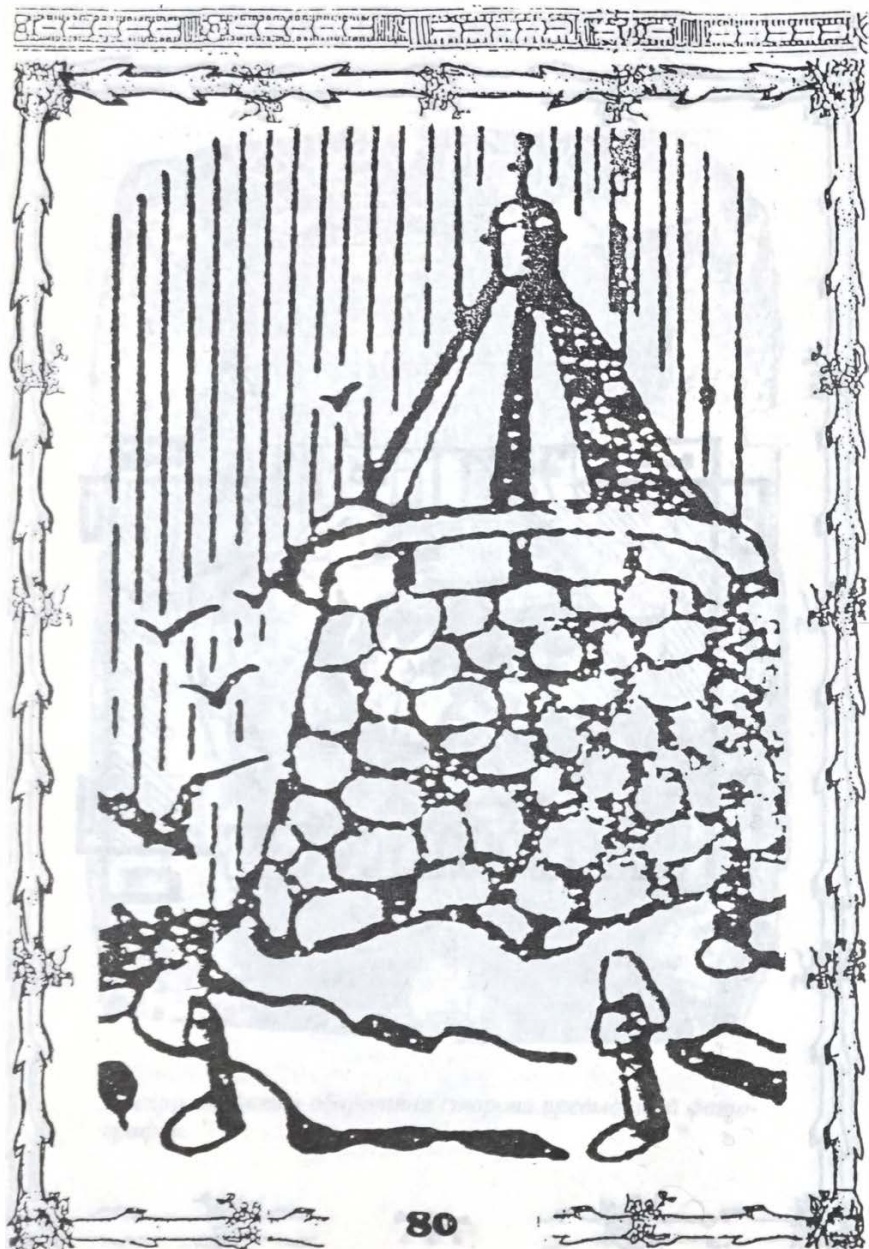
НА СНИМКЕ: Мардахай Овшолум и его жена Наргуз.
Дербент. (Старое фото)

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

Воспроизводится оборотная сторона предыдущей фотографии.

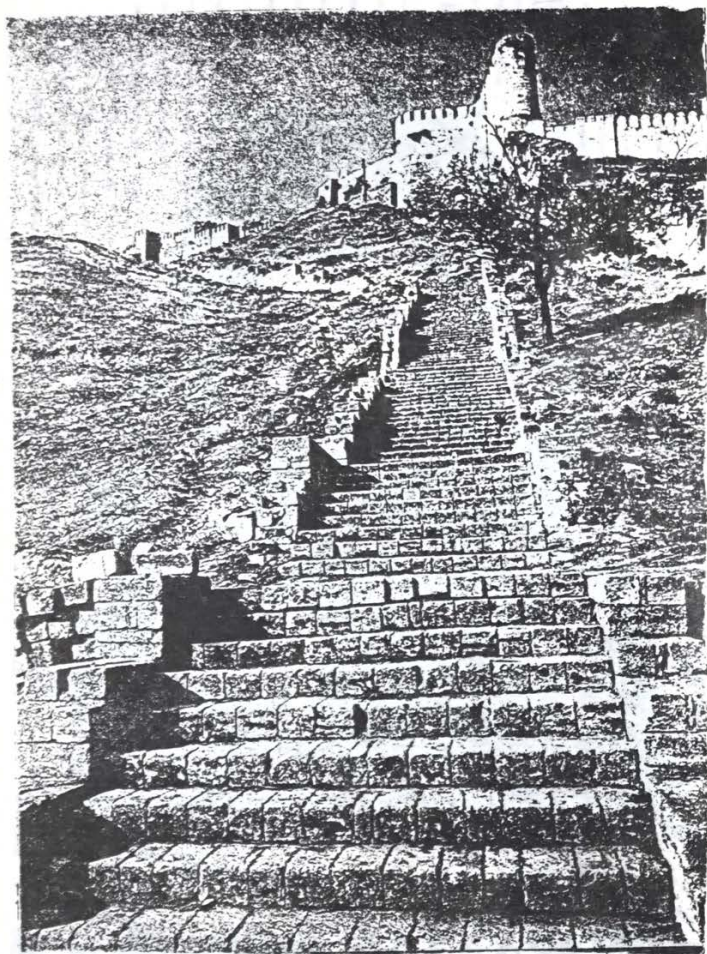

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ

1850—1925

ДЕРБЕНТ. Лестница, ведущая в цитадель Нарын-кала

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

ВМЕСТО ЭПИТАФИИ САМОМУ СЕБЕ

Не надо слез, не надо мне надгробий
Из дорогих и тесанных камней.
Не надо мне, не надо мне и гроба,
Я в землю так уйду – она по мне.

А камень вы вложите лучше в саклю,
Доска пойдет на полку или стол.
И даже саблю, не ложите саблю.
Она нужна вам будет.

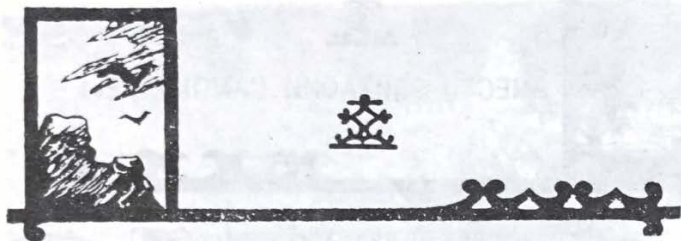
А пистоль

Ложите не в могилу, – на могилу,
Чтоб не читая на камнях слова
Мог дать бы залп чужак какой-то милый, –
Напомнить мертвым: "Жизнь – она жива!"

Что в небе облака белее ваты,
Что стих во всем Дербенте брызглий хай.
Одно прошу: – Вы всем передавайте,
Что жил для них их "дядя Мардахай".

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

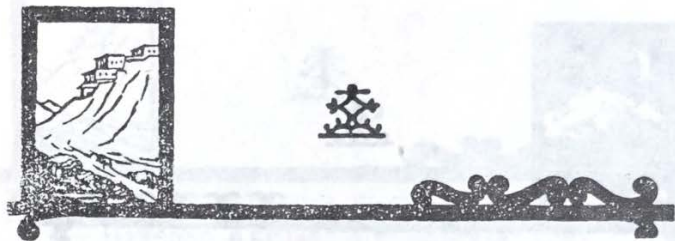
Три года плакал, когда был ребенком.
Молчал пять лет, как запряженный вол.
Испачкал сотни чистеньких пеленок,
И если б дали – больше перевел.

На свадьбах съел штук двадцать поросят,
Имел две сотни яростных ижог.
Убил одних городских десятков,
И пережил троих красивых жен.

Прочел 132 огромных тома.
В целебных целях истопил ежа.
Сидел все тридцать, не считая дома.
И буду вечность целую лежать.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Придя ко мне, прешу я вас, — не плачьте.
Я тех, кто плачет, беспощадно бил.
Придите на могилу и не кланяйтесь —
Поклонов я как беков не любил.

Не корчитесь в корявом диком мате, —
Лежит, быть может, вовсе рядом мать.
Папаху на могиле не снимайте, —
Папаху я пред ханом не снимал.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

Стихи писал. Влюблялся под луною.
И говорил в невзгодах: "Хорошо!"
Одно я ставлю сам себе винсю,
Что яму, где лежу, не обошел.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

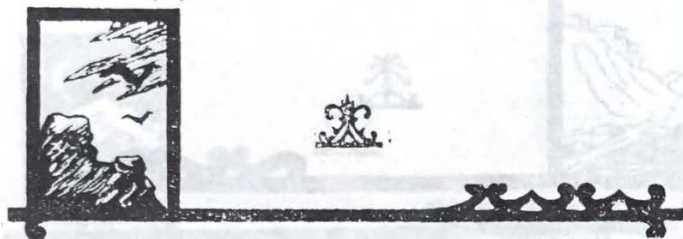
Наверно, в вечность я беззвучно кану.
А я ведь, верно, кану – то по мне.
Не ставьте, люди, на могилу камень, –
Я не любил отесанных камней.

Хоть видел лица – каменные лица, –
Мотыг тупее и тупей зубил,
Когда служил городовым в полиции,
Когда уже оттуда выгнан был.

Мне в спину камни дикие летели,
И подступал колющий в горле ком.
И были камни мне всю жизнь постелью,
И сторожем, и верным потолком.

Вы сжальтесь, люди. Сохраните память,
И посадите лучше тополя.
Ведь век лежать мне под тяжелым камнем,
Лежать покада вертится земля.

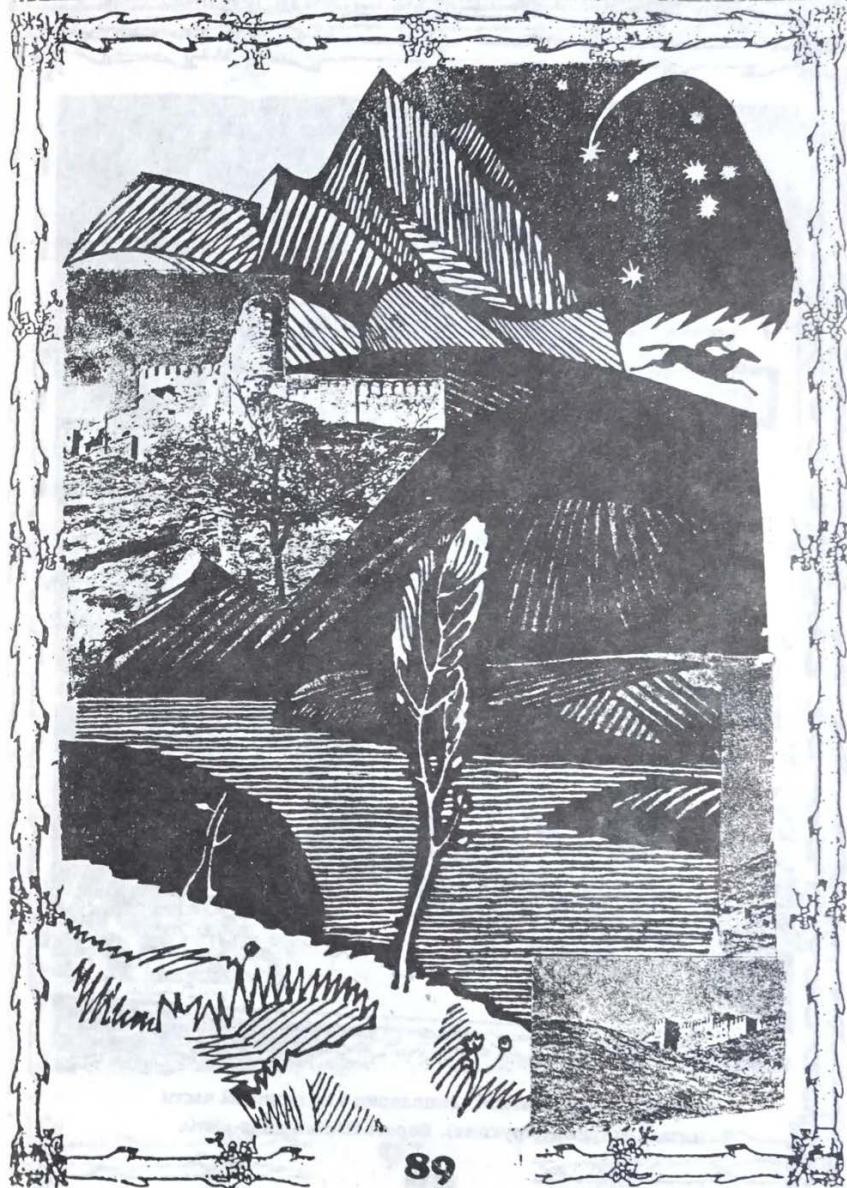

Приди ко мне в поглаженном костюме, —
Не наводи халатом серым жуть.
Всю жизнь свою я просидел по тюрьмам, —
И вот в тюрьме последней я лежу.

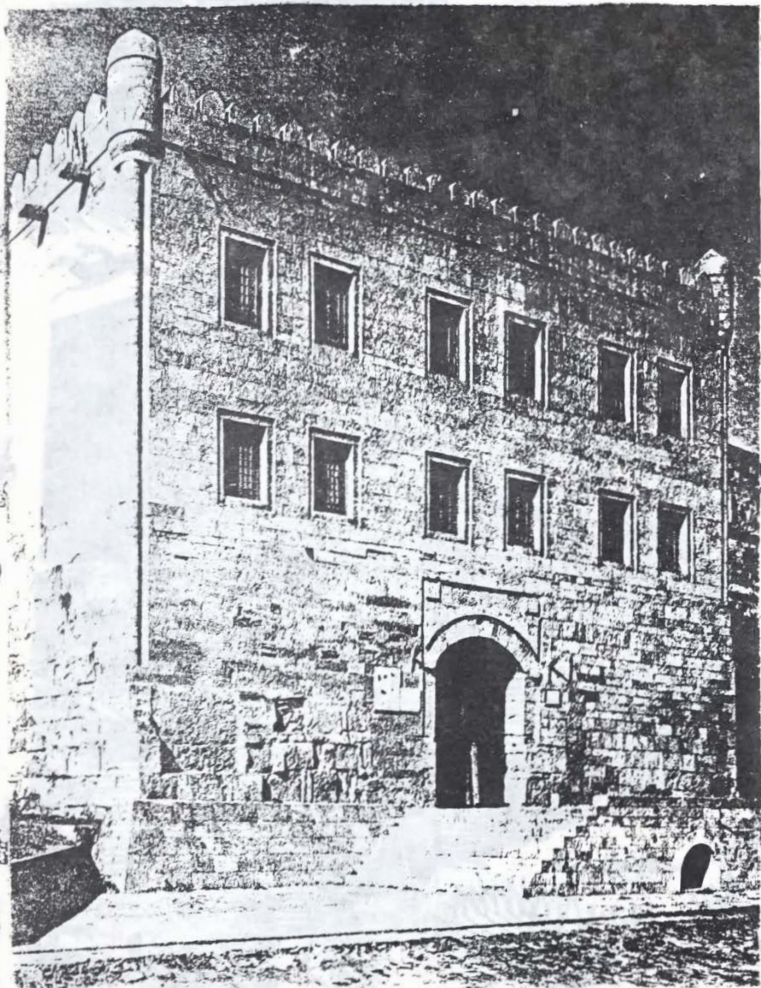
Из тех бежал двенадцать раз безшумно.
Меня и здесь, наверно, не сдержать.
Затем я лег, чтоб крепенько подумать,
Как из тюрьмы последней убежать.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

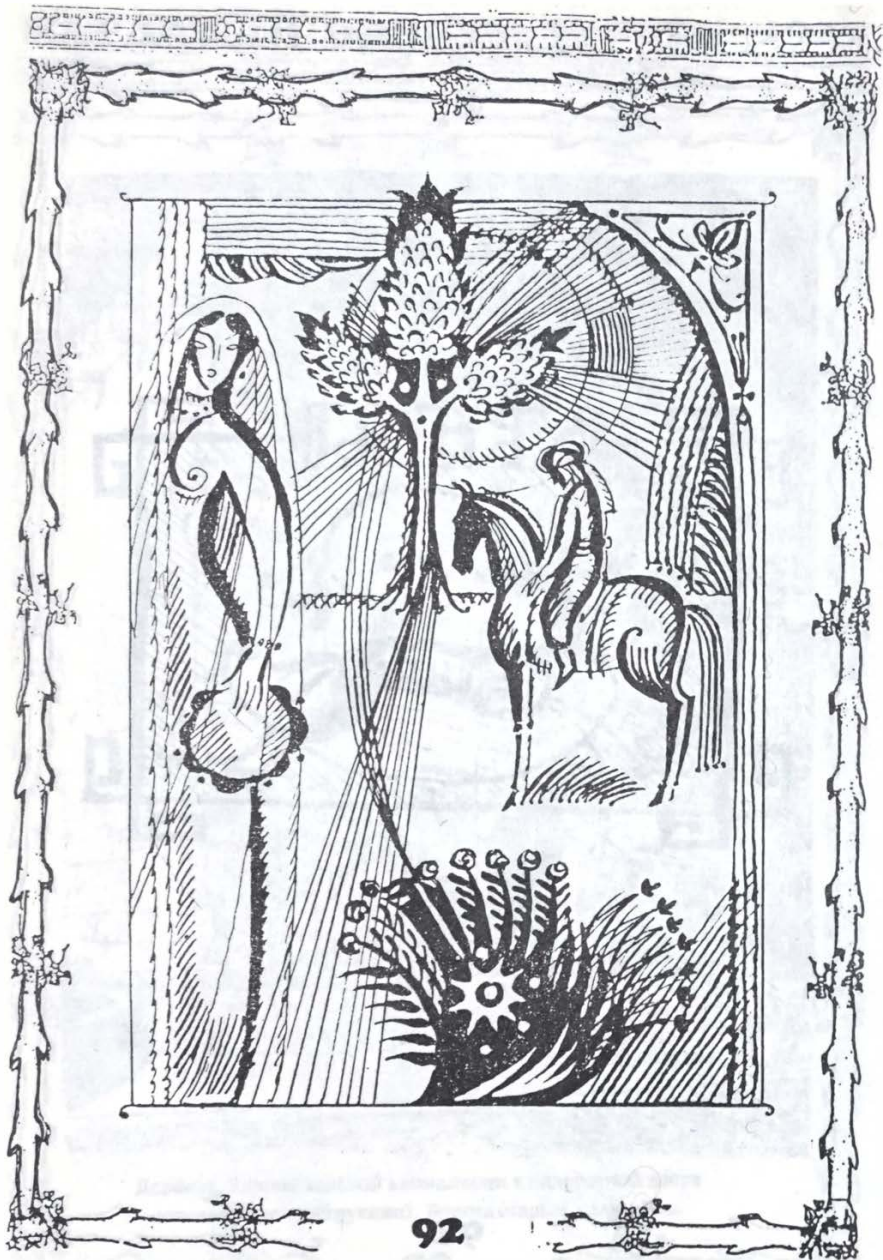

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

Дербент. Здание ханской канцелярии в надвратной части
цитадели (реконструкция). Ворота Нарын-кала-капы.

ХВАЛА СВОЕМУ КИНЖАЛУ

Ты не сгубил ни барашка, ни курицы,
Ты не встречал обнаженностью рать.
Кован был где-то под Тулой иль Курском,
А пригодился в наших горах,

Как украшение к лихому бешмету,
Как украшение на ткани ковров.
Только твое назначенье, примета,
Плоть твоя, цель твоя – кровь!

Кровью когда-то ты будешь напоен.
Люди – в холере, а время – во тьме.
Что ж побрякушкой гремишь ты на поясе?
В ножнах сидишь ты, как в темной тюрьме?

Выхвачу. Высверкну. Дам поработать, –
Чтобы кривился от ужаса рот,
Чтобы не лилось соленого пота, –
Лилась чтоб ханов соленая кровь.

Враг мой! – И всажено жало под горло.
Бренного, жирного тела не жаль.
Вытянув жало, я выкрикну гордо:

"Что ж ракраснелся ты, верный кинжал ?!"

Ты застеснялся, что кровью окрашен.
Это был пристав ! Это был бек.
Я понимаю, дружище, барашка
Ты не зарезал за долгий свой век.

ХВАЛА СВОЕМУ КУЛАКУ

Пять пальцев.

Пять отдельных пальцев.

Но если сжать – получится кулак.

О трепещите жалкие паяцы!

За ним спокоен будь всегда, кулак!

Он раскрошит скулу у злого бека,

И не срастется и во век скула.

– Даздравствует, как слово, человека.

Здоровый Мардахаевский кулак!

Он по столу ударит – склянки брызнут,

До синевы сожмется он порой.

Он разожмется траурно на тризне

Или в день тяжкий дружных похорон.

Когда волнуюсь я – он неспокоен,

Когда я рвусь – готов он бить.

Разжавши пальцы, может стать рукою,

Чтоб волосы любимой теревить.

ХВАЛА СВОЕМУ ПЕТУХУ

По нраву ты мне лишь и вровень.
И драк ты не меньше видал.
Ты дрался, задира, до крови,
И всех петухов побеждал.

Ты лил свою кровь ненапрасно.
Будил своим голосом ночь.
Гордился тобою я страстно,
Кормил тебя лучшим зерном.

Тебе бы поклоны, намазы,
В магалах ты мощью процвел,
Но спор если был, то ни разу
Меня ты в бою не подвел.

И сам понимаешь по сути, —
Тебе напоследок твержу:
Героев в народе не судят,
Но я тебя все ж осужу.

На смерть осужу псбедителя,
И здесь ты героически прольешь
Гсрячую кровь, как обиду,
И дашь мне хероший бульон.

ХВАЛА СВОИМ ГУБАМ

Ронять слова хвалы и порицанья, –
Вот ваша путеводная звезда,
Вы попусту, на ветер не бряцайте, –
Молчать лишь только нужно иногда.

Друзьям вы никогда своим не врали, –
Ведь правда с верой счастье берегут.
Вы сплетен с губ злословных не срывали, –
Срывали поцелуи с женских губ.

Клеймили что позорно и бесчестно.
Хвалили смелость, доброту и мощь.
Вы бились честно, горестно и тчетно.
Чтоб отступила жизни страшной ночь.

Вы бедных в нищите их не винили,
Не выводили лесть, как день – зарю.
Слова хвалы вы так не обронили.
Но прорицали смерть всегда царю.

ХВАЛА СВОИМ ГЛАЗАМ

Века во чреве вас уже сосали,
Вы были в плотской, теплой темноте.
Я вытирал вас рукавом засаленным.
Я выплакать вас, страстные, хотел.

Но путь когда прошел нелегкий, длинный,
Определило все движение лет:
Вы видите везде несправедливость, —
Желали видеть правду на земле.

Сверкали гордо, как булат кинжала.
Сверкали ненавистно по глазам.
И вам язык и сердце не мешало
Все то, что нужно, яростно сказать.

Вы повидали разные нелепости.
И видели, как раб в ярме потел.
Вы в темноте тюремной долго слепли.
И лишь прозрели в этой темноте.

НЕ ВЪЗНЕСЪ СЪ ДЪРАХЪ СЪЩЕ
НЕ БЪДЪ ТОА ДЪКЪМЪСЪ, — ХОТЪТЪ
А ЧИО, ПЪРЪВЪСЪСЪЩЪМЪ ОУДЪ,

ПИСЬМО ИЗ ЦАРСКОЙ АРМИИ ДОМОЙ

Приказ зачитали в июне,
В разгаре безбрежного дня,
А завтра под вражие пули
Угнали насильно меня.

Угнали всех бедных под пули
За жирных богатых сынков.
То было в середине июня –
Формированье полков.

Свинец, как метели бушуют,
В атаку мне вновь подымать.
Ложимся мы в землю чужую, –
Вдовеют в Дербенте дома.

Гнием под дождями в окопах,
Несемся в припадках огня.
Сегодня я пару прихлопал,
А завтра прихлопнут меня.

Безумство-безуисто рокочет, –
Не видно от страха лица.
Не бог так, родимые, –хочет,
А царь, окрававленный царь, –

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

Убийца.

Он шлет не подумав –
(И только попробуй не сметь),
Под самурайские пули
На верную, точную смерть.

Он кормит бурдой нас гнилою.
Не ешь – уж кричит: – Сабатаж!
И под шинельной полою
Кромольного ищут листа.

Кричит, как на скот, обезумев, –
А в горле лишь горестный ком.
Считают подгнившие зубы
Капральским стальным кулаком.

В кровавой разнузданной течи
Знамена бинтами парят.
Под крики: "За славу Отечества!" –
Воюем за славу царя.

Вчера не увидел и света,
Сегодня привал и отбой.
А завтра на самом рассвете
Угонят меня на убой.

Но правда святейшая с нами,
И с нами к Отчизне любовь.
И царское белое знамя
Мы выкрасим в красную кровь.

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ ОТРЯДАМ, УХОДЯЩИМ НА ФРОНТ

Сегодня приказ и задача
Даны – и полки впереди.
Не внимлите женскому плачу,
А внимлите сердцу в груди.

Велит, – значит драться и драться
В кровавом схождении зги.
Мы братья отныне, мы – братья:
Джугур ли, аварец, лезгин.

Борьба нас роднит и скрепляет,
Когда поселенья горят.
Бандиты в аулах гуляют,
Бандиты бесчинства творят.

Лишайтесь терпенья и страха –
(Обозы толпятся в грязи).
Нам с юга грозит Бечерахов,
С России Деникин грозит.

Идите на заступы счастья, –
Кровавей заря занялась.
Пусть будет и ваше участие
В победе всеобщей за власть.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

Деритесь!

Как черти деритесь!
/А мне только песни слагать/
Отрядами горскими прите,
Ломайте, крушите врага.

Идите!

Деритесь без страха.
Деритесь, как черти, за жизнь!
Южнее бежит Бечерахов,
На север Деникин бежит.

ПОСЛЕСЛОВИЕ^x

(Беглые размышления спустя много лет)

Пятнадцать лет прошло с тех пор как собирались сведения о жизни Мардахая Овцолума, как по крупице записывались его стихи и в содружестве с поэтами Амалданом Кукуллу (составителем и редактором на родном языке; также им производилась магнитофонная запись некоторых стихов, и им же делались подстрочные переводы с татского (джугури) на русский язык — А.С.), Борисом Гавриловым, Михаилом Дадашевым, Семеном Юсуфовым, Сергеем Изгияевым и другими, и тут же делались подстрочники. Много за это время успело измениться в нашей стране и в целом в мире: выросли те дети, которых и не было на свете, позакончив средние школы; нашел свой тихий вечный приют на переделькинском кладбище дедушка отечественной литературы К. И. Чуковский, который познакомившись в 1965 году с рукописью этой книги писал: "Работа нужная и полезная, но требует некоторых доработок" —, что было учтено. В мире появилось воздушное пиратство, международный терроризм и много

^x Это послесловие, написано в 1980 году к третьему "самиздатовскому" выпуску переводчиком А. Сениным (от составителя).

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ

1850 - 1925

СТИХИ,
ПЕСНИ,
ХВАЛЫ,
ЭПИТАФИИ

В
ПЕРЕВОД

АНАТОЛИЯ СЕНИНА

МОСКВА - 1980

Обложка "самиздатского" выпуска. Москва, 1980 г.

всяческих вещей, с которыми не может соглашаться любой гуманист. Но эти катаклизмы нашей эпохи, в других — были свои, не менее причудливые в своем варваризме.

И все же, глядя с позиции сегодняшнего дня на того, кого мы представляем тебе, читатель, можно сказать также, как некогда говорили в его адрес в жандармской управе г. Дербента (Дагестан): "Да он же бандит?! Как же не бандит, если убивал сыновей беков, совершал побеги из каторги и тюрем ..." Это — если отбросить мотивы побуждающие его к таким поступкам.

Фрэнсуа Вийон — (1431—1463 гг.) — также преследовался за убийства и неоднократно сидел в тюрьмах, совершал побеги, был приговорен к смертной казни через повешанье, но он подарил всему миру свои неповторимые баллады, рондо и — эпитафии — тоже. Вся его жизнь, как и Мардахая Овцолума, состояла из правонарушений законов того общества, в котором он жил. Важны не те нарушения, которые совершает человек, а условия, которые его толкнули на это и, теперь с расстояния времени, человечество винит не правонарушителей, а общественно-политический строй того времени.

Вышесказанным нехотелось бы оправдывать ни один вид насилия, который может твориться над человеческой личностью вообще и никакой личностью, пусть даже самой гениальной — но социальные предпосылки я все же беру в учет, хотя во всех религиях это осуждается. Высшая ценность мира — это человеческая жизнь сама по себе; вторая ценность — это его свобода.

Марадахай искал справедливости и, еще, не найдя

своего духовного кредо, он полагался полностью на свою недоюженную физическую силу, как ни как он был ростом более двух метров и обладал богатырской силой, но если бы он не оставил нам своих стихов, то память о нем давно бы уже стерлась в поколениях, а они — стихи — многое объясняют и частично, если не полностью, может быть оправдывают его.

Историческую память народа можно на время заглушить, но невозможно ее уничтожить полностью, и пусть Мардахай Овшолум не оставил после себя надгробного камня, хотя был похоронен с почетом, всем городом на старом еврейском кладбище в Дербенте. Тем не менее, он нам оставил те стихи, которые к нам дошли. Прах художника Николая Рериха развеяли по его завещанию, но живут во многих музеях мира его картины; могила Артюра Рембо не найдена на бедном госпитальном кладбище, но стихи его оказывают влияние на современную западную литературу.

Не возможно понять творчество поэта в отрыве от его эпохи, национальной культуры, религиозных воззрений, языка и вех его биографии. Все это неразделимые вещи. Мардахай Овшолум является представителем древнейшей языковой культуры, и мало кто знает, что татский язык, — есть не что иное, как древний фарси^х с некоторыми диалектическими местными особенностями, возникшими в долгой

Древний Фарси — согласно научным, теоретическим и практическим изысканиям по дешифровке "Тайны Слова" Амалдана Кукуллу, слово фарси — означает язык Вселенской святости, также как Авеста — гово весть — что значит, Вселенская весть (А. С.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ (Беглые размышления спустя много лет)

исторической нелегкой судьбе этого – горско-еврейского народа, самоназвание которого – джугур догъи. Видимо, Мардахай Овшолум, как и его предшественники, и сверстники, был знаком с творчеством таких фарсоязычных классиков, как Фирдоуси, Саади, Рудаки, Джами, Хафиса, Омара Хайама, аль-Фараджа, а будучи верующим иудеем, наверняка, изучал Тору (Хат тирошо), талмуд, агада, знал молитвы и известно, что стихи свои писал древнееврейским шрифтом (Алеф-Бет), знаком был с фольклором своего народа... Особенно ярко это знание и приемственность культур проявляется из немногочисленных эпитафий самому себе, дошедших до нас: композиционное построение, тонкий сплав юмора и грусти, и наконец, – образ мышления в целом и музыка стиха на родном джугурском языке.

Хотя Октябрьская социалистическая революция и освободила из очередной каторги поэта, но он не был марксистом и в своих стихах послереволюционного времени остался бунтарем-одиночкой и певцом своей нелегкой, но мужественной судьбы. Перед нами встает гордый, сильный дух правдоискателя и борца за социальную и человеческую справедливость – так ли это мало ?!

В заключении сообщаем, что в ближайшее время горско-еврейский (татский) читатель прочтет стихи этого сборника на родном джугурском языке, который издается под редакцией поэта Амалдана Кукуллух.

Анатолий СЕНИН
поэт-художник-переводчик
Москва 1980

* На родном языке сборник официально так и не был издан, хотя неоднократно Амалданом Кукуллу предлагался в Дагестанское книжное издательство (А. С.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

**ПОДСТРОЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ
С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И ДЖУГУРИ
ОСУЩЕСТВЛЕНЫ ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИМ (ДЖУГУРИ)
ПОЭТОМ
И
АВТОРОМ
ГОРСКО-ЕВРЕЙСКОЙ (ТАТСКОЙ)
ГРАММАТИКИ
И
СЛОВАРЯ
БОРИСОМ ГАВРИЛОВЫМ
В ПРИСУТСТВИИ И ПО ПРОСЬБЕ
СОСТАВИТЕЛЯ И ПЕРЕВОДЧИКА ДАННОГО СБОРНИКА
РАННЕЙ ВЕСНОЙ 1965 ГОДА В ДЕРБЕНТЕ.**

БОРИС ГАВРИЛОВИЧ ГАВРИЛОВ
1908-1992

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

В равном поле или море и } Звезда
А тут данъ гунъ: шло как смена,
иногда шло смена
иногда: каменъ саватокую бунду
Звезда: а вон —

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

3. Царского имени не мог написать,
 личности не достигли бы выгоды,
 13) То-то баг написан, тому бывать
 потеснен был нас царь не любил нас.

Судили солдат, бы посмотрел кто.
 Потеснен бы, карата то - твой.
 14) Раскрой очи и пылью посмотрю
 Стоит карат потеснен царь нас.

- В садыбах не с у достью чре (потеснен)
 15) Изут по выран не найдут твздо,
 Когда вепанкост роднума, слепу
 Пиали мт, потеснен царь нас.

- умножающе молодых стем,
 16) Я радны в граде едн плетб.
 Я обо всем дучам
 потеснен, царь, ты всех нас.

- В зурескый день призывае
 бабабант вбоду зуром.
 17) Россия воеет, рана, умрунэт
 Мнере плает крабач дубина.

(или на ебодуе ед 4)

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

467. Как нам был ой айтий биш,
Прикажице милодомы пусть евайт шикт.
18) (без выжидания) Как нам был царь кривоссу
Пусть по снэвбу, икэнайт биант верткит.
x
И пещиц илюю основан
19) Не могу до сткити, даме вразднэ, ^{пещиц}
Вот это ботка за комара
Метри гутко занлотт етэки вербейт.
x

- Еврейские лавки, уличны узде.
20) Салдайт рэб в дуч-дучу оглиб бандж.
Наши ешарини толме русские
Платят рево крававицы дубейт,
x

- 21) Говорить Эпони накрасти мб
Гоним не мило крава рэб.
Вратескал куд ивет нам куд
Платят в пал шеницы дубейт.

Уар сие ^{Земле} ^{уаши}
Вне правни в прэ шно кр во

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭЛИТАФИИ

5087. Нисыныс на сватыс сестре.

- Всетака, кичи Саамай маетре
 1) Пуча в дие Весенко беспыныт мич.
 2) Зарыка сиеды мило и в пурбыне
 Нисаастыныт Я, пуча мает мачиты.

x

- 3) Тот мена опудил в плашки огно,
 2) Мадротых пучки и саваи дил мичы
 23) Руки мена не достает до дуров и роды
 Палачу и и Вот мачиты дил мичы.

x

- 3) Вотну сичи, мучант мичи аки
 24) Редат падаю на колечы
 Висето сиеды кривою обалываея и
 Муча сомною мачиты и мичи мачиты.

x

- 1) Мича св улетка не сорываеи, свизали,
 25) Мудькик и, на не мачиты мачиты,
 Мичитыны чепки свизаны коты
 Мичины Свиза - мичея муча мачиты.

x

- 1) Мичу, редато падаю мичины свизали
 26) На мичу мачиты на мача мичея свизали
 Ка и мичидея о мичидея свизали
 С мичидея в дичи о мичу.
 6) Сачи и мичидея, да мачеи и свизали
 27) Мичо пуч такис - тес мичея
 Мичо мича свизали мичидея
 Мичи и мичо мичея мичу.

(сачи на свизале бачи)

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

2)

См. 1-й вариант

См. 1-й вариант

- 1) Милые красные у лисы,
Розовые красные у лисы
33) Красы мои красны
А любовь верна в том
+

См. 1-й вариант
См. 1-й вариант
См. 1-й вариант

См. 1-й вариант

- 2) Говорят, Заняты мной все
34) Все мои хитрости ко мне
Не сплывет все из меня
А с чем всем достанется

Песня в честь войны

- 1) Говорят, Заняты мной все
35) Богатство мое все хитрости ко мне
Будет сны как они до войны
Бог посылает и в войну

- 2) Говорят, Заняты мной все
36) Пусть парит, пусть колышет меня
А любовь с книгами (Война с Завоевом придет)

(См. на 1-й вариант)

- 3) Кто в войну заняты мной
37) Брат, родные мои близки
Друзья здесь сплывут в Вас
Равны не будут последние победы
С Богом на том всех сны убывает
Не насматывая широк почину нас
Он в войну займется малыми

8с/2

- 5) Матъ не повинуе бѣдетъ пѣсѣ
39) Со слезами какъ блжннхъ милыхъ
Слезы и не зуть не боиасъ
не блжнхъ и въ если устнхъ. мн
- x
- 6) Я живу в горахъ Црхубекъ
Умуды и сестре нѣтъ в близе мѣст,
10) Болезни свѣжула мѣст, и
Ученіе друзей вокругъ мѣст, напомню. чужд
- x
- 4) Милостивъ на пилахъ унисуъ
41) до мѣст, мѣст, мѣст, мѣст, мѣст.
Друзья и оги и зѣбъ закрѣт.
не блжнхъ если устнхъ это.
- x
- 8) Ох, какіе мѣст, мѣст, мѣст, мѣст, мѣст.
12) Боги блжнхъ мѣст, мѣст, мѣст, мѣст, мѣст.
Путь до мѣст, мѣст, мѣст, мѣст, мѣст.
Друзья мѣст, мѣст, мѣст, мѣст, мѣст.
- x
- 9) Не зѣбъ... и зѣбъ друзей
13) и сонетъ, сонетъ, сонетъ, сонетъ, сонетъ.
Мардаханъ прогнъ и блжнхъ } чужд
и блжнхъ не помѣстъ какъ друзья.
- x
- 11) Вѣсно облака в горѣ человека
Каждъ помѣстъ, помѣстъ, помѣстъ, помѣстъ, помѣстъ.
14) Вѣсно мѣст, и рѣбнхъ вѣсно
В дѣбнхъ и блжнхъ блжнхъ друзья.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

- 3) Не востроет из судра мина,
Красавица пина, пуста мина,
Полно: вадит унесло мина
Мно мина пуста мина.
- 4) Соловей ласкает в кустах роза,
Мина и мина жемчужина себе.
Не суждено пуста мина в вадит пуста
Ласкает мина, пуста мина.
- 5) Роза свистает в вадит,
Земля раскаты, губы минает, (мелкий-сок)
Соловей пуста заклет, мина сада
Каждиз мина пуста мина.
- 6) Цветок сорвал урал рана,
Сад мой пуста дурата
Есть дора у мина пуста чва
Как сказать пуста мина
- 7) Мина и вадит в вадит садам,
Проминую ступа в вадит пуста (каждиз)
~~Свистает мина в вадит~~
~~Мина и вадит пуста мина~~
- 8) Дурата мина вадит пуста
Жемчужина вадит, Ласкает мина,
Земля пуста мина мина (малы).
Дурата вадит пуста мина
- 9) Работно мина судра мина,
Вот не свистает мина мина,
Свистает мина и мина мина
Мина, мина пуста мина.

-10-

- 8) Ох, вѣс голубые пудники,
без санни нош, мушкетёры,
герные оги, герные крест
браты, сестры цуете мене.
- 9) В горах вѣдѣи, паливыи чѣсто
Анны Анны и розовые,
по белому герному Запискам
дѣтѣишкѣ горах цуете мене.
- 10) Бѣлого ходи мурчи равни
В обществѣ Бѣлки и сови (руководица,
Гаммада)
Всѣхъ горах все сады
Цветущи сады цуете мене
- 11) Мардахай сам говорит
Еще с множи не расчитает
Клет-самъ Бѣлого мѣсто
мѣста рѣки цуете мене.

СТИХИ
МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА,
ВОССТАНОВЛЕННЫЕ ПО ПАМЯТИ
НА АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И ДЖУГУРИ
ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИМ
ПРОЗАИКОМ
СЕМЕНОМ ЮСУФОВЫМ
В ДЕРБЕНТЕ РАННЕЙ ВЕСНОЙ 1965 ГОДА.

**ФОТОГРАФИЯ С.Д. ЮСУФОВА ОТСУТСТВУЕТ.
НЕИЗВЕСТНЫ ГОД РОЖДЕНИЯ И ГОД СМЕРТИ.**

СЕМЕН ДОНОВИЧ ЮСУФОВ.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

(Эз салдайн мардагч)

Эхийнхнээр гэгээлдэсүйн суудал,
дербанд эдүм дүшүүб емон огдлерен,
дундль моли твиг гургуулмаз гургуулма,
дербанд эдүм дүшүүб емон огдлерен.

огдлерен огдлерен Хуучинг гиндг урзуулма,
ахдгудуб тапхилма ошма дугдг ёнуулма,
салдайн эдүмд эл гургуулмаз жонунма,
дербанд эдүм дүшүүб емон огдлерен.

ОЮН унгуулмадг эдүмд гургуулма,
гэгээлдэсүйн гургуулма салдайн эдүмд,
твиг иннеонлэр эхийнхнээр дур беле гургуулма,
дербанд эдүм дүшүүб емон огдлерен.

Эхийнхнээр бу гургуулма дүшүүб эвма,
гургуулма огдлерен юз элгилма,
эжб гургуулма дүшүүб дербанд иннеонлэр,
дербанд эдүм дүшүүб емон огдлерен.

8
 1. Второй раз мы пошли на реку и снова попытались поймать рыбу.
 2. На этот раз мы поймали уже две рыбки.
 3. Они были очень маленькие и слабые.
 4. Мы их отпустили и пошли далее.
 5. В конце дня мы поймали уже четыре рыбки.
 6. Мы их отпустили и пошли домой.
 7. На завтрак мы съели хлеб и чай.
 8. Вечером мы спали спокойно.

[illegible]

3 мучи эр савагчи
Пагогыч дедони тутт билменч,
гуогубди уни гуоре билменч,
гвеггичи дуйругинчен тикх билменч,
Рехым иле пагогычмуз егуэгдир биде.

13

Садагте гуондерев сене божмз игове,
гел егуэг илеме бухелги гуулеве,
Огубди гуогулруби бир бох алмече,
Рехым иле пагогычмуз егуэгдир биде.

14

Садагте гиденерчи улмз гевесен,
дуошенил дер бедер танчмз ёвоси,
уилерин огуке дуошенил акочини божис.
Рехым иле пагогычмуз егуэгдир биде.

15

Ёдирмисен жогбилерчи гвемичи,
уилерин шелбисен Кесер эрини земини,
мен гехурем. Бу дердлерин гвемичи,
гвемике Рехым иле егуэгдир биде.

16

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

3. мичи ээ сайзонин
 Бу не керемет гувизе нугугузи,
 Невдорсен ыер бир ёне дугугузи,
 урсенге юрчб ехилер яралиги,
 инди емон ольер гувделерин дербанди.

17
 бир неже эилеэ ой бевубг охуи,
 буюрун тогилерин керенин нугуюи,
 иллом юхуру бир хункорг бохуи,
 гдуй бир бир ублеуи удушмилер дербанди.

18
 Бу сувлери ~~дугу~~ бинесн уведе,
 деген билдурмез ошнее гуде,
 бу дова/олер улудугур бир мител уведе,
 инди емон ольер тоужелерин дербанди.

19
 Ёльузилер малал урур кузе кузе,
 кимлер дубикудугур бир хуруз беге,
 себдегерлер толуб неге неге,
 не мисин ольер гвизлер гелинлер дербанди.

Жуван дери тухуб ренги,
 Согулур тухлар ишилмиз ренги,
 Тухили дегиб уьзине нугдур менги,
 Не емон нуг улди илгилрин дериш.
91

Збывающих веры наших вересен,
 Ибо в нем же живем и движемся,
 и богу и отцу и святому духу,
 слава во веки веков. Аминь.

3
 Охъ вересен энъ ежывающихъ инъкъ,
 веръ инъкъ вересен инъкъ,
 веръ инъкъ вересен инъкъ,
 веръ инъкъ вересен инъкъ.

5
 Вересен ежывающихъ въ немъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ.

7
 Вересен ежывающихъ инъкъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ,
 инъкъ инъкъ инъкъ инъкъ.

Огъдугум огъдугум гъушум гитиш угъдуг,
 эхдеруб тапмеди анос боти ёшуген,
 неге пьсеротлер гъолди менуш жонугъ.
 Пьсерот жонден гъолди ёруш огъдуг.

5

Угъдугум гъедогъен гъинлерим гъере,
 омон аллах бу дердугум бир гора,
 минетугум у дур гъере гъуз ёре,
 гетке гъингъуз мени гъубогъ огъдуг.

6

Миндорек улеш сугъ болмекен кутубугъ,
 рехбиле климек бевугъ улеш божим,
 гъердани улги гъигъ улмеди билмекюз,
 не ние гъолди вор мени дигъогъ огъдуг.

7

Божим ёгине мен улмимек хитомек,
 пандим гъеймимек орхешинге хелет,
 гъобогъдугум гъеребулдир далимток еалде
 хебм дерддир ширин ботугум огъдуг.

8

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Говуи боззуги миллерем гачар,
гелсем узундур гит улмаз селер,
дурегуи дур сунуб тух улмишм ыкх
тух разнем догъи боти гелмем.
9

Селер селер буй-буй гучер бу догъе,
бир жонум вор езде гурбон ерде,
тукелер эйлерегуи миде гелем гдуно
узи бекреугуи ширин ёрум озлесуи.
10

Курбозум гелуб ухумишем эрими,
гит килуи юхур, ана дии едуги,
гвордешум сен сен еке танириш
хебер дердур ширин балам озлесуи.
11

Мердехам бу дугуишум будогъи,
езде гурбон улеи дугуишум жонум,
пуг узи элосум эбуи ушогъи,
узи дердур мергиз ёрум озлесуи.
12

Одигъым ол менде,
Эмул сенде ол менде,
Е бу дурдима ширин ул,
Е муьльбетин ол менден.

13

дур кочьозум гьутидеди,
хумор гьуьгум юкудеди,
темеде дев элхбеллуь,
Мироз верен юедедир.

14

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Э Исламийи Нурусуни

Доре туз убуруве дурем салан,
динъи мам убуруме тут ^{эмон тилур} ~~алла~~ ^{алла},
сене эмонийи убуруи бир жевон багал,
белкем аллагийи релимиеи тилур.

15

Дериб ерлерге белкем душдучи узаре,
тилур ме минини илган магаре,
Мельмузиеи юзбулур вебурчи усе веб,
Китоблер элине малламер тилур. ^{вебдере,}

16

Эвимизузон ёнинде Ким узар хебере,
Бимурвеи солзи мени вебдуре,
Узогумези вебдешевез белкем итизи ^{вебдуре,}
Кимлердур ёнума суола тилур.

17

Ухумеле дуфони танилмез малламуз,
Аллахийи ёнинде нуз улмез сузумуз,
Динъевеи динъиоб итизи ухумизуз,
Чи кир мин кир вебдуре суола тилур.

18

Униги тугизрин юлмерге твоее,
Марал килик сержоу улуб тилмерге твоее,
Юсуф пейгембер килик зукармерге твоее,
Вуитан улеи хебер мазоридеи гелир.

19

Менчум элчум тугузлди еркун мелирине,
Акаинен ботхи танильмиз энди,
Чезор элмечуб жоне гвурсу салкди,
Элимердубер енуме кумеле гелчир.

20

Жевонмер мвни. Типиниде алуер,
Гведубурзум уседе тилчум мугомой гелч.
Жоброил гелчуб гугушми алуер,
Мучо пейгембер элине чессо гелчир.

21

Эмел хереб уди менчум земончум,
Динилгидеи Кесиди менчум гувмончум,
Аллахиди енниде улеи гивончум,
Иброгим пейгембер енуме кумеле гелчир.

22

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Уверибуруви эжинде гун волур гвсроин,
кимлер инкер мичулингун эцирей хел/кин,
мервелем учуминим мусо табранн,
мусо пейгвембери релмисе гелур.

83

Угезде ткилудб инсоуви еусроин,
субиймон пейгвембере нагтопмуд хал/кин,
доп. еинийе веруади мусе табранн,
хьсореде бир гун мимбисе гелур.

84

Э рафрелн хемелбо хоеде

Уорелуодон салме мени,
 гүгел ерун үмелэл эйле,
 олардунер еулер мени,
 мендунм ёрун үмелэл эйле.

1

Бул-бул гүмкер гүл бүгөдө,
 ени гүгелон жон селдөбө,
 дегмелелел гүл гүгөдө,
 севил ёрун үмелэл эйле.

2

Гүгүгелгүлн гүмкер дееде,
 дери гүгелер лебү нүеде,
 бөлбон гүмме бөлбун үеде,
 дегмелел ёрун үмелэл эйле.

3

Бир гүл дегдунм себел селер,
 бөлн эгдунм алдн белер,
 бир гүгүгел бор гүгелн мөлелер,
 неже гүлн үмелэл эйле.

4

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Убедывагыр ёзерем салам,
туботъ уетъа эде твелем,
бимел улмеъ дилкен уылем,
аһа аһа твелем эйле.

5

Тубоже тигеи ой туботемел,
юхуи тилмеъ доръ тилемел,
твелем согуе ой ботилер,
боти твелем твелем эйле.

6

Эрилубдугер даш твелемел,
аллабдеси дубиши дилемел,
субдипиен иен твелемел,
ошле дубиши твелем эйле.

7

Дербинд уефи ой твелемел,
дубиши туботъ даш доръемел,
дир твелемел доръ микоремел,
батан дербинд твелем эйле.

8

МАРДАХАН ОВШОЛУМ 1850—1925

Фогдирине бийиги меле,
 бирн ырмагды бирн оле,
 тебричуб сулги олди ыере,
 зербинз догдыр ыелол эйле.

9

Челке чедер жгьером ёаби,
 межмилерге ыгер согди,
 чылычб эриде мильри богди,
 чылычб догдыр ыелол эйле.

10

Мердежесм мен ыиешем,
 ёрден колуи алмашимен,
 дуз чурелчевузи тух еишмен,
 ыеин анал ыелол эйле.

11

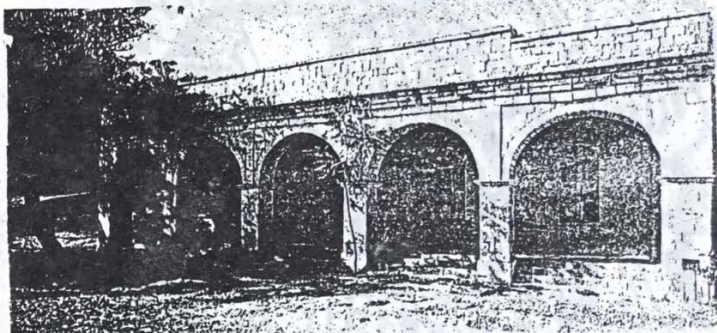
Эти еишоси жомисол
 Юефров еишол доновит.

Давид.

Чос. Дербини Буйнакскан 30/5

апрел 16, 1965. — А. К.

ДЕРБЕНТ. Здание гауптвахты в цитадели, где неоднократно сажали Мардахая Овшолума.

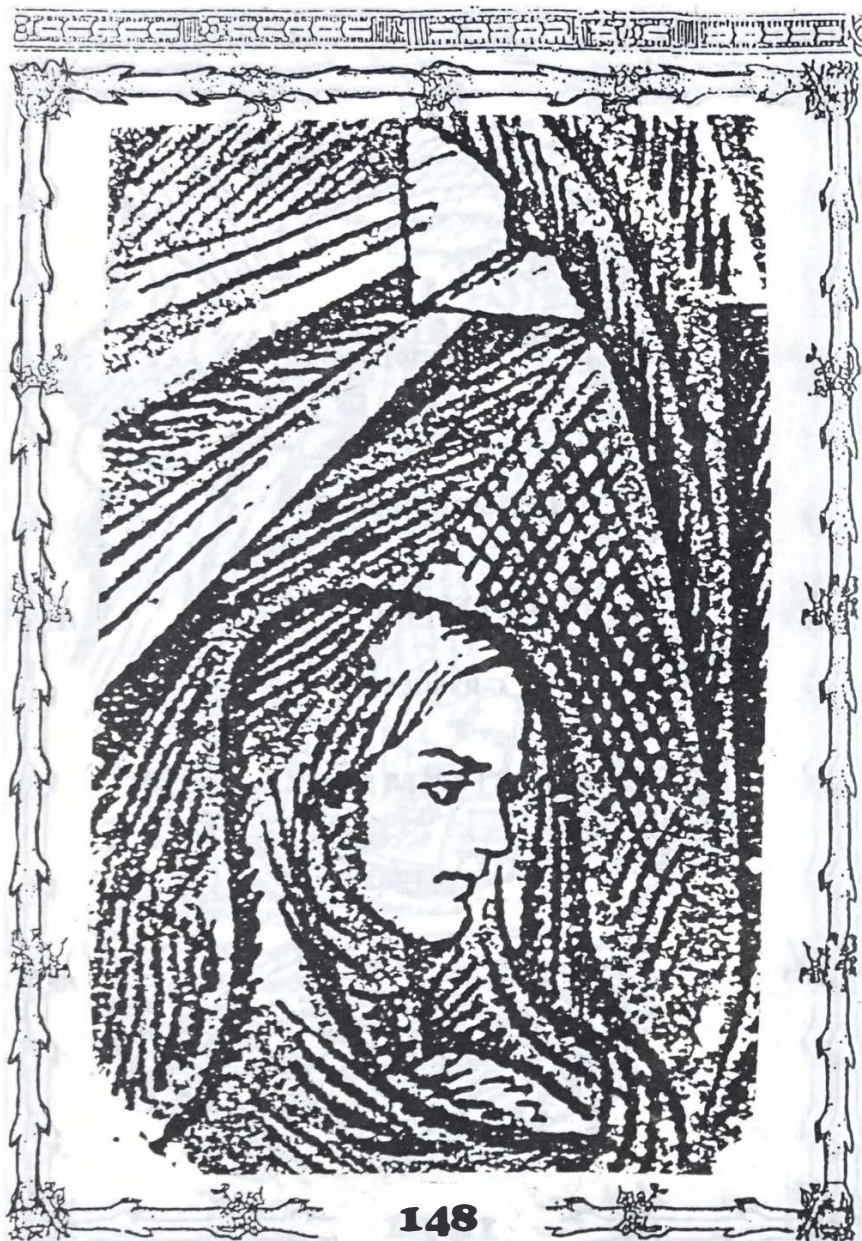
МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ
(1850-1925)

ИЗ НЕПЕРЕВЕДЕННОГО

НА РУССКИЙ

С ЯЗЫКА

ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ КAVКАЗА

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

(Кук)

Миллел бугао эри Россире тинини,
э зерге белугерде бебешу, тинини,
дуьльме эри сокити бире тинини,
ниеси сокити дуьльме эзу багзей.

Умдебугурум э хубе фикировоз,
туьхуби биеголе э дугировоз,
дуге бирем э дугдер Холбозировоз,
ниеси сокити дуьльме эзу багзей.

Хуиденуьм хуиденуьм эз зерди дуьльме,
эз хуиденм мерде бири ер эи дуьльме,
туьм-туьм зерге тирнедени и дуьльме,
ниеси сокити дуьльме эзу багзей.

Чегуфдире нумюре горейме ниеси,
эз дуьльме ме дум энч черч-ниеси,
нумуа хубо ширини дугуьмлем ниеси,
ниеси сокити дуьльме эзу багзей.

(Кур ил дугдур)

Кур! Цудам цуюм цогтгоймгере этүг,
дугде соймимиле түг,
цогтгоймгере едигори эрмүг,
дугде соймимиле түг.

дугдур! Цирнеде цирнеде церее мирисунуц,
цугдирегвойнүгс ле дугдунгисооц,
екисеки э дугдмиле пехани мисооц,
цүг хабери цезиде соймимиле түг.

Кур! Эри роцфде э цовох цверсундмилу,
э цвермшуй дугдмиле батанмилу,
э эрмүг ододе циромде ругдмилу,
нүгмде мегирне соймимиле түг,

дугдур! Нешинобусдуге ширине сеемүгс,
Зелхвер мисооцун, цемс-хурдгваймү,
шочгов цурсунуц аемү ил хорире,
бурх моч цезиде соймимиле түг.

ПЕСНИ СТИХИ ХВААЛЫ ЭПИТАФИИ

Кура! Жобдори сифатини бузубдигуни хуно
ушметти дендугайини бузубдигуни
бузубдигуни бузубдигуни бузубдигуни
уни ушметти бузубдигуни бузубдигуни

бузубдигуни! Бузубдигуни хуно иштире жасдиан,
э у бузубдигуни бузубдигуни бузубдигуни,
хебери шикобуеде анбар хасдиан,
бура, бура, бура, бура, бура, бура, бура, бура.

(духдер)

Омон ой нук рофденити еер дубиле лербе нид,
Эз имбурчз хурденте не эгду не ичонн ниду,
Мун зере зере су гурдучилем эде херой ниду,
Рофденити бурайт согз саламет мэр биёвошил.

Рафде уинмо нумнуре беги нум месох,
Э... р горафоровоз батане дурмун месох,
Дит дур ногвоз нуввуде дубиле, хел мес,
Бурайт бурайт согз саламет мэр биёвошил.

Имму рофдене мекунум эг мол гурмиз,
Мем рофде нидошум е духдер ~~хел мес~~,
Дубзуре мекунум батане нидошут рад,
Бурайт бурайт согз саламет биёвошил.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

(Кур)

Тувикн м рафэни Бисдорум,
Хвела сохит эмэ мон дегей,
Шиновуде сереон Бисдорум,
Хвела сохит эмэ хеон дегей.

Эз ундигукойнуге герме шир дорей мере,
Э сер сипре сипейнуге Келе сохейт мере,
Тум Черен мегвил у едуге хебермере,
рафэни Бисдорум Хвела сохит мон дегей.

Э и рахь Буратво татини мегоргу,
ини Чедуге сойминиде э мейдуге,
Чофгоаймере тумвинит эи мейдуге,
Хвела сохит м рафэни Бисдорум.

Тирнеде Тирнедеи дувдмере хыл меех,
Чофгоаймере шиновуде мере фозрмун мей,
Эмэ е хебар омаге воге тире' сох,
Хвела сохит эмэ хебер рафэни Бисдорум.

Эхов дурине дубл ишму мипурзоев,
 ме вараеудумлем гогоеойм ни вараеу.
 Кимилбо мисензуб, кимилбо мипурзоев,
 созбошир мон дегей ме рофкин диего.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

(Кук эг салгын (дого))

Шолуи эг тельеиу гердо эри ванан,
тубови тубовиуе мидий эри ванан,
твел беде твел зери дугуре ванан,
эг мекерин иирини ховиуе мон. ванан.

Э болхоррафде роре э нушо берин,
бравозир бум не еохде бфлугиуи гирит,
иму инжо тубовхо, ишмугиуи берит,
эри тубовиуе нул, нул эи ванан.

Хиники рафде тубиуи мидироб,
Э ишмугиуи мейуу дубиуи ивировоб,
Э нушой рафди дургу дурини лове лоб,
Э дуге рехе дурини рехе иму мон ванан.

(Кук раслус биринге кубууседе)

Велурге твемме муькувусеуиме,
Белки медсого э тараф ишму рожиме,
дургу бисого кубууседе твемме,
данийки де торе илмузди эриме.

и Когбоде хундиге эриме гириешт,
э соймишине тофбоймерс вараеуинт,
хелвермере э мейлебисо мираедит,
Белки ие оморчи цетжел кубнги эриме.

Гуиние расире ээ тор тараф мербиничу,
едигор юре э хушверовоз берзиничуи,
э ёрме оморинге бурчот зериничуи,
ишмуш даниит цетжел кубнги бири эриме.

Федейму э ер еити еиел беедучу,
нуммере гурде гурде хверой еолучу,
и Когбоде эришму едигор гурчотичу,
итиере вараеэ, ружубо кутехчи
Эриме.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

(дүңдөр)

Гүнеси белем мере кучо гыалы,
Ногори мере кум эи одохлы,
Сокеси мере нуге эг дуби аралы,
Хөсерончуми эри энү Когвознуге.

Тубинменгво тугнгошу эржи миду,
Когвозини кебиринге кееге туб миду,
Белем беде эг бойтеи дүхер миду,
Хөброи соксенуми эри энү Когвознуге.

Э болхадл гдубош мере мидум,
Э жипейнчуми жунмере мидум,
Е субидуми нурет ме зорон мидум,
Уш кумекки эри энү Когвознуге.

(Хелвер кук не одохлы)

Кук! Энгуб э фикировоз нубиндеи одохлу,
И хуверменнуге дош садубрлуге,
Дургини хадер белки гүнеси аралы,
Бирорнуге эилем бирори, мон одохлу.

духер! Хунде Коргозоре чере рихундунуи,
 мрбелбой мендеюрам ме турдунуи
 бирор иедире туе руз тоодул сохдунуи
 дура, дура менет мебои рмон озохлу.

Ку! Инжо аморе туре ниду кор миду,
 турисдере виниле дуи дуниле мор миду
 эз черелбойнуи эри е корин торе ниду,
 велхуи дура э коринуи, мон озохлу.

духер! Шову хов дурел хов дерзи,
 дие э дуниле робиле недемунуи,
 и беде руз эриме эгже мунуи,
 хуврз биедо кемериле, мон озохлу.

Ку! Мен дакувезенуи и турине хабери,
 сокин сое дунунуи эри жунуи хейи,
 ивемей улкерей эи дергаво хабери,
 коре э инжо берде черели, мон озохлу

духер! И тофелбойнуи э дуниле кор мисоху,
 эме бадго фалбир дедиму туи мисоху
 эг дун дедиму бадбой дун елим Нисуху
 тофелбойнуи амбар дунуи, мон озохлу.

СТИХИ

МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА

НА ДЖУГУРИ - ЯЗЫКЕ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ КАВКАЗА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИХ

ПОЭТОВ

ДАНИИЛА АТНИЛОВА И АМАЛДАНА КУКУЛЛУ

ИЗ "САМИЗДАТСКОГО" ВЫПУСКА НА РОДНОМ
(ДЖУГУРИ) ЯЗЫКЕ. МОСКВА, 1969 ГОД.

ДАНИИЛ АТНИЛОВ
1915—1968

На снимке: поэт Амадан КУКУЛЛУ за работой. Махачкала, 1964 г.

Дорогой читатель на джугури - языке горских евреев Кавказа! Включая в данный сборник стихи Мардахая Овшолума на родном языке, я, наконец-то, рискнул горско-еврейские слова воспроизводить так, как их произносит из поколение в поколение в разговорной речи сам народ, а не так, как это искусственно стало принято горско-еврейскими (татскими) писателями и поэтами старшего поколения в 30^х - 40^х годах, когда древнееврейский шрифт был заменен вначале на латинский, затем на русский, в результате при письме стали злоупотреблять твердыми и мягкими знаками, применяя эти знаки даже там, где они абсолютно не нужны. Вследствие такого злоупотребления стали искажаться слова, а зачастую - и смысловая значимость.

Судите сами: вместо слова "гюль" - "цветок" пишут "гуль", вместо "гарбеч" - "орех", пишут "гърбеч" или вместо "аиль" - "ребенок" - пишут "г'эиль"....

Подобные примеры можно приводить во множестве: в данном случае это не входит в мою функцию. Мне не хочется, чтобы мои произведения на родном - джугури - языке, равно как и то, что я предлагаю горско-еврейскому читателю, ими прочитывались так, как они сами употребляют эти слова в разговорной речи. Я убежден, что предлагаемая мною графическая и фонетическая "реформа" увеличит число читающих горских евреев, которые за последние 50 лет отделились от своей литературы из-за тех злосчастных злоупотреблений в горско-еврейской буквенной графике и фонеме писателями старшего поколения.

Амалдан КУКУЛЛУ
поэт, сказочник, фольклорист,
составитель и редактор
данного сборника

НА СНИМКЕ: Мардахай Овшолум и его жена Наргуз.
Дербент. (Реконструкция старой фотографии А. Сенина)

СОГЪБОШИ ГУФДИРЕИ

Руз чоршобот овурдут,
Дивун мере очугъ сохдут:
Эри ме Сибире вихдут, —
Азязгъойме, хаалол сохит!

Терссуз бире нигирисум,
Ишмуре эз ёр нифурсум,
Эришму шолум минувусум, —
Бироргъойме, хаалол сохит!

Э пойгъойме вегеш бухов,
Серме гъич гуз гирде ниёв,
Э жун диеш рухъ мидарав, —
Гъовун—гардаш, хаалол сохит!

Дерд мекеш пире лелейме,
Шори сохденигеш душме,
Эймуш товуш миду чушме, —
Азизгъойме, хаалол сохит!

Шир дорейгъо дедейме ту,
Келе сохдейгъо мере ту,
Мозоллу гу хуышдере ту,
Сигъде деде, хаалол сох ту.

Дусде зенме, Наргуз—джайрон,
Тари месох чумгъоре, джон,
Балагъоре мейли хъижрон, —
Расде ёрме, хаалол сох, джон!

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ 1850—1925

Гуьзуьлыгуьгьо — аилогъойме,
Рачи биёвгьо рузгъой эн ме,
Нумгъой ишму де э дуьме, —
Балагъойме, хаалол сохит!

О, Дербенд ме, — ту гъист гузет!
Э галайту — гъоу пулат!
Минореттуш гъист галемет, —
Ватан Дербенд, хаалол сох ту!

Гуьндуре догъгьо доренут тов
Эз гуьльгьо ве савзе-гъёв,
Пурит ишму эз суз ве хов, —
Савзе догъгьо, хаалол сохит!

Эй бироргъо-кагаргъойме,
Э бугъо руз имидум ме,
Егъин миём экишму ме, —
Гъовун-гардаш, хаалол сохит!

Мардахаям, гуфдиренум,
Ме гъич дерд нис кеширенум.
Халге э гъовхо огол зеренум, —
Дусде халгъме, хаалол сохит!

Кура ве дузетмиш сохди
шоир Даниил Атнилов.

ПЕСНИ СТИХИ ХВААЛЫ ЭПИТАФИИ

Э ПУШОЙ ДИВУН

Эй дивун бургьо, пристувгьо,
Эй ме дивун сохденитгьо,
Ногьогини хьэрекетигьо
Эй фурсоре мере э Сибирь.

Эз екишмуш нист мере терс,
Моглугъ дори мере нефес,
Эри женг нимуьру хьэвес
Фурсориггеш мере э Сибирь.

Келей рах э пушой ме,
Гьисдгеш лап четин рах ме,
Небердитгеш гьич рахм э ме,
Терс нист, фурсит мере э Сибирь.

Данусде бош, беде душе,
Дульме пури атош-чушме,
Дусдгьо муьдут ерегъ э ме,
Мявинит ишму кинумге ме!

У вахд кумек нибу э ишму,
Че гьонунгьо, не чингьошму.
Атлуён миём э кин ишму, —
Миданит хуб кинумге ме.

Моч мисохум Дербенд мере,
Ширине хок Ватан мере,
Шор мисохум дуль халгъ мере, —
Миданит у вахд кинумге ме.

— Кура ве дузетмиш сохди
шоир Даниил Атнилов..

ПЕСНИ СТИХИ ХВААЛЫ ЭПИТАФИИ

ЭЗ ДИВУН БАГЪДО

Ме э рах дерум — э дуре рах.
Ду чумту, Наргуз, э рахме дери.
Мегирис, Наргуз, — бош ту хармахъ, —
Эри ту гьемше бирем ме балах.

Эз эрс чумгъойту генеш кур мибу, —
Э хушдекуъши фойде не дери.
У рахмедульту, тегьер сангъ мибу, —
Хосденум, Наргуз, сокитлуъ бош ту.

Пире галаче э чор кунж Дербенд,
Э гъужогъю — шегьерме вери.
Э сиегъя дери соб-согъе Дербенд,
Эри рузгъоймени сиегъи ве дерд.

Чечекгъой доргъо генеш гуъл дорут, —
Э гариш шегьер раче буй дери.
Бекгъо мере нум "гачагъ" дорут.
Ме гачагъ нистум.

Ме расде мовут.

Э асму офтои, э богъгъо — гуългъо,
Мере э парохуд эдере берде.
Э ёрме оморот говрагъой дустгъо, —
Грисденум ме э товней утго.

Эз арей халгъ джугургъой догъи вечирей
ве дузетмиш сохди шоир Амалдан Кукуллу.

Э ГАЗАМАТ

Бесдеюм э торе газамат,
Э гариш дуль пури нлёт,
Воисдени зенум ганат
Э азади эки дустгьо.

Офум унжо ме гьлр ате,
Бесдум гилинж эн пулате,
Вахузунум могьлуате
Э женг э сер душмегьо.

Пусух эдей тор бирени,
Э чумгьо хов черх хурдени,
Чигирет Наргуз поисдени —
Сингь чумгьою гузет гьистгьо!

Эз тураклей эн пенжере
Эдем дире ме астара,
Гувот доре у дуль мере
Эй вохурде э ховир-дустгьо.

Гьони э тусногь гьисдумгеш ме,
Воре тенги кешит эз ме.
Э ишмуфовози и дуль эн ме
Гьемише ховир-дустгьо.

Кура ве дузетмиш сохди
шоир Даниил Атилов.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

КОХОЗ ЭЗ СИБИРЬ

Кохоз, эз ме бер ту хабер
Э у сизде Дербенд-шегьер
Эри гьёмме бирор-хагар, —
Гу, Мардахай хуби, хоси.

Эри буре хасретум ме
Экин дусдгьо-бироргьоме,
Маанитгьой шори эй хундейме, —

Гузет гьисдгьо Наргуз ёр ме,
Небу тенги кеши эз ме,
Аильгьоре дуль ди эз ме, —
Гу, Мардахай хуби, хоси.

Вегеш э тетме халат арестант,
Э дес-пойме — зенжиль пулат,
Сибириш гьисд эн ме ватан, —
Гу, Мардахай хуби, хоси.

Хисиренгеш е ченд минут
Э гад верфгьо, э зир булут,
Чигьрет дусдгьо пойсденут, —
Гу, Мардахай хуби, хоси.

Инжош начальникгьо шев-руз гьисдут,
Сеге хуно равусденут,

Оммо чун муш терсиренут, —
Имиди, миём ме э кин ишму.

Эз сабури гъич келете кор нист,
Эз расди гъич хубте гоф нист,
Эз Ватач гъич ширинте чи нист, —
Имиди, миём ме э кин ишму.

Мардахаюм, гуфдиренум,
Эришму шолум фурсоренум,
Согъишмуре ме хосденум, —
Генеш миём ме э кин ишму.

Кура ве дузетмиш сохди
шоир Даниил Атилилов.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

ЭЗ ТОВНЕЙ ДЕРБЕНД

Ту эдей пурсире эз ме,
Коминжигейге ватан ме.
Гушдор гуюм эри ту ме,
Дусде хармахь эн сибيري.

Э дур, э дур э бель догъгьо,
Э аралутъ онгур богъгьо,
Э сер ранглуе сумогъгьо
Поисди Дербенд — Ватан ме.

Хьофд кучею дуз дегешдет,
Эз зевер ю галай пулат,
Минорреюш гьисд галемет, —
Ижирей Дербенд — шегьер ме.

Э унжиге ме шир хурдем,
Вороморем, маани хундем,
Эз унжо гъувот вегурдем, —
Дербенд гьисди муьгъбет дуль ме.

Биней дуль ме унжигей,
Бахд эн руз ме унжигей,
Наргуз ёр меш унжигей, —
Нирав Дербенд гьич эз ёрме.

Оморенут гъэминонгъо
Э унжо кервуй гъэмигъо,
Гъуногъ унжо гъисд дуег дульгъо, —
Ижирей Дербенд — шагъер ме.

Овгъою гъисд хиник-ширин,
Зар гирде у э сегъери,
Бодон доргъош унжо вери, —
Ижирей Дербенд — Ватан ме.

Унжо халгъгъо дустгъойменут,
Угъо э дульме зигъисденут,
Хук мере гъэ герм сохденут, —
Ижирей Дербенд — шагъер ме.

Кура ве дузетмиш сохди
шоир Даниил Атилов.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Дан ту, Наргуз, эз ён магал
Шинель вери салдат рафтге,
Мере хуно ту уре дан, —
Гуногъ сохде э хуне дебер.

Кидан у вердо кушде миев
Эз тижэ гунлей эн у душе,
Э ён говрей деде ниев, —
Гаврей салдат саабсуз бире.

Эри у салдат хагъар бош ту,
Палтаре шушде пелуъ вени.
Мере хуно уре дан ту,
Лово хосде э рах деки.

Эз арей халгъ джугургъой догъи
вечирей ве дузетмиш сохди
шопр Амадан Кукуллу .

МААНИ ЭРИ МУЪРДЕ РУЗМЕ

Нист воисде мере гирисдеишму,
Нист воисде мере син нореи.
Эз деде чутам ме биремге,
Э гъочу денит мере э хори.

Эз сангъ эн син хуне вокунит,
Эз тахтегъо истол сохит.
Хинжельмереш э гор меденит, —
Э сер горме хинжеле венит.

Э ён эн хинжель туфенгеш венит,
Бигли гиросштогор эз ён говре
Туфенге вегирде туфенг зену.
Туфенге зеренки ме миданум,

Чунки зиндегуни зиндей гъэле,
Э асмуш гъэле офтои вери,
Чунки э Дербенд кор ники бири, —
Гъемме халгъгъо бирору бири.

Е минетиймере воисд гуом:
Гуит эз ме шолум э аильгъо.
Гуит диеш: "У бирей шоир
Эри расди бахс бердигъо!

Эз арей халгъ джугургъой догъи
вечирей ве дузетмиш сохди
шоир Амалдан Кукуллу.

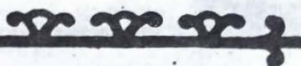

Шоир бире — маани ме нувусдем,
Бире сахд одохлуъ — хосдем ме духдербъоре.
Четин биренки: "Оххош!" — ме гуфдирем,
Оммо гиросде ваасдем ме и говреймере.

Эз арей халгъ джугургъой догъи
вечирей ве дузетмиш сохди
шоир Амалдан Кукуллу.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Нист воисде ме муърденки, — данит, —
Гире гирит ве син эри ме нит.
Нист воисде эри ме гроб сохит, —
Ме э гад хори э гъэчу мидарам.

Эа син эн ме дувор хунере нит,
Тахтей гроб — эри истол мивою.
Шушкеймере э горме меденит, —
Ишму согъит — ишмуре у мивою.

Тапанжеймере э сер говрейме нит, —
Бигли гиросдогор тапанже зере
Э ме-ки данунгу: "Ешов не дорей гит
Ве э асмуш булут гешде сери-сере.

Бигли данунгу халгъгъо, чунки э Дербент
Хаарой сохит бири,
гъэмме милетгъо-бирей бенд.
Хостенум эз гъэмешму — бошит дулешор,
Лелей Мардахай бахс гирди эй и кор.

Эз арей халгъ джугургъой догъи
вечирей ве дузетмиш сохди
шоир Амалдан Кукуллу.

ДААНЕ ЭРИ Э ДАВАА

РАФДЕНИГЬО ЛЕШКЕР

Имбуруз сабахъ буйругъ дори
Э душмеровоз бахс эй берде.
Бирор, хармахъ, гуш модорит
Э гирей зенгъо — нарне бошит.

Э дуль хушде гуш воноре
Э сер душеме игид бурайт.
Эз имбуруз руз бирор бирейт
Джугур, авар, лезги, гажар.

Э дигъгъойму атош дери, —
Бекгъо гъони лап делуь бири:
Келе-чуклере динжи нисти, —
Гагъре мейлит — бошит тири.

Э сер душеме хунлуь бире
Гэмме-еки игид бурайт.
Бечерахов эз дорун эдей оmore,
Деникин — эз лой эн Урснет.

Душмере кушде мозол биёрит,
Сифот офторе очугъ сохит.
Мейлит бекгъоре сагиб бире, —
Эй тозе рузгъо галханд поид.

Бирор-хармах, муькъкем поит.
Ме эришму хунум маани.
Сер душмере эз бугоз бурит, —
Говор гирде сере мейлит.

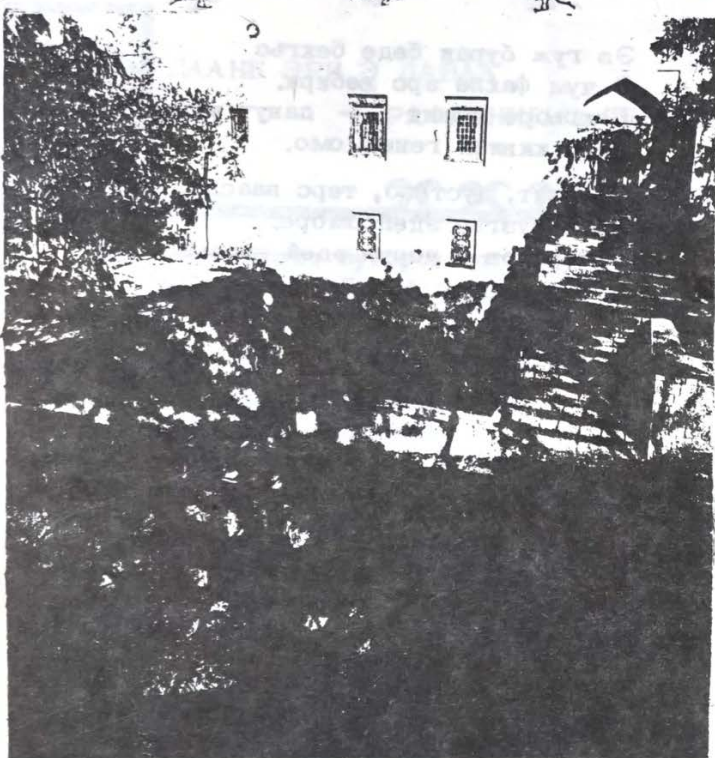
ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Эз гуж бураи беде бекгьо
Э чум факле эрс вебири.
Бекгьоре кушит — данут угьо —
Вахд кивити генеш омо.

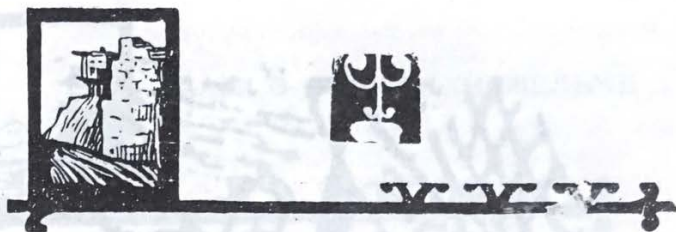
Вепичит, дустгьо, терс наасде,
Хубе рузгьо эдей оmore.
Бечерахов э дорун эдей вирихде,
Э лой софун — Деникин рафде.
Дербент, 1919 год.

Эз арей халгъ джугургьой догъи
вечирей ве дузетмиш сохл
шоир Амалдан Кукулу.

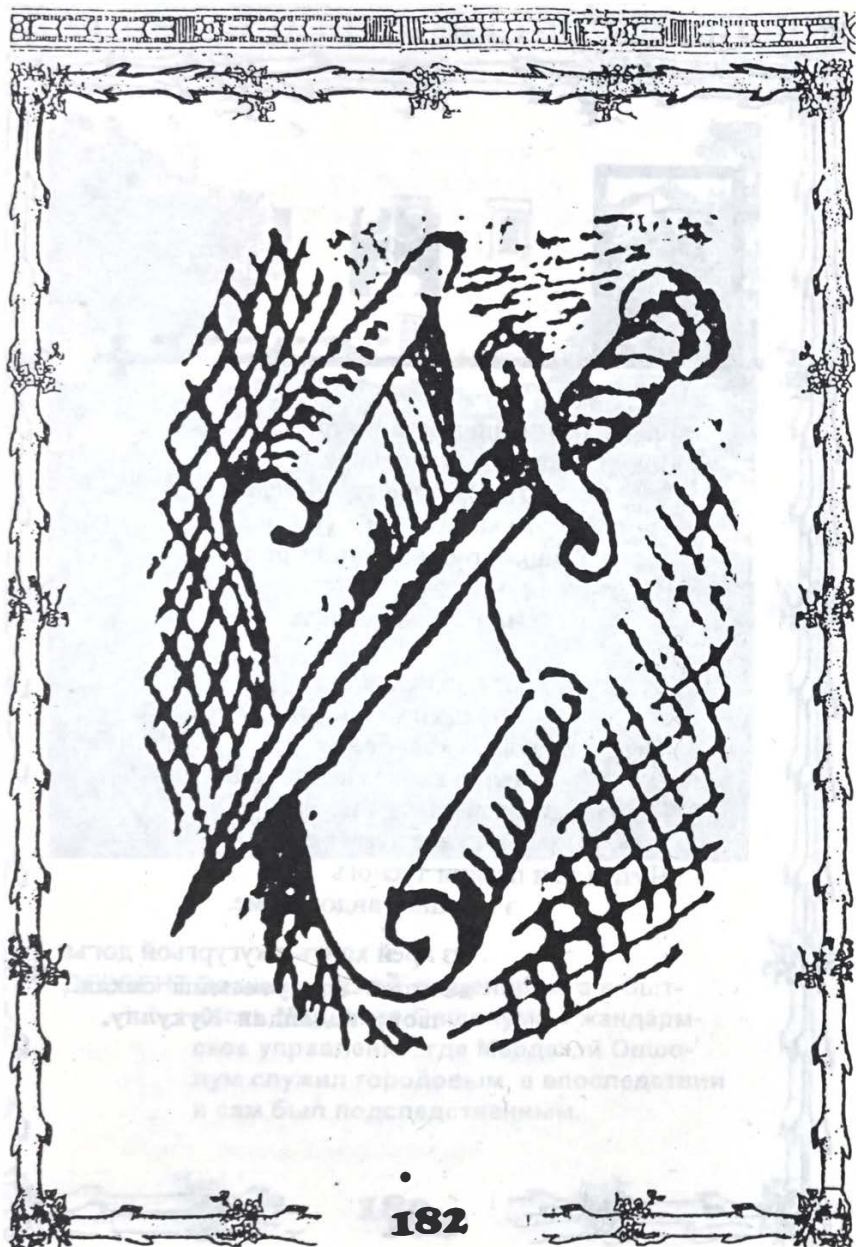
ДЕРБЕНТ. Здание ханской канцелярии, а в бытность Мардахая Овшолума — жандармское управление, где Мардахай Овшолум служил городовым, а впоследствии и сам был подследственным.

Биейт э ен ме палтар ишмуре утув зере.
Вокурде палтар тусногъире
ишму мере терси медит.
Собсогъе умуър нуштем э тусногъ,
динже рузгъо гъич не дире.
Имугъой инум — э и тусногъ
пой дураз дегештем ме.

Эз у тусногъгъо игитлукъ бире
дувоздагъ гиле видовустем ме.
Мере э инжош, э хисобовоз,
екиш гирде гъич нидану.
Пойгъо дураз дегештем ме
эри келе думит сохде,
Чутам эз и песиини тусногъ
э ен ишму видовум ме.

Эз арей халгъ джугургъой догъи
вечирей ве дузетмиш сохди
шоир Амалдан Кукуллу.

ПЕСНИ СТИХИ ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

ВАЗИ Э ТОВНЕЙ ХИНЖЕЛЬМЕ

Хинжель эн ме ту кербеш не куштей,
Богоз евереш не бурай ту хаст,
Э Тула еде Курск усто туре сохдей, —
Э и догъгъойму гъизмой эри ме ту гъисд дусд.

Э и бешметме ту эри рачи вери,
Ве еде э дувор э руй раче холче?
Ме данусденум — корту гъе эз зури
Гъисди кор куштей ве еде гараче.

Миёв вахд эн туш эз ху ту мибоши-ки
Лап сурои — гъер кореш вахд ю гъисд.
Эрчу-ки ту, хинжельме, — эз расдеки
Э кишт эн ме дуллуну, чунки дум эн хирс.

Воисд ту дан, хинжельме, э догъгъо
Омоге вахд туре вешенде —
Микуъшум бура ме богозгъой бегъгъоре, —
Воисд фахле хилос бу эз оворе.

Душмей фахле — душмей эн ме бири.
И коре дан, хинжельме, эз расди.

Кор кивити омоге э хори
Ту мобош гъич айблук-ки у вахди.

...Вахдю омо — ме куьшдум пристава,
Хинжель зере куьшдум ме гъезёбо гъахбереш.
Эйчу у вахд ту айблуь бистори, хинжель? —
Тъ э умуртуш э керг, евергьо не зерей эжель.

Эз арей халгъ джугургьой догьи
вечирей ве дузетмиш сохди
шоир Амалдан Кукуллу.

ПЕСНИ СТИХИ ХВААЛЫ ЭПИТАФИИ

БААЗИ Э ТОВНЕЙ ХУРУЗ ЭН МЕ

Хуруз ме, гъилигъ иму ухшеши, —
Эгиль эн ме амбар ту бахъс гирдей.
Те хун душме рихде ту не дирей динжи, —
Тв гъемме хурузгъоре э бахъс-ки бериндей.

Хунтуш э ногъоги гъе генеш не рихдей,
"У-У", — зере ту шеве содугум сохди.
Келегедий эн ме эз гъэмме зиеттей, —
Ме доре хорогеш — ту тэмахылуь хурди.

Эри ту хурмет, ловогъо ве шолум
Халгъгъой эн и магал эз гъоб дуль фурсорей,
Чунки ту, хурузме, бирей-ки лап зулум, —
Э бахъс рафдеки ту сийсуз гъич не бирей.

Сааб хушдере хуно бирей лап игитлуь, —
Бахъсбердегоре халгъ дивун гъич не бура,
Оммо ме, саабту, биренки азоблуь
Дивун мибурум-ки эри ту эз бугоз-гагъра.

Вахд омоге, ден, туре эри куштейме,
Хун хушдере ту бире лап игитлуь
Гъе генеш мирихини тейте диК бире, —
Суфрей эн мере тук ту генеш мисохи.

Эз арей халгъ джугургъой догъ
вечирей ве дузетмиш сохди
шоир Амалдан Кукуллу .

БААЗИ ЭРИ МУЫШД ХУШДЕ

Пенж энгушди мере.

Пенж энгушд.

Гад сохдумге пенж энгушде — муышд бире.
Эри душме келе муышдме сангъ бире,
Эри фахле муышд Мардахай дусд бире.

Эз чоге сифот чоге бегъгъо зерумге
Ногъчулогъгъой беде бегъгъо сов мибу.
Муышдмере эз сер истол зерумге
Эз у истол соге жиге нимуну.

Муышд Мардахай эз чум нохов расиге,
Тегьер тегьергъ атош эз чум тож мибу.
Оммо фахле эз гуж эн бек жу доге
Муышд Мардахай рузгъой овиль син мибу.

Овиль рафдге — муышд Мардахай муышд мибу,
Сер эн беке гъич недура нипою.
Дуль фагире хирд сохде гъич ниду, —
Эри расди гирбу бире мипою.

Муышд Мардахай лов биренге дес бире,
Дес биренки — муйгъой ёре совусде.
Дес Мардахай гъичиш динжи нис дире, —
Дес эн игид гъочу бире воисде.

Эз арей халгъ джугургъой догъи
вечирей ве дузетмиш сохди
шоир Амалдан Кукуллу.

1918 год

НАГУЛЕ МААНИ

Гычиш нидану одоми гъэнаадиме дире
Ве шириний эн уре синемиш сохде.
Пестеш бие джугуру боворин доре
Э гоф Худо дошдугу э дуъл кор расдире.

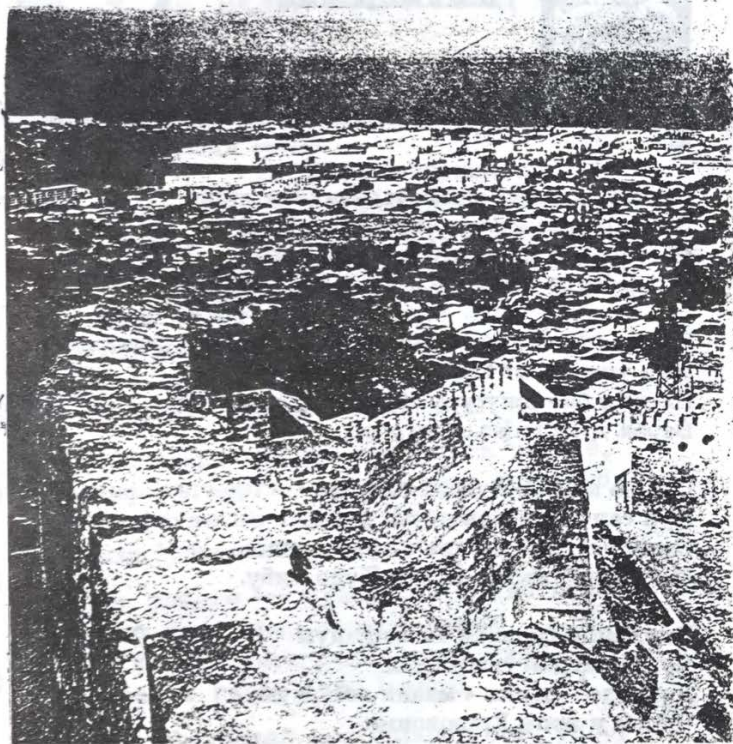
Гычиш нидану одоми э хафтими табага варафде
Ве э унжо э ен Худо нефес кешире.
Пестеш бие джугуру Худоре хосде
Верзи дугу гофгъой тироре.

Салгъо мираф пуърси наасде,
Хун сан имуш гувотсуъз мибу,
Оммо хатгъой тироре э дуъл дендге
Ме - бовороним - рахъм Худо мибу.

Эзу сайли белькем ме миданум
Чуиге расдий гъэнаадим.
Диренде - данит - маани михунум, -
Чунки у жиге Ершолоими.

Э ер иму эз тухум те тухум
У гъэнаадим гъе ненеш дери.
Ершолоиме ме хурмет мидум, -
Эн рагъ-ришейму гъисди у хори!

ДЕРЖЕНСКИЙ. Вид на город

с южной стены цитадели.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСКУССТВА им. Г. ЦАДАСЫ

Г. Б. МУСАХАНОВА

ТАТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

(Очерк истории. 1917 — 1990)

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 1993

Г.Б. МУСАХАНОВА

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языка и литературы
Дагестанского научного центра
РАН

Азербайджаноязычная традиция в творчестве поэта начала XX в. чауша (милиционера) из Дербента — Мардахая Овшолума — начиналась в традициях устной литературы. По рассказам его современников, стихи его сразу же распространились в народе. Их заучивали наизусть. Этому способствовали превратности его жизни, пашумевшие в Дербенте истории, связанные с ним. Народная молва окружила его жизнь легендами. Это был горячий решительный человек, очень бурно реагировал на несправедливость и обиду, с обидчиками расправлялся на месте, за что был сослан в Сибирь¹²¹. Последний раз он был выслан в Сибирь в 1916 г.

Первоначально были опубликованы пятнадцать четверостиший поэта¹²², выдержанных в традиционной форме азербайджанской гошмы с тремя смежными рифмами в строфе и четвертой строкой, повторяющейся в последующих строфах в качестве рефрена. Собранные вместе они представляют собой рассказ о переживаниях арестанта, о нелегкой его судьбе. Здесь и прощание с родными местами, с родственниками и близкими, и воспоминания о былой свободе, и скорбь о своем положении. Лиризм и психологизм характеризуют эмоциональный настрой его стихов. Он находит много теплых, задушевных прощальных слов для жены:

Езугь улди сене, ой хонум — гьузьум.

Жаль тебя, свет очей моих.

или:

Нергуз ёрум, гялол эйле.

Моя любимая Нергиз, прости и благослови.

Особенно поэтизируется автором Дербент:

Шегьер уьсди, огь гьзлеси,
Демуьр гьопу, даш боруси,
Бир аламет минореси,
Ватан Дербенд, гялол эйле.

Догьлеринде битер лала,
Бир гьырминан, бирин ала,
Бурульуттуьр огьин-гьзаре,
Ватан догьлер, гялол эйле¹²³.

В подстрочном переводе они звучат так:

Верховный город, белоснежная крепость,
Железные ворота, каменные стены,
Удивительная звезда,
Родина Дербент, благослови.

В горах зацветут цветы,
И красивые, и разноцветные.
А для отторгнутого от них и белое станет черным.
Родные горы, благословите.

Точен рисунок у него в изображении своего положения, закованного в кандалы арестанта:

Эбгъумде бухову — демуур.
Гъэралуб рангуым улуб куьмуур.
Гъэриб ерде кечер уьмуур.
Узогъ юллер, гъалол эйле.

Ноги мои в железных кандалах
Цвет лица потемнел, как уголь.
На чужбине пройдет моя жизнь.
Родная земля, благослови на дальний путь.

Стихи его характеризуются разрабатанностью поэтики. Довольно четкое использование рифмы азербайджанской гошмы свидетельствует также об этом. Содержание и художественный уровень их отражал уже определенное движение поэзии по пути демократизации и реалистического изображения человека, затрагивал реальные обстоятельства жизни человека. Созданы они в основном в форме писем. Впоследствии он переложил их и на родной язык. И варианты, и новые стихи были собраны поэтом Д. Атиловым, а пять из них опубликованы им в 1947 г. в сборнике «Татские поэты» («Шогьиргъой тати»): «В тюрьме», «Перед судом», «Прощание», «Письмо из Сибири», «Моему Дербенту», которые хотя и близки по духу прежним публикациям, но многообразнее по оттенкам чувств, настроению и затрагивают новые мотивы. В стихотворении «Перед судом» («Э пушой диву») поэт бросает вызов тем, кто будет его судить, и говорит, что не боится их решения сослать его в Сибирь. Он надеется, что сердце его полно «Гізтош чуьшме» — «Солнечного огня» позволит ему выдержать сибирские испытания и, вернувшись на родину, отомстить им. Эти бунтарские чувства, вера и надежда, несомненность духа не покидают его, отражаясь и в последующих произведениях. В них вновь проникно-

ненно звучит любовь к отчому дому, к Дербенту, которые запечатлены живыми и поэтическими красками. Патриотические чувства его сливаются с нежностью к любимой женщине, с поэтизацией семейного очага, с теплыми чувствами к друзьям. Именно чувство родины дает ему силу выстоять в беде. Представляет значительный интерес стихотворение «Моему Дербенту» не только патриотическими чувствами, но и новым мотивом, расширяющим представление о поэте как о личности и его мироощущении. Примечательно здесь то, что произведение строится как рассказ о своей родине сибиряку, другу по несчастью, раскрывающее в то же время его душевное отношение к людям иной национальности. Рассказ этот течет свободно и душевно. Вот начало его:

Туь эдей пуьрсире эз ме,
Комнижигенге ватан ме.
Гушдор гуом эри туь ме.
Дусде хьэрмэхь эн сибирн.

Э дур, э дур э бел догыьо,
Э гьэрелугь онгур богььо;
Э сэр рэнглюь сумогььо
Поисди Дербенд, Ватан ме.

Хьофд кучею дуз дегешдет
Эз зевсрю гьэлэй пулат,

Минореюш гьнсд гьэлемет
Ижирен Дербенд, шегьерме ¹²⁴ и т. д.

Ты спрашиваешь меня,
Где моя Родина,
Слушай же мой рассказ,
Добрый друг мой сибирский.

Далеко, далеко на подоле гор
Среди виноградных садов
И живых многокрасочных ковров
Стоит Дербент, Родина моя.

Семь его улиц там прямо протянулись,
А сверху возвышается крепость,
Как чудо — звезда,
Таков мой город Дербент.

По ходу повествования, раскрывающего все новые достоинства города, врываются воспоминания автора о детстве, своей семье, придающие сердечность и лиризм его рассказу.

Именно трепетностью искренних человеческих чувств стихотворение свидетельствует о том, что его автор не ожесточился в изгнании, а живет в дружбе с такими же как и он, изгоями.

Видимо, лиричность его произведений, противостояние автора тяжелым обстоятельствам жизни, поэтическая образность их языка привлекли внимание русского поэта Дагестана В. Портнова, который перевел на русский язык все пять последних стихотворений и опубликовал их в сборнике «Литературный Дагестан»¹²⁵. Хотя дух поэзии его передан в этих переводах, но в некоторых случаях переводчик усиливает социальную значимость его произведений, иногда грешит несоответствиями образности поэта. Так, например, первая строфа стихотворения «Моему Дербенту» в переводе звучит так:

Ну что же слушай, друг мой, сибиряк.
Я расскажу о родине своей.
Там соком виноград уже набряк.
И солнце яблоком уже висит среди ветвей¹²⁶.

Последние две строки не соответствуют подлиннику и разрушают его образность.

Возвращаясь же к творчеству Мардахая Овшолума, следует отметить, что несмотря на то, что в его стихах социальные аспекты приглушены, его поэзия своим вниманием к внутреннему миру человека, к драматичности его жизни и судьбы отвечала духу пробуждения общества. Его стихи о родине, полные горячего искреннего патриотического чувства, вошли в духовный мир его современников.

Процесс пробуждения личности в начале века вел к все большему отходу от смирения, покорности судьбе. Реальность с ее социальными контрастами волновала людей все больше. Этому процессу пробуждения соответствовал дух поэзии Мардахая Овшолума, который рассказывал в своих стихах о положении обездоленного человека. Демократичность его поэзии, хотя мы не все его стихи знаем, соответствовала требованиям времени.

Недавно узнала, что активно занимался сбором произведений М. Овшолума татарский поэт и собиратель фольклора Амаддан Кукуллу. Сейчас он готовит в печать сборник поэта на татарском языке. Мне удалось в 1990 г. познакомиться с частью этого сборника (за что благодарна составителю). В сборнике представлен и ряд произведений М. Овшолума, прежде не публиковавшихся. Среди них выделяется стихотворение бунтарского духа, в котором есть такие строки:

Пенж энгуьшди мерс,

Пенж энгуьшд.

Гәд сохдумге пенж энгуьшде — муьшд бирс.

Эри дуьшме келе муьшдме — сангь бире

Эри фэхьле муьшд Мардахай дуст бире.

Эз чоге сифот чогыгь бегьгьо зерумге,

Ногьчулогьгьой беде бегьгьо сов мубу.

Пять пальцев у меня,

Пять пальцев,

Если сожму пять пальцев — будет кулак.

Для врага мой большой кулак — станет камнем,

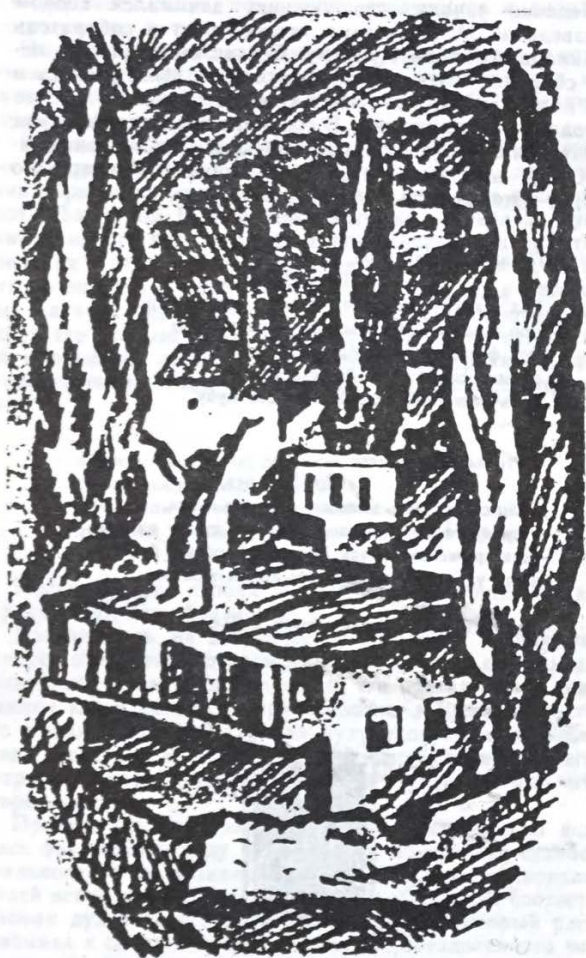
Для труженика кулак Мардахая добрым будет.

Если ударю им по жирным лицам толстых

беков,

Челюсти толстобрюхих беков выбую.

ЛЕГЕНДА о справедливом Мардахеае

Расскажу я вам про одного бедняка. Было у него трое детей — один другого меньше, а в доме ничего не было. Однажды, когда у бедняка оставалось лишь немного отрубей, он сказал жене:

— Я пойду на заработки. Останусь живым — вернусь и обниму еще детей своих, а если погибну, значит, такая судьба. А ты испеки из отрубей лепешки и накорми детей.

Напекла жена лепешек из отрубей, часть дала мужу

в дорогу, часть оставила детям. Обнял бедняк жену, поцеловал детей и ушел из дому.

Вскоре он уже шагал по дорогам к Дербенту. Бедняк был одет в рваный халат, шел без шапки и босиком, а дни стояли холодные, как в месяц шавала.

Долго ли шел бедняк или недолго, но вот добрался он до дербентской крепости. Толкнулся бедняк в чугунные ворота, а они смерзлись и не открываются. Тогда бедняк пошел вниз, к кварталам.

В то время жил в Дербенте один богатый бек Абдула, и бедняк оказался возле его дома. Смотрит бедняк: сидит на балконе Абдула со своей женой, перед ними стоят бутылки араги и виш, а из бараньего плова пар так и валит. Ну что вам говорить: все, что пужно было хозяину, все выложили слуги на стол. Смотрит бедняк на все это и слюны глотает. Очень ему захотелось есть. Достал он свою лепешку из отрубей и начал жевать, да с таким удовольствием, будто он не лепешку ест, а фалы со стола Абдулы.

И надо же такому случиться — взглянул Абдула и увидел бедняка. Подозвал бек свою жену и говорит ей:

— Видишь этого босого человека? Если захочу, убью его. Этих оборванцев следует опасаться.

И Абдула приказал слугам привести бедняка в дом.

Сказано — сделано, привели бедняка к беку Абдуле.

— Почему ты в такой мороз ходишь босиком? — спрашивает бек.

— У меня дома трое малышей сидят голодные и холодные, а я вышел, чтобы у таких, как ты, почтеннейший, просить помощи, — отвечает бедняк и кланяется Абдуле.

— Прошу, только не подходи ко мне близко, от тебя нечистым пахнет, — говорит бек. — Я могу тебе кое-что предложить. Ты пойдешь к морю и войдешь в воду по самое горло. Если до утра сможешь пробыть в воде и останешься живым, я дам тебе сто туманов. Если же умрешь — значит, умрешь. Согласен?

Думал-думал бедняк да и согласился.

— Ладно, — говорит, — я согласен, но давай заключим договор. Если я останусь живым, ты дашь мне сто туманов.

Написали они договор, скрепили подписями и на том разошлись.

И вот слуги бека повели бедняка к морю. Мороз лютый, ноги к снегу прилипают, а бедняк идет босиком и без шапки. Идет и думает: «А может быть, и выживу. Возьму тогда эти сто туманов, пойду домой и детям всего накоплю».

Наконец дошли они до берега, и слуги Абдулы говорят бедняку:

— Полежай в воду!

Бедняк разделся и по самое горло вошел в холодную воду. А слуги бека бегают по берегу, толкают друг друга, чтобы согреться. Абдула запретил им разводить костер — а вдруг бедняк в море согреется от него. Потом слуги начали пить араги, но и это не помогало. Но если и они мерзли, то каково же было бедняку в ледяной воде! Прыгал он с ноги на ногу, тер себе тело и приговаривал «охош! охош!». Медленно тянулось для него время. К рассвету бедняк до того заоченел, что хоть душу богу отдавай. Неподалеку от того места жил хозяин рыбного промысла. Утром, еще затемно, его жена встала и зажгла у себя в доме керосиновую лампу. Их дом был виден с моря, и бедняк заметил полосу света в окне. Протянул бедняк ладони к лучу и воскликнул:

— Джаногонь!

Увидели это слуги бека и спрашивают:

— Что ты делаешь?

А бедняк отвечает:

— Греюсь!

Хотели слуги посмеяться над глупостью бедняка, но не смогли: мороз сковал им губы.

Тем временем стало светать. Обрадовался бедняк и спрашивает слуг:

— Можно выходить?

Те говорят:

— Нет, побудь еще немножко. Когда совсем рассветет, тогда и выйдешь, а то бек разгневется.

Наконец стало совсем светло, и слуги разрешили бедняку выйти на берег. Вышел бедняк из воды, и тут же тело его покрылось льдом. Тогда он накинул свой рваный халат и помчался к дому бека Абдулы. Постучался бедняк в окно и ждет. Абдула в это время завтракал. Услышал он стук, подозвал к себе слугу и говорит:

— Пойди посмотри, кто там. Если одет хорошо — впускай, если же оборванец — гони прочь.

Сказано — сделано. Вышел слуга к воротам и спрашивает:

— Кто там?

— Я тот самый бедняк, которого бек послал на всю ночь в море. Я пробыл в воде до утра, а теперь пришел получить с бека сто туманов.

Слуга должили об этом Абдуле.

— И как он только выжил в такой мороз! — воскликнул Абдула.

Но договор есть договор, и беку нужно было отдать сто туманов. Только бек Абдула был очень жадеи и не хотел расставаться с деньгами.

— Я этого бедняка скорее убью, чем отдам ему сто туманов, — сказал он своей жене. Потом позвал бедняка и говорит ему:

— Никогда не поверю, чтобы человек в такой мороз мог целую ночь пробыть в воде. Признавайся, как удалось тебе обмануть моих слуг? Если не расскажешь правду — голову тебе отрублю!

Бедняк воскликнул:

— Позови своих слуг, спроси у них! Они же глаза с меня не спускали!

Позвал бек Абдула своих слуг и спрашивает:

— Как он выжил? Рассказывайте! Обманул он вас?

Слуги рассказали беку все как было, но тот кричит:

— Он вас обманул!

Тогда один из слуг сказал:

— Уже под утро в окне дома Жавадава зажгли лампу, и свет от нее доходил до моря. И я видел, как бедняк протягивал руки к свету и приговаривал: «Ох, огонь!». Но из воды он не выходил. Этого наши глаза не видели.

— Да, да, это я тоже видел, — сказал и другой слуга.

Тогда бек Абдула закричал на бедняка:

— Значит, огнем грелся? И еще денег хочешь? Ах ты, негодяй! Вон отсюда! Чтобы глаза мои тебя не видели, обманщик! А не то я тебе голову отрублю!

Что оставалось делать бедняку — он ушел. Ведь ни договор, ни бог ничего не значат для беков. Власть в их руках, а удел бедняков — терпеть да молчать.

Из дома Абдулы бедняк пошел к градоначальнику. Тот выслушал бедняка и говорит:

— Конечно, Абдула прав. Ведь вы же договорились,

ЛЕГЕНДА О СПРАВЕЛИВОМ МАРДАХАЕ

что ты ничем не будешь греться. А ты обманул его и грелся огнем от лампы. Ничем не могу тебе помочь.

Бедняк стал было доказывать свою правоту, но градоначальник вышвырнул его за дверь.

Пошел бедняк вниз к татскому кварталу, и по пути ему встретился сам Мардахай-Овшолум. Этого человека все боялись: и беки, и богачи, и даже сам градоначальник. Не было человека, который бы осмелился вступить с ним в спор. Зато сам он никого не боялся. И еще надо сказать, что Мардахай был всегда и во всем справедлив.

И теперь, увидев разутого бедняка, Мардахай-Овшолум спросил:

— Что с тобой? На тебе лица нет, будто ты из могилы вышел!

И бедняк рассказал все как было.

Мардахай-Овшолум пригласил его к себе домой и велел жене напоить гостя крепким чаем. Выпил бедняк чаю и согрелся, а Мардахай предложил гостю искупаться и побыть у него. Тем временем он послал ребятшек с записками к беку Абдуле и к градоначальнику. А в записках было сказано: «Очень прошу пожаловать ко мне в гости, есть дело. Не придете — обижусь».

Градоначальник и бек Абдула прочли записки и собрались ехать к Мардахай-Овшолуму.

Пока они ехали, Мардахай дал бедняку переодеться и посадил к горячему очагу.

Наконец приглашенные приехали.

— Какое опять у тебя дело, говори! — еще с порога кричит градоначальник.

— Сначала садитесь, я буду угощать вас пловом, — отвечает Мардахай-Овшолум.

Градоначальник и бек Абдула сели и ждут. Хозяин молчит, молчат и гости. Час молчали они, два молчали, три молчали, подошел вечер, наступило время ужинать, а Мардахай-Овшолум все молчит.

Проголодавшиеся гости спрашивают:

— Где же твой плов? Не сварился, что ли?

Мардахай-Овшолум отвечает:

— Пусть бек Абдула пройдет в ту комнату и посмотрит, не сварился ли плов.

Прошел бек Абдула в другую комнату и видит: в очаге вместо дров стоит горящая керосиновая лампа, а

горшок с рисом отставлен в угол комнаты. Бек Абдула удивился и говорит:

— Валлах, Мардахай, горшок с рисом в углу стоит! А в очаге вместо дров — лампа.

Мардахай-Овшолум молчит, ничего не отвечает.

Не выдержал градоначальник и сам пошел посмотреть, не сварился ли плов. Смотрит и видит: в самом деле, вместо дров горит керосиновая лампа, а горшок с рисом стоит в дальнем углу комнаты.

— Если так плов варить, он до нашей смерти не сварится! — воскликнул градоначальник.

А Мардахай-Овшолум и говорит:

— Мне кажется, он и после вашей смерти не сварится.

— Правда в твоих словах, Мардахай, — говорят градоначальник и бек Абдула.

Вот тут-то Мардахай-Овшолум и говорит им:

— Но если плов не сварится от лампы в углу, то как же бедняк в море мог согреться от лампы на окне?

Бек Абдула и градоначальник молчали. Что они могли сказать? Конечно, будь на месте Мардахай-Овшолума кто другой, — они бы нашли ответ.

— Отвечайте! — говорит Мардахай-Овшолум.

И пришлось беку Абдула и градоначальнику согласиться с тем, что бедняк не мог согреться от лампы.

Тогда Мардахай-Овшолум сказал:

— Пусть бек Абдула, согласно договору, отдаст бедняку сто туманов да еще столько же штрафа за нечестность.

Абдула стал было возражать, но Мардахай-Овшолум пригрозил ему:

— Скажешь «нет» — пеняй на себя!

Очень не хотелось беку Абдуле отдавать бедняку двести туманов, но отдать все же пришлось. Знал жадный бек, что Мардахай-Овшолум не потерпит несправедливости.

Так бедняк получил деньги, поблагодарил справедливого Мардахая и поспешил к себе в аул. А жадный бек Абдула и его покровитель градоначальник тоже пошли по домам, злясь и проклиная Мардахай-Овшолума.

Пусть же все проклятия, которые они слали на его голову, падут на них и на наших врагов, а добрые пожелания пусть достанутся Мардахай-Овшолуму и нам.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ

В
ПОСЛОВИЦАХ, ПОГОВОРКАХ,
ФРАЗИОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЯХ,,
ЧАСТУШКАХ, ПОЖЕЛАНИЯХ...

1. Ки мизеге кумеки хараи, мираси э унжи
хилоссох Мардахай.

Где раздавался крик о помощи, тут же
появлялся спаситель Мардахай.

2. Нум Мардахай бирей эй
душе терс ве лерэ.

Имя Мардахая в нашем народе для вра-
гов наших был страхом мести.

3. Шефте коре дуз сохдей, эй фагиргьо
кумеки бирей.

Неправедное дело он делал праведным,
для бедных был впомощь.

4. Э сер бекгьо, оширгьо Мардахай бирей
халово.

Сер бекгьоре у дура вяхидей рафде э
Шура. /шегьер Темир-хан-Шура /.

На беков и богачей Мардахай нападал,
Разбив им головы скрывался в Шура.

/город Темир-хан-Шура в Дагестане/

5. Мардахай эри расди мурденигьо одоми
бу.

Мардахай ради правды и справедливости
готов был жизнью своей рисковать.

6. Мардахай вотозусдигьоре — душмеш мевот-
тово.

То, что испытал Мардахай — пусть и
враги его неиспытуют.

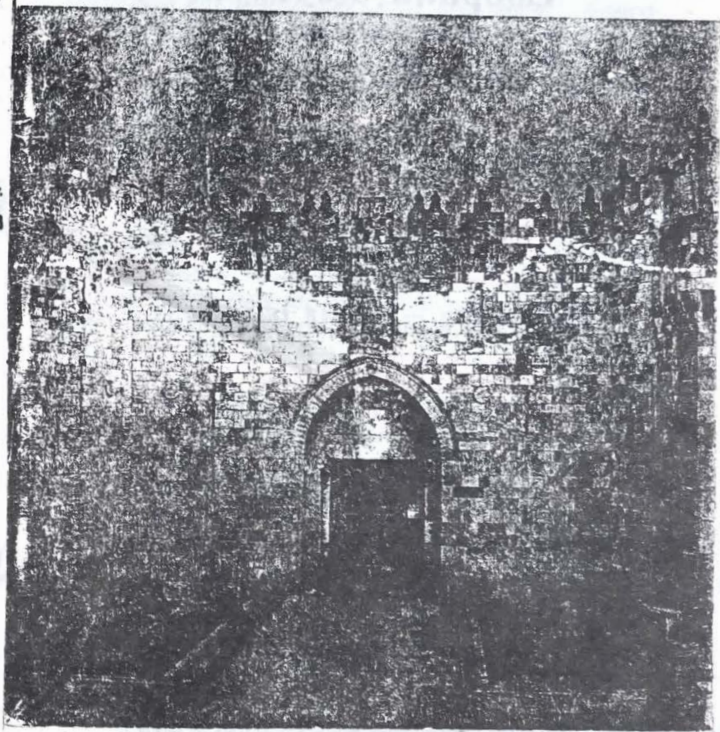
7. Мардахай согь мибистогь, екиш э иму
дес ниже.

Был бы Мардахай жив, никто бы нас не
обидял.

Подобных материалов о Мардахаяе
Овшолуме в горско-еврейском на-
роде бытует во множестве, но мы
ограничимся приведенными — А.К.

ГОВЛЕИ 17

**Сборник э зугьун
иеудигьой
мизрах Кавказ**

Редактор — Ноа Ишай

Консультант гилми —
проф. Михаэль Занд

Корректор — Юлия Бахшиева

**ЕРШОЛЕИМ 1994
(5754 сал иеуди)**

Амал Кукулиев
МЕРДАХАЙ ОВШОЛУМ*

Гэмелдан Кукулиев гьисди мэглуьм-луье автор ченд шогьирие сборникгьо. Хьэвесе шогьир бири э кура сохдеи фольклор иеудигьой догъи, гуьнжо омориго э сборник ово-сунегьой иеудигьой догъи "Суьрхие сундугъ" э 1974сал.

Гэмелдан томом сохди э 1969 сал факультет журналистикеи э Ростовский Университет. Ченд сал кор сохди э гозитгьо, зигьисдени э Масков. И пушогьо генеш э тукугьой шегьер Махачкала ярашугъ дорени киниг энэ "Мэглэси эй мэгли" э фольклор иеудигьой догъи гуьре. Автор э гьемтарафлуье фегьм хуьшдеревоз гьемчун фуьрсори эй сборник иму очерке.

Редактор

Э глэрей хэлгъ иму гьич фурмуш нисе бире нум игид хэлгъи — Мердахай Овшолум.

Мердахай Овшолум хьэсул омори э косибе кифлет иеудигьой догъи э 1850 сал.

Лап э глэили у варасири гуж, глониети ве бишегъи бугьо хьукумет ве эз чор салеирево кумек бири эй бебе. Э глуьмуьр дегъ сале у хуьшдению кор сохде э хьэвужжори дорени пул хундеири э кин раби. Мердахай бу муьглуьжуге гьувотлуье ве сегьмсуьзе одоми. Э глэрей хэлгъ

гуфдиренбирут, ки у "одоми
пулати".

Мехъэлей иеудигъой до-
гъи бу лап косиб, глэрсгъо ве
дерд хэлгъи.

Э 1875 сал Мердахае, чуьн
бунтаре, ки у хилос сохди
жогъиле зене эз гуж эн дуь
кукгъой беггъо, дивун сохде,
фуьрсоренут э Сибирь.

Мердахай не дуьзд бу, не
гъэчэгъ, не хэспуш бу, не
гъуморбаз, ченд гилегъо э гъзземетгъош нуьш-
дебуге, э Сибирь биребуге, лэгъэм Сибириш э
сериу варафдебу.

Мердахай у косибгъойгере хуно кор мисохд
э възд богъчирегъо э богъгъо, э възд ветэгъэгъо
э ветэгъэгъо, кими мехъел мипоисд э гъэреули.

Эз ченд рузиге э суд Мердахай кура бисдо
гъемей шегъер.

Суд верасденге, Мердахае э кандалгъо бес-
де, ведировундут эри берде. Зению ве глэил-
гъою эдембирут сер куфде, Мердахай сере тик
гуьрде, хунд мэгни:

Эдем рафде э дуре рэхъ,
Нергуьз, мибоши чумерэхъ,
Нисди мере дие чоре,
Глэзизгъоиме, хъэлол сохит.

Мардахай Овшолум

• • •

Э зверсер шегьер
гъэле,
Бору бесди и шегьере,
Вокурд Дербенд
сиегьире,
Дербендиго, хълол
сохит.

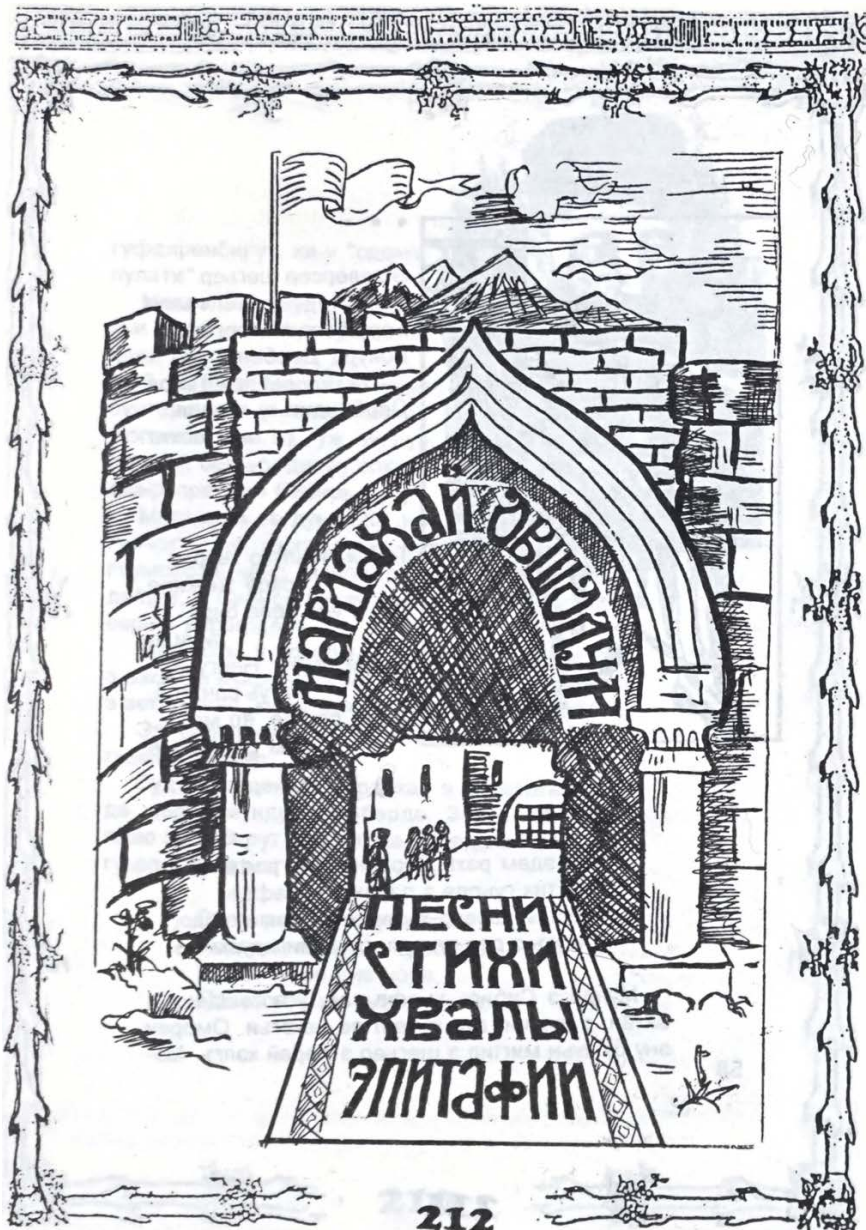
• • •

Томом гуьлго хъэрзо
сохде жижире,
Дуь э еки келе бире
пичире,
Ме ниhoгъум, Нергуьз,
эз туь рачтере,
Эдем рафде, ёр ме,
эдем рафде ме.

• • •

Ини эдем рэхь Дербенде ме рафде,
Сер тик гуьрде э парaxут варафде.
Гьергой хьовир-хьэрмехь э ёрме офдо,
Ейлугь э дес гуьрде, сэхд мигируьм ме.

Мунде э Сибирь хоьфд сал, у вогошдени э
ватан, э дуьл ю пур гъувот ве нехогьи. Омореи
эну бу чунь миглид э шегьер э глэрей хэлгь. Мэ-

гннигъой энү гирошденбирут эз лэлгэ. Дедейгъо
гуьнжундет ненуй-ненемгъо э мэгнингъой энү.

Дирем ме сэнгъеруй бире сифет,
Комики бирут э гил сэнгъ жунсуьз.
Э у салгъо ме бирум городовой,
Эзжеки мере пиш сохдут гэьйгъусуьз.

Сийсуьз бире-гъе белкем муьрдум ме —
Миёв вэхдү — меш мибошум муьвэхд, —
Гъич не хосдем син нореире ме.

Э песой эн ме сенгъгъо мишенд дуьшме,
Рухшенди сохде — гэьгъри мидо мере у.
Сенгъгъой шегъер, чуьн злов бу зри ме. —
Дерд-талавгъош не вегирд гъич мере.

Хэлгъ шегъерме, гъинофи сохит,
сохит генеш глзун. —
Месохит фурмуш четине рузгъой,
шевгъой мере. —
Палутдор корит э и гъоврей эн ме. —
Дегешдем инжо — э фегъм ишму эй вьморе.

Мердахай сер гуьрдени зри талаш сохде гл-
ширгъоре, вегуьрде эз угъо суьрх. нугъре. хурек
ве бэхш сохде э глзрей глонигъо. Уре генеш
фуьрсоренут э Сибирь. Дуьваздегъ гиле вирих-
ди, дуьваздегъ гиле вогошди э ватан, дуьваз-
дегъ миглгъой хэлгъи. Песини гиле Мердахае

доренут паздегь сал дусдогьи. (э 1895 с.) Гьозиегьой 1905 сал межбур сохденут хилоси энуре. Вогошде э ватан, уре берденут э лешгер падшоги э зир гунилегьой японигьой, егьине глэжел. Омон эз унжош Мердахай вогошдени зинде, хэсдее келе мерд, неденишире э игидлуе гьувот хуьшде.

Гьолхмиши совети Октябрире у гьобул сохд э эшгъэвоз ве до весиетгьо э рафде гьушунгьой красногвардейцигьо-партизангьо э гьовхо э деникинцигьоревоз э широгьой хуьшдереве. У бу увэхди нечогье одоми, бу тониш э Арон Эрлихево.

Монухьо бири Мердахай э васал 1925 сал, гьовре бири э куьгьне бите-хъзим дербенди.

Широгьо ве мэгнигьой Мердахай Овшолум пурут э хъэвес инсоньетиревоз, угьо огол зеренут э гьовхо э гужевоз, э тониети.

Омонети Мердахай Овшолуме омбари, омон гьелелуьге кура сохде бири энжэгь ченд дегьгьо.

АННОТАЦИИ

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Верю — буду и буду востребованы и нужны Отечеству

Знакомство мое с поэтом, сказочником и фольклористом Амаданом Кукулу было неожиданным, но вполне вероятным и, если честно сказать, в расхождении к дружбе. Зашел он в нашу редакцию "Центр", где я тогда работал, а это было поздней осенью прошлого года, и предложил поэму друга своего Анатолия Андреевича Сенина, посвященную Андрею Дмитриевичу Сахарову. Разговорившись, я поняла, что передо мной человек творческий, с нелегкой судьбой. Свидетельством тому служили издания московским "Самиздатом" в застойные годы сборники стихов, рассказов, татского фольклора. Они были подготовлены совместно с поэтом и художником Сениным. Кроме собственных произведений печатали таких же, как и

они сами, "горемык", которых официально не издавали.

— Да, крепко отлучали от правды слова читателей еще в недавнем прошлом, — подумала я, перечитывая то, что дал мне Амадан Кукулу, подарив наиболее редкие экземпляры самиздатовских книг. Амаданом Кукулу подготовлен к изданию двухтомник татских сказок и сказаний с большим научным предисловием автора и своеобразными иллюстрациями Сенина, ждет печати солидный том татских пословиц и поговорок, давно составлены сборники стихов для детей и юношества. Особый интерес представляют, как мне кажется, научные изыскания по фольклору и те сенсационные открытия по "дешифровке Тайн Божьего Слова", которые указывают на родство язы-

ков многих народов мира с древних времен и до наших дней.

Что касается самого Анатолия Сенина, то у него написано пять томов стихов, поэм, эссе, три романа. На издание всего этого нужны миллионы, а у авторов их пока нет, да и вряд ли будут.

Нужны богатые спонсоры и частные компании. Сдружество с ними принесет пользу и Отечеству в его духовном возрождении, и немалые финансовые прибыли.

Этой коротенькой заметкой предаю публикацию нескольких стихотворений Амадана Кукулу в еженедельнике "Российское слово". Надеюсь, что именно ВРЕМЯ и РОССИЯ оценят их по достоинству.

Людимила
УРАЗОВА

СОВЕТ МИНИСТРОВ РСФСР
МИНИСТЕРСТВО ПЕЧАТИ И МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О
РЕГИСТРАЦИИ
средства
массовой
информации**

Москва

ОКТАБРЬСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

№ 2125

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ АВТОРОМ УЧРЕЖДЕННОЕ

(название организации)

ЖУРНАЛЬНО-КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО "АМАЛДНИК"

МАЛОЕ ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ (СОКРАЩЕННО: АВТОРЖУРКНИГИЗДАТ

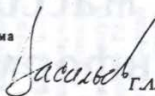
"АМАЛДНИК") ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Юридический адрес Москва, ул. Вавилова, 86

Решение исполкома № 565 от 13 февраля 199¹ г.

Председатель исполкома

и п.

 Г.А. Васильев

Зарегистрированная организация обязана в течение 10 дней с момента регистрации
встать на учет в районной налоговой инспекции.

МНГП. Зак. 2517/1—2000

КУКУЛЛУ АМАЛДАН (наст. фам. Кукулиев Аамал Данилович), р. 1935 г., гор. Хасавюрт, Республика Дагестан) – горско-еврейский (джугур догы) – поэт, сказочник, фольклорист, теоретический и практический первооткрыватель "Тайны Божьего Слова", автор двенадцати официально изданных книг, как на родном – джугури – (древний фарси), так и на русском языках, опубликовал ряд научных изысканий по горско-еврейскому, т.н. – татскому фольклору (сказки, сказания, легенды, пословицы, поговорки и т.п.), по дешифровке Тайны Слова и слогового родства многих языков мира, в особенности – ирано-язычных (фарси) языков. Среди изданных в семидесятые годы официально и в московском "самиздате" книг не остались не замеченными такие, как "Золотой сундук" (сказки татов Дагестана), М., АН., 1974 г. с последующим "самиздатским" переизданием и иллюстрациями А. А. Сенина, куда вошли, сказки известных в горско-еврейском народе сказителей, как Хизгие-Эми Дадашев (1854 – 1944), Шельму-Мемри (1854 – 1938), легендарный Мардахай Овшолум (1850 – 1925) так же сказки сказителей из Хасавюрта Маштанай Назарова (1855 – 1945), его племянника – Бирорле (Садук) Назарова (1891 – 1970), Бориса Гаврилова из Дербента (1908 – 1993) и сказки и сказания матери Амалдана Кукуллу – Кукулиевой Александры (Шурке зен Донил) Николаевны (Нуриловны, р. 1914), которую он – Амалдан – по праву

назовет "кладовой горско-еврейского фольклора" и "первоисточником творческого призвания", ибо в годы Отечественной войны мать "вместо хлеба кормила сказками, песнями и фрагментами из горско-еврейского эпоса, теми самыми, которые она слышала от своего отца". Кроме двухтомного издания в московском "самиздате" сказок и сказаний Амалданом Кукуллу были изданы и горско-еврейский детский фольклор (считалки, дразнилки, потешки, загадки, частушки, пожелания), а так же отдельными брошюрами "Народопотребники или горско-еврейские пословицы и поговорки" на джугури и русском, которые в общей сложности составили около восьми тысяч нумераций. Из сборника стихов к значительным можно отнести "Выбор пути", М., из-во "Советский писатель", 1965 г., "Расскажи мне, папа", из-во "Малыш", М., 1966 г., "Упрямый воробей", изд-во "Малыш" М., 1966 г. А в московском "самиздате" издаются два сборника религиозно-исповедальных стихов и поэм "Господи, помилуй и благослави!" и "Стояние в Боге", М., 1980 г. — в общей сложности более девяти тысяч строк. И наконец, спустя четверть века непечатанья — в 1990 году издается за счет средств автора "самиздатовский" сборник стихов и поэм "Мое продолжение" М., изд-во "Садовое кольцо" в переводах русского поэта и художника Анатолия Сенина — неизменного друга и сотоварища по диссидентской и "самиздатовской" деятельности. Издавали литературно-иллюстрированный в 900 машинописных в один интервал страниц альманах "С русской голгофы", где печатались горско-еврейский фольклор, научные изыскания, стихи и поэмы Амалдана Кукуллу, а так же стихи и других горско-еврейских поэтов в переводах А. Сенина. Наряду со своими произведениями Амалдан Кукуллу и Анатолий Сенин печатали и произведения (поэзия, проза, материалы по философии, религии, политике и т.п.) многих других официально непризнанных поэтов, прозаиков, ученых, религиозных и политических деятелей из диссидентских кругов. Некоторые материалы этого "самиздатовского" альманаха перепечатывались за рубежом, передавались по зарубежным на Союз радиостанциям. "Самиздатовская" и диссидентская деятельности Анатолия Сенина и Амалдана Кукуллу в феврале 1983 года, привели к обыскам и конфискациям и у того, и у другого огромного архива, куда вошли пять

томов по 30 печ. листов типографски изданного "самиздата" поэтического творчества Анатолия Сенина, его рукописи, а так же — огромный горско-еврейский фольклорный архив на кассетах и в рукописях, переводы горско-еврейских поэтов (Мардахая Овшолума, Сергея Изгияева, Бориса Гаврилова, стихи и поэмы Амалдана Кукуллу — все в переводах А. Сенина) и многое другое так и не возвращенные.

В 1992 году Амалдан Кукуллу издал за счет средств автора в своем независимом авторжурналистском издательстве "АМАЛДАНИК" стихотворную поэму "Легенда о песне" в переводе русского поэта Владимира Алейникова. В 1995 году Амалдан Кукуллу и Анатолий Сенин (первый, как составитель, второй, как переводчик) в издательстве "Амалданик" издали "самиздатский" сборник стихов и песен горско-еврейского классика, бунтаря и заступника народа Мардахая Овшолума (1850 — 1925), куда включены факсимильные тексты, подстрочники, неизвестные фотографии М. О. из семейного архива и многое другое.

Амалдан Кукуллу в 1969 году с отличием закончил факультет журналистики Ростовского-на-Дону университета, написал первые дипломную и кандидатскую по горско-еврейскому фольклору. С 1965 года живет в Москве. В 1990 году учредил свое независимое авторжурналистское издательство "Амалданик" и вместе с другом А. Сениным занимается издательской деятельностью, продолжая заниматься творчеством.

Москва. Ясенево. На снимке: Амаддан КУКУЛЛУ вместе
с Анатолием СЕНИНЫМ на его квартире, год 1983.

Амалдан КУКУЛЛУ и Анатолий СЕНИН приглашают состоятельных спонсоров и заинтересованных компаньонов в России, из-за рубежа и из СНГ, желающих на базе зарегистрированных ими издательств в Москве (как малое частное предприятие) принять участие в том, чтобы наладить выпуск того огромного нравственного, высокохудожественного доселе неизвестного фольклора горских евреев Кавказа (джугур доги) в шести (или восьми) томах массовыми тиражами, подготовленного и готовящегося Амалданом КУКУЛЛУ в переводах на русский язык (мо-

жем во всеуслышание заявить, что это выполнено высоко научно и профессионально), с учетом массовости их спроса, ибо все издания красочно иллюстрированные, подарочные, и издаваться будут в серии "Из фольклорного наследия горских евреев Кавказа (джугур доги)". Нами также запланировано издать 15 сборников поэзии и прозы, а возможно, и драматургии горско-еврейских поэтов, прозаиков, драматургов в серии "Из классического литературного наследия горских евреев Кавказа (джугур доги)". И еще в плане - серия "Из историко-этнографического наследия горских евреев Кавказа (джугур доги)", куда войдет все то, что было написано о горских евреях или так называемых татах Кавказа об их истории, быте, обычаях, нравах и т. п.

Вот почему независимое издательство утвержденное Амалданом КУКУЛЛУ (Кукулиевым Амалом Даниловичем) "АМАЛДАНИК"

сообразует издательско-просветительский комплекс "В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО". Ведь всем известно, что "В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО, И СЛОВО БЫЛО У БОГА, И СЛОВО БЫЛО - БОГ" и "ВСЕ ОТ НЕГО ИМЕЛО БЫТЬ". Это издательское кредо относится к изданиям доселе не востребуемых русских поэтов, прозаиков, художников, безвинно прошедших через тюрьмы и психушки во времена кагебешно-брежневского безумия. В настоящем уже подготовлен к изданию макет пятитомника поэтического творчества поэта, переводчика и художника (книжная графика и живопись) Анатолия СЕНИНА. И еще предполагается издавать и уникальные монографии известных художников, таких как, скажем, покойный Анатолий ЗВЕРЕВ, чьи работы сотнями хранятся в частных коллекциях друзей, а также доселе неизвестных мировой общественности художников, у которых также не востребуемы сотни, тысячи

уникальных работ разных жанров. Подготовлен и ждет своего издания подарочный альбом живописных работ живописцев всех времен и стран на темы Ветхого Завета под названием "Дорога к Храму" (составитель искусствовед Г. К. РЕССИН). Со временем - убеждены! - многие авторы планируемых изданий войдут в число классиков XXI века, а корыстное разбазаривание их произведений приведет к безликости как их создателей, так и эпохи, ими пережитой.

В год планируется издавать десять - пятнадцать и более наименований книг и монографий, все издания многокрасочные, подарочные, хотя иллюстрации в предлагаемых аннотациях - черно-белые, снятые на ксероксе (в оригиналах они - многокрасочные). Издания, уже запланированные, рассчитаны минимум на десять лет, и все издания - впервые, а не мно-

гократные переиздания, как это принято всеми существующими ныне издательствами.

Пожелавшие сотрудничать на базе объявленных издательств, зарегистрированных как независимые (малое частное предприятие) могут стать Российско-иностранными СП (познакомьтесь с УСТАВОМ) с правом распространения изданной просветительской продукции не только в городах, общинах, учебных и других заведениях России, СНГ, но и в различных общинах и т. п. городов Запада, Америки, Израиля и других (обо всем в УСТАВЕ).

Итак, конкретный адрес и к конкретному адресату, ибо были случаи, когда объявлялись посредники-ловкачи, которые собирали под отдельные подготовленные Амалданом КУКУЛЛУ книги сказок и сказаний и сборника стихов и песен Мардахая ОВШОЛУМА спонсорские деньги и присваивали себе. Никакую помощь не оказал и филиал ДЖОЙНТА в

Москве, хотя, взяв для рассмотрения материалы и пообещав, так и не соизволил спонсировать двухтомник "Сказки и сказания горских евреев Кавказа". В настоящем приглашаем пожелавших финансировать планируемые издания на взаимно-прибыльных условиях, и более того - издав, сохранить для будущих поколений эти нравственные высокохудожественные произведения профессионалов.

АМАЛДАН КУКУЛИЦУ

Кукулице Амал Данилович

(по документам)

поэт, сказочник, фольклорист,

теоретический и практический первооткрыватель

"ТАЙНЫ БОЖЬЕГО СЛОВА";

секретарь-координатор

экспериментального творческого объединения

"САДОВОЕ КОЛЬЦО";

учредитель и координатор

НЕЗАВИСИМОГО

международного творческого журнально-книжного

ИЗДАТЕЛЬСТВА

для детей и юношества

(авторжурнализмет)

"АМАЛДАН-ИК"

117393, Москва,

ул. Гарибальди, 20/29, корп. 1, кв. 15

Тел. 120-85-63

AMALDAN KUKULLU
Kukuliev Amal Danilovich
according to passport

poet, tale-teller and folk writer
theoretical and practical discoverer of
"The Secret of the World of Lord"
secretary and coordinator of the
experimental creative corporation
"The Garden Ring",
the constitutor and coordinator of
INDEPENDENT

BOOK AND MAGAZINE PUBLISHING HOUSE
for Jewish children and young people author's book
and magazine publishing house "AMALDAN"

117383 Moscow,
Garibaldi st., 20/29, block 1, apt. 15
Tel. (095) 120-85-53

изданные
КНИГИ

разные годы

УПРЯМЫЙ ВОЛК

амалдана
КУКУЛЛУ

Фотомонтаж официально изданных книг Амалдана Кукуллу

1976 г.

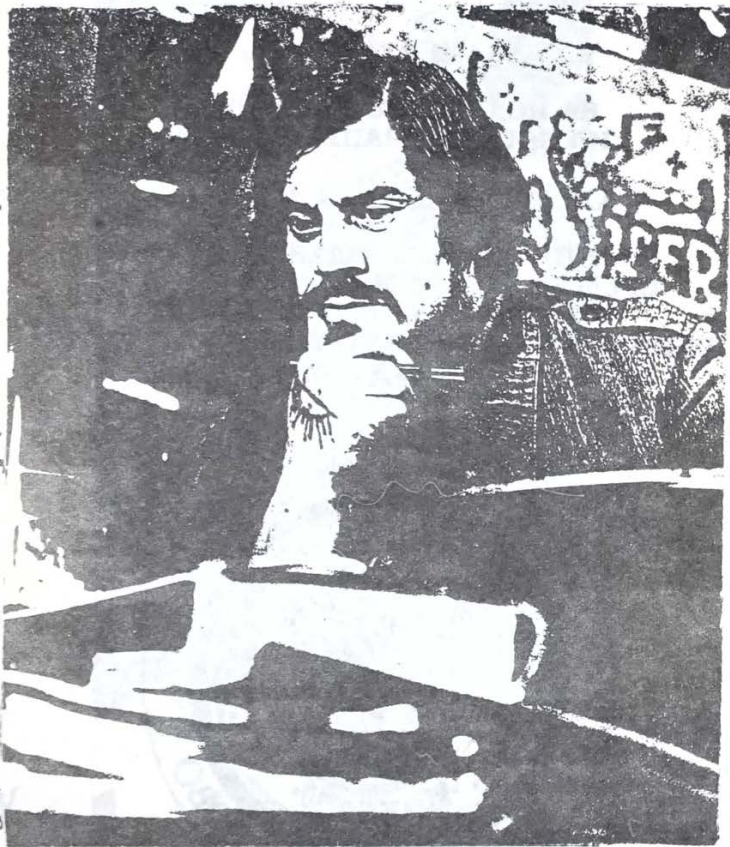
АННОТАЦИИ

**НА ПОДАРОЧНЫЕ, КРАСОЧНО
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КНИГИ**

АМАЛДАНА КУКУЛЛУ

**ПЛАНИРУЕМЫЕ К ИЗДАНИЮ ЗА СЧЕТ
СРЕДСТВ АВТОРА ИЛИ СПОНСОРОВ В
МОСКОВСКОМ НЕЗАВИСИМОМ
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ АВТОРЖУРКНИГИЗДАТЕ
“АМАЛДАНИК”**

АМАЛДАН КУКУЛЛУ

поэт, сказочник, фольклорист,
теоретический и практический
первооткрыватель

«ТАЙНЫ БОЖЬЕГО СЛОВА»

АМАЛДАН КУКУЛЛУ

“ЗОЛОТОЙ СУНДУК”

СКАЗКИ И СКАЗАНИЯ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ
КАВКАЗА

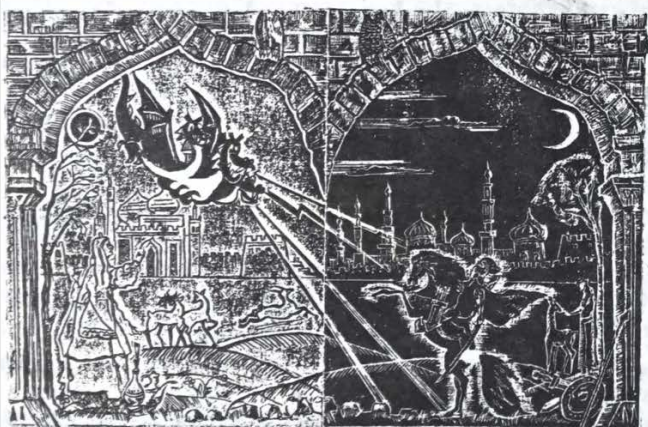
сбор, перевод, научное исследование и комментарии
Амалдана Кукуллу

Двухтомник, 30 п.л. каждый том, формат 60х90 1/8, издание подарочное, красочно иллюстрированное. макет и оформление двухтомника, куда входят 16 графических поистинне сказочных иллюстраций, четырехцветные сюжетные обложка и суперобложка, в начале и в конце книги двухцветный сюжетный распашной форзац, цикловые в два цвета шмуцтитутлы, постраничные изящные в желтый цвет рамки, а также сюжетные концовки и инициалы мастерски выполнены Анатолием Андреевичем Сениным.

Данный двухтомник - первое уникальное издание с авторским предисловием, вбирающее в себя историю горских евреев со времен Ноя и во все последующие времена, разбираются жанры сказок и сказаний, роль сказки в быту и судьбе этого древнего, доселе не изученного народа. Кроме того, во втором томе дается в качестве приложения научная работа о самом популярном и любимом горскими евреями персонаже, а на самом деле - исторического лица, гуманнейшего правителя Ирана конца XVI - начала XVII веков - шаха Аббаса I, который, по свидетельству самого горско-еврейского народа, был сам иудеем. Данное издание несет в себе много доселе неведомой ни науке, ни

широкой публике ценной информации.
Издать этот двухтомник, равно как и другие, немеее ценные книги Амалдана Кукуллу, нет финансовой возможности. Автор просил бы на любых началах принять участие в деле издания данного двухтомника и затем - других его готовых к выпуску книг.
Покупатели в России, СНГ и за рубежом имеются.

117393 МОСКВА
УЛ. ГАРИБАЛЬДИ 20/29, КОРП. 1 КВ. 15
ТЕЛЕФОН: (095) 120-85-53
КУКУЛИЕВ АМАЛ ДАНИЛОВИЧ
(АМАЛДАН КУКУЛЛУ)

Цветной форзац к книге сказок и сказаний Амалдана КУКУЛЛУ
"ЗОЛОТОЙ СУНДУК".

Сказки входят в жизнь человека с детства и остаются с ним навсегда, точно так же, как свет солнца, сияние звезд, шелест листьев, море и горы, леса и степи, сокровенный сердечный разговор и песни, затрагивающая потайные струны души. Даже совсем пожилые, седоволосые люди не утрачивают прекрасной детскости, чистого и восторженного восприятия мира. Сказки — это фантазия и реальность, история и быт народа, обычаи, нравы. Именно в сказках проявляется народная мудрость. Они — самая настоящая энциклопедия, сокровищница познаний, где о народе, героях его, или самых простых людях, сказано очень многое, причем сказано просто и точно. Ни когда не надо забывать, что создавал сказки сам народ. Таты — народ древнейший, живут они на Кавказе, язык их родственен с языком фарси в первоизданном его виде, — и на языке этом писали свои незабвенные произведения Фирдоуси, Саади, Хафис, Рудаки и многие другие поэты и мыслители Древнего и Средневекового Востока.

Амалдан Кукуллу (по паспорту — Кукулиев Аамл Данилович) — представитель татского народа, пишет он стихи, сказки, научные труды по фольклористике и филологии, как на своем родном языке, так и на русском. Его филологические изыскания с уклоном к этимологии слова, точнее сказать разгадка «тайны слова» впервые теоретически и на практике подтверждают языковое духовное и историческое единородство многих народов планеты, особенно индо-европейской, фарсоязычной группы языков и наречий.

Предлагаемые Амалданом Кукуллу отдельно издаваемых им повестей-сказок (их у него десятки) взяты из выпущенной машинописно тысячным тиражом в 1980 году в московском «Самиздате» книги, которая была замечена и читателями и органами КГБ, вследствие чего был произведен обыск: называлась эта объемная книга «Забавные, хитромудрые и психологические сказки дан-Амалдана». В настоящее время предлагаются следующие произведения (сказки):

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ОХОТНИК АМЕЛУМ И КРАСАВИЦА СУРХЕСЕР» повесть-сказка, стр. 74, формат 60×90¹/₁₆, издается в Москве за счет средств автора, художник Ольга Яковлева. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена

Одноименный герой данной волшебной сказки — охотник Амелум — прежде чем достигнуть желаемой цели — полюбить и жениться на красавице Сурхесер — совершает множество добрых дел и поступков, проходит многие испытания. Сказка многосюжетна, в ней развиваются разнообразные конф-

ликтные ситуации, много волшебства, — самое главное — она забавна, мудра и психологически напряжена; рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

Цветная обложка повести-сказки Амалдана Куулулу "Охотник Амелум и красавица Сурхесер".

Цветной распашной форзац к повести-сказки "Охотник Аметум и красавица Сурхесер".

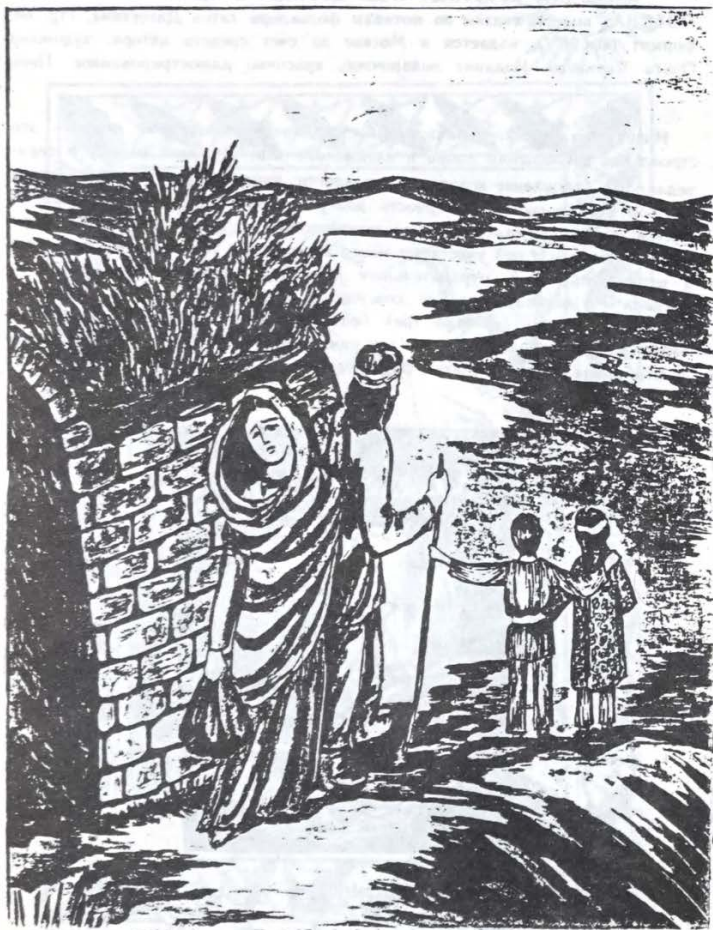
Одна из многих многокрасочных листовых иллюстраций к повести-сказки "Охотник Амелум и красавица Сурхесер".

АМАЛДАН КУКУЛУ. «ГДЕ ДРУЖБА В ЦЕНЕ, ТАМ ВСЕГДА ПОБЕДА» повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, стр. 68, формат 60×90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора, художник Ольга Яковлева. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена

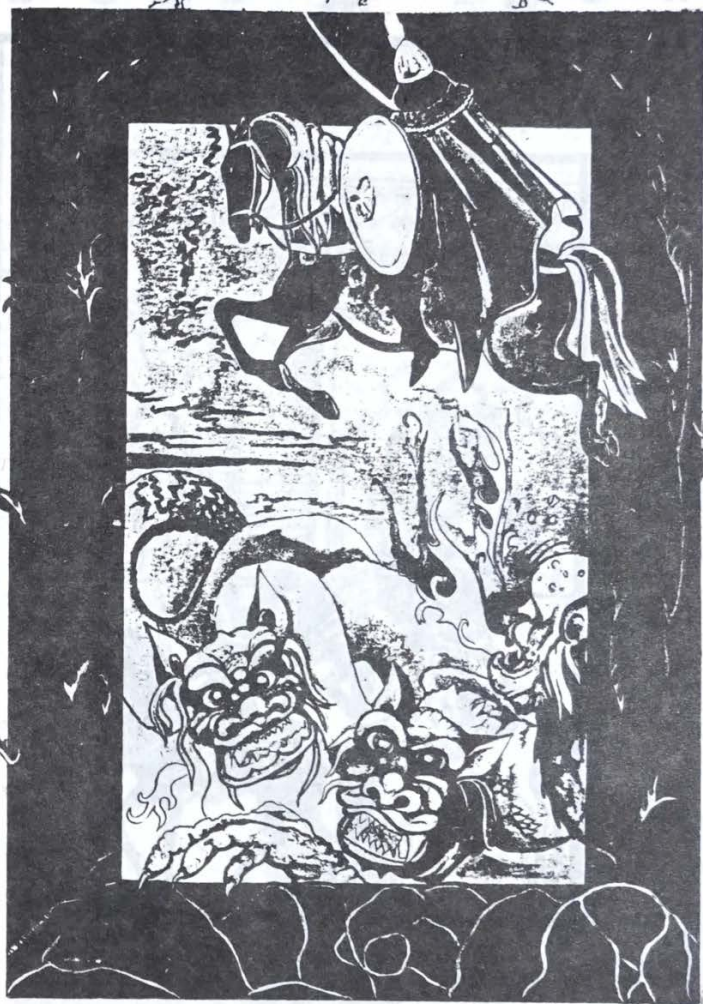
Идейно-тематическая направленность данной волшебной сказки — это стремление воплощения добра и клеймение зла; служение народу и справедливости, осуждение коварства и подлости; призыв и реальная реализация дружбы, взаимовыручки; верность долгу и милосердие. Характер данной сказки героико-романтически-приключенческий, а самое главное — сказка многосюжетна и в ней участвуют много персонажей, как положительные, так и отрицательные. К отрицательным относятся одно-, двух-, трехголовые Аждага (чудовища), которые совершают множество ужасных злодеяний. Только дружба и единство трех братьев смогли одержать заслуженную победу над этими чудовищами и тем самым помочь обиженным и униженным людям труда. Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

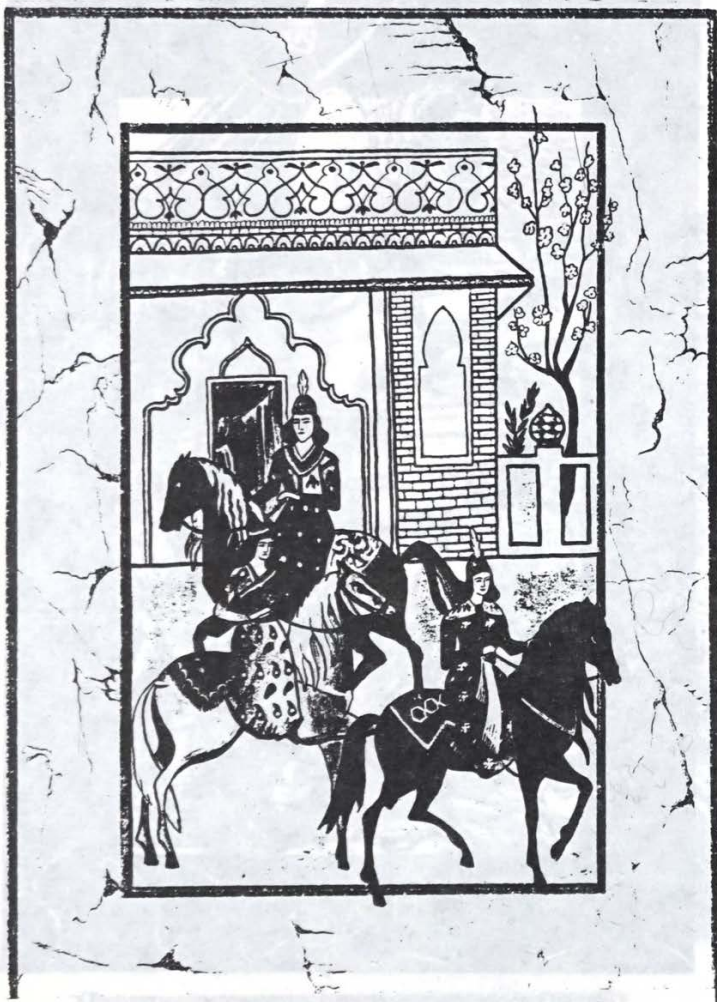
Цветная обложка к авторской повести-сказки.

Одна из многих многокрасочных листовых иллюстраций к повести-сказки Амалдана КУКУЛЛЮ "Благо жизни в молодости хороши или на старости лет?".

Одна из многих многокрасочных листовых иллюстраций к повести-сказки Амалдана КУКУЛЛУ "Где дружба в цене, - там не бывает беде!".

Одна из многих многокрасочных листовых иллюстраций к повести-сказки Амалдана КУКУЛЛУ "Где дружба в цене, - там не бывать беде!"

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ПОСЕЛИЛОСЬ В ДОМЕ ЗЛО, ОТ ГОРЯ НЕ ИЗБАВИШЬСЯ», повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, страниц 64, формат 60×90¹/₈. Издается в Москве за счет средств автора, художник А. А. Сенин. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена

Поселилось в доме зло, от горя не избавишься — так гласит древняя татская поговорка. Зло, точнее сказать, коварная злодейка Марэвшей, войдя в доверие к девушке-соседке, уговаривает ее, чтобы она убедила своего любимого брата жениться на... ней. И, когда Марэвшей достигла желаемого и перешла жить в богатый дом соседей, стала она строить козни — одна коварней другой — и тем самым сумела поссорить любимого брата с сестрой, а в завершении сделала так, чтобы брат отрубил сестре руки и выгнал из отцовского дома.

Вот как начинает автор саму сказку: «Когда рассказывают эту историю — камни раскалываются, горы дрожат, море стонет, а небо черными тучами заволакивается, когда же люди слушают эту историю — горькими слезами заливаются. А Вас, дорогой читатель, а может и слушатель, попрошу набраться мужества и выслушать до конца эту печальную историю, которая имела место в придавние времена в одной горной стране, где жили в любви и согласии старые супруги, а затем — брат и сестра (их дети) и между ними — коварная злодейка Марэвшей...».

Да, много мук и трудностей выпало на долю безвинно наказанной и изгнанной из дома девушки Бельго (так звали эту мученицу-скиталицу). Вряд ли прочитавший эту повесть-сказку, а может быть давнюю историческую правду человеческой судьбы, сможет удержаться от того, чтобы не пролить слезу сострадания.

Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как взрослых, так — и детей.

Многокрасочная расписная иллюстрация к повести-сказки
"Охотник Амелум и красавица Сурхесер".

Многокрасочная распушённая иллюстрация к повести-сказки
"Охотник Амелум и красавица Сурхесер".

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "НАРЕЧЕННЫЕ".

Повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана (джугур догъи), 74 страницы, формат 60х90 1/8. Издается в Москве за счет средств автора или при участии спонсоров. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена договорная.

Данная повесть-сказка, а может быть - бытовая, жизненная правда, которая отходя все дальше от времени своей достоверности, стала сказкой, повествующей нам трогательную историю любви двух молодых людей, нареченных родителями со дня их рождения. Это одна из фабул данного повествования, между которым встречается новая фабула в лице злого и коварного правителя. Злоупотребляющий своим высоким положением, он превращает трогательную любовь двух нареченных в невероятные страдания, а точнее - в трагедию.

Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "СКАЗАНИЕ О ЗАРПАХЛИВАНЕ, ЕГО СЫНЕ РУСТЕМЕ И ВНУКЕ БОЖОНЕ И О МНОГОМ ДРУГОМ".

Повесть-сказка, 196 страниц, формат 60х90, 1/8. Издается в Москве за счет средств автора или при участии спонсоров. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена договорная.

В этой повести-сказке, написанной по мотивам фольклора татов Дагестана (джугур догъи), пять, казалось бы, самостоятельных сказок, т.е. глав, а все вместе - это рассказ о героях-богатырях нескольких родовых поколений, приумножающих добрыми делами и геройскими подвигами славу и признание своего народа не только в те далекие времена, но и в наши дни.

Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "ЕСТЬ НА СВЕТЕ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГОРЯ".

Повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана (джугур догъи), 64 страницы, формат 60х90 1/8. Издается в Москве за счет средств автора или при участии спонсоров. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена договорная.

Жил в одной деревне один человек и решил он узнать: есть ли на свете человек без горя или всех горе одолевает без выбора, как людей его деревни. Много стран обошел он, бывал в разных домах, - даже в царских; беседовал с влюбленными молодыми людьми, общался с людьми разных ремесел...- и везде...

Что было везде и какие судьбы встречались на его пути, какую философскую мораль бытия приподносит людям жизнь и о многих других разумных намеках Вы узнаете, прочитав эту повесть-сказку, обращенную как к детям, так и к взрослым.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "И КРИВОЕ ДЕРЕВО ПРИНОСИТ СВОИ ПЛОДЫ".

Повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана (джугур догъи), 74 страницы, формат 60х90 1/8. Издается в Москве за счет средств автора или при участии спонсоров. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена договорная.

Эту повесть-сказку, написанную по мотивам фольклора татов Дагестана (джугур догъи) смело можно назвать устной исторической прозой, т.к. в ней фигурируют и вправду, исторические личности конца XVI - начала XVII веков, а именно - иранский правитель шах Аббас I и известный в горско-еврейском народе "кривой

Якуб", точнее "горбун", который был в Хоайдаге (месте древнего проживания горских евреев) визиром у непутевого шахского наместника Довида.

Воистину, все, как говорится, в руках Бога! У горских евреев на этот счет есть такая поговорка: "Если Богу будет угодно и бедняк царем станет", есть и такое: "И кривое дерево приносит свои плоды" (добавим - людям). Именно в эти два смысла бытия и человеческого опыта входит нелегкая, незаслуженно униженная жизнь "кривого Якуба"... Прочитавший эту историческую правду о судьбе всего лишь одного еврея, пусть и горбуна, сделает для себя полезные выводы об уме, терпении, честности и находчивости еврея.

Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "НАРОДОПОТРЕБНИКИ или НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ, ПРИТЧ И АНЕКДОТОВ, ПОЖЕЛАНИЙ И ПРОКЛЯТИЙ, НАСТАВЛЕНИЙ И АФОРИЗМОВ, МОЛИТВ И ИЗРЕЧЕНИЙ, ЯЗЫЧЕСКИХ И БЫТОВЫХ ПРИЧИТАНИЙ, ЗНАЧЕНИЙ СИМВОЛОВ И ИЕРОГЛИФОВ, БЫТУЮЩИХ В НАРОДЕ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ"

Данное издание планируется выпустить в трех томах по 25-30 п.л. на двух языках (джугури (горско-еврейском) и русском), с комментариями, научным предисловием и параллелями.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, особенно на специалистов гуманитарных наук. Цена договорная.

Автор готов привлечь к работе специалистов, занимающихся фольклором, философией, религиями, этнографией и т.п. А также состоятельных спонсоров и научные институты разных стран.

... ИБО ТВОРЕЦ ... УМ НАПОЛНИЛ МУДРОСТЬЮ

ПОСЛОВИЦЫ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

В этом номере мы хотим познакомить Вас с пословицами и поговорками горских евреев (сефардов) - уникальной еврейской общины, члены которой проживают, в основном, на территории Дагестана и Азербайджана и говорят на нескольких диалектах горно-еврейского языка, принадлежащего к группе иранских языков.

Пословицы, которые мы публикуем - часть огромного (более 8 тысяч!) собрания пословиц и поговорок горских евреев, собранных поэтом и фольклористом Амалданом Кукуллу. Уже более 30 лет он по крупицам собирает, обрабатывает и переводит на русский язык произведения народного творчества горских евреев. В советское время лишь однажды - в 1974 году - Амалдану удалось выпустить в издательстве АН СССР сборник народных горско-еврейских сказок «Золотой Сундук», сразу же ставший библиографической редкостью.

Шагая по лику земли - не забывай дорогу и к Небу.

Тайна эпох - в тайне Б-жьего слова.

Из уст ребенка рожденное слово - Слово Б-жье.

Знайте: если Б-гу то и дело молиться, душу свою спасете от тягот и невзгод.

Знайте: если хлеб и с плесенью, но с благодарностью к Б-гу съесть, то и такой хлеб на пользу пойдет.

Где бы ни ступала нога человека - памятью и
поисками покоя души он под небесами Израиля.

Читающий Тору - не погрузится во мрак.

Знающий Тору - взбирается в гору.

Если душа мертва, то и тело усохнет.

Грешный человек - что бомба: чуть что -
взорвется и все вокруг придаст огню и разруше-
ниям; а безгрешный - что птичка, - от Земли
оторвется и в Небо вспорхнет.

Беги от греха, как от злого жениха.

Кто с Б-гом водится - тот ни с кем не ссорится.

Через страдание - путь к Б-гу прокладывается.

Не прозорливостью можно узнать Б-га — а
душой.

Доброе слово для души человека, - что бальзам;
для ума, - что плодоносящее семя; дурное слово
для души человека, что яд, для ума, что терний.

Мудростью ушедших народов живет сегодняш-
ний народ.

Семейная молитва - Б-жье слово и милость.

Дающему - Б-г дает.

Между правдой и ложью извечные сражения
идут, а раны на сердца людские ложатся.

Памятью о Иерусалиме спасены будут евреи
мира, ибо Творец самолично из своих рук дал нам
Тору и тем осветил наши души, а ум наполнил
мудростью.

АМАЛДАН КУКУЛЛЮ. «БЛАГА ЖИЗНИ В МОЛОДОСТИ ХОРОШИ ИЛИ НА СТАРОСТИ ЛЕТ?», повесть-сказка по мотивам фольклора гатов Дагестана, стр. 54, формат 60×90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора; художники Жаппа и Ян Сокиркины. Издание подарочное, красиво иллюстрированное. Цена

Вопрос, поставленный автором данной сказки, так и не дает исчерпывающего ответа, хотя выпавшие на долю героев этой народной повествовательной прозы события, драматичны, порой — трагические, — казалось бы, должны были разрешиться из вопроса — восклицанием, в худшем случае, точкой.

Несмотря на это, многосюжетность сказки и все те драматические события, описанные в ней, не оставляют читателя равнодушным или безучастным в желании ответить себе на поставленный автором главный вопрос согласно своему философскому пониманию человеческого бытия.

Сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

Многочасовая листовая иллюстрация к повести-сказке Амалдана КУКУЛЛЮ "Благо жизни в молодости хороши или на старости лет?"

Многокрасочная листовая иллюстрация к повести-сказки Амалдана
КУКУЛЛЮ "Благо жизни в молодости хороши или на старости лет?"

Многокрасочная листовая иллюстрация к повести-сказки Амалдана
КУКУЛЛЮ "Благо жизни в молодости хороши или на старости лег?"

Цветная суперобложка изданной в издательстве "Амалданик" книжки-малютки для детей, год 1990.

Одна из многих многокрасочных листовых иллюстраций к повести-сказки "Охотник Амелум и красавица Сурхесер".

Одна из многих многокрасочных листовых иллюстраций к повести-сказки "Охотник Амелум и красавица Сурхесер".

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ЛЮБОВЬ И МЕРТВЫХ ВОСКРЕШАЕТ», повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, стр. 72, формат 60×90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора, художник А. А. Сенин. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена

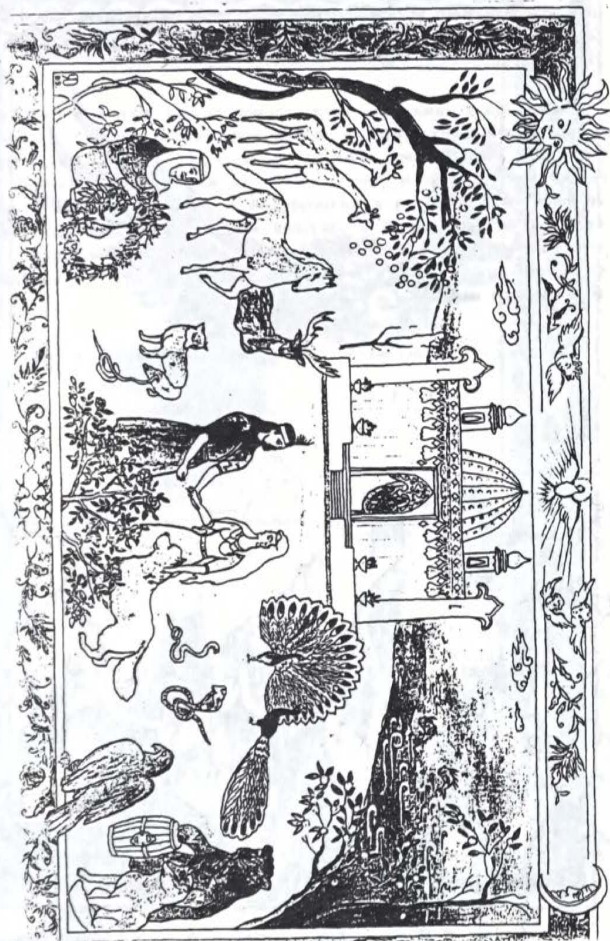
Сюжет, да и сама тема предлагаемой сказки, казались бы, широко известна: в ней повествуется о злой и коварной мачехе, о тех невыносимых бедах, на которые она обрекает своих падчериц и пасынка. Но данная сказка совсем о другом. Здесь главная движущая сила — Любовь, в полном ее религиозно-духовном и философском понимании, хотя эта самая любовь, являя себя через детей к умершей матери; детей, которые прошли через невыносимые трудности и испытания побеждают и свою смерть, и смерть своей любимой матери, и тем самым утверждают эту самую Любовь и ее животворную силу.

Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

Многочасная расписная иллюстрация к повести-сказке
"Охотник Амелум и красавица Сурхесер".

Многорасочная распошная иллюстрация к повести-сказки
"Охотник Амегум и красавица Сурхесер".

**АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "ЗАБАВНЫЕ,
ХИТРО-МУДРЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СКАЗКИ
И СКАЗАНИЯ ДАН-АМАЛДАНА".**

Каждый том данного издания включает в себя по десять-двенадцать сказок и сказаний, ранее изданных в отдельности. Все они рассчитаны на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "СКАЗКИ ИЗ ВОЛШЕБНОГО СУНДУКА". 12 п.л., формат 60х90 1/8. Издается в Москве за счет средств автора или при участии спонсоров. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена договорная.

Сборник сказок рассчитан для малышей.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «СКОРО ВЫРАСТИШЬ БОЛЬШИМ...» — стихи, причитания, дразнилки, загадки, колыбельные и обрядовые песни, написанные по мотивам детского (горско-джугурского) фольклора, стр. 76, формат 60/90^{1/8}, издается за счет средств автора ©, художник _____, рассчитано для детей младшего и среднего возраста.

Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена договорная. Перевод с татского (горско-джугурского) Вл. Алеяникова.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ТРИ ДРУГА» — стихотворная, сюжетно-приключенческая назидательная поэма, стр. 32, формат 60х90^{1/8}, издается за счет средств автора ©, художник _____, рассчитано для детей среднего и старшего возраста. Перевод с татского (горско-джугурского) Вл. Алеяникова. Издание подарочное. Цена договорная.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ И БЛАГОСЛОВИ!» — сборник религиозно-исповедальных стихов. Перевод с татского (горско-джугурского) Вл. Алеяникова. Издается за счет средств автора ©, стр. 246, формат 84х108^{1/32}, художник _____, Цена договорная.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ТРИ ЛИВНЯ» — сборник стихов и поэм, авторизованный перевод с татского (горско-джугурского) Вл. Алеяникова, стр. 146, формат 84х108, художник _____, издается за счет средств автора ©. Цена договорная.

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ СЕНИН. «БЛИКИ РАНИ» — стихи для детей среднего и старшего возраста, стр. 72, формат 60х90^{1/8}, издается за счет автора ©. Книга подарочная, красочно иллюстрированная детьми из изокружка, руководимым А. А. Сениным. Макет автора. Цена договорная.

Амалдан Кукуллу
РАССКАЖИ МНЕ ПАПА

Издательство МЛЫШ 1972

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «РАССКАЖИ МНЕ, ПАПА...», сборник стихов для детей среднего и старшего возраста стр. 54, формат 60×90/8, издается за счет средств автора ©, художник _____
Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена договорная.

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «МОРЕ, ПОДАРИ МНЕ РЫБКУ», сборник стихов для детей среднего и старшего возраста, стр. 32, формат 60×90 1/8. Издается за счет средств автора © Художники Михаил Худатов и Анатолий Сенин. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена договорная.

СТИХОТВОРНАЯ «ЛЕГЕНДА О ПЕСНЕ» АМАЛДАНА КУКУЛЛУ была начата в 1962 году в гор. Махачкале, затем был 15-летний перерыв, — только в 1975 году она была завершена в гор. Москве и переведена на русский язык в 1982 году. Издавалась в «Самиздате», как на родном татском языке, так — и на русском.

Сюжетом, точнее — толчком в написании данного произведения послужили фольклор татов Дагестана, который автор на протяжении десятилетий посвящал себя, и как собиратель татского фольклора, и как автор научных трудов по фольклористике, этимологии слова, религиозно-духовным и историко-археологическим изысканиям. Результатом его многолетнего труда явилась книга сказок «Золотой сундук» (Сказки татов Дагестана), изданная в Москве в 1974 году и переиздающая дополнено и в новой редакции за счет средств автора (издание подарочное, красочно иллюстрированная), с авторским копирайтом © уже в этом году в Москве.

Тема «Легенды о песне» — это извечный конфликт властимуших, жестокосердных богатеев с неугомонным тружеником, в данном случае — пахарем, который, несмотря на нищенское существование — Любовь к Труду и Верная Дружба с Песней, помогает... победить жадных и коварных богатеев... Несомненно, это главный лейтмотив «Легенды...». И не менее главным, если — не самым главным фактором в этом произведении являет Себя Рождение Слова, а через Слово — Песни, которые живут среди нас.

Книга рассчитана, как на детей, так и на взрослого читателя.

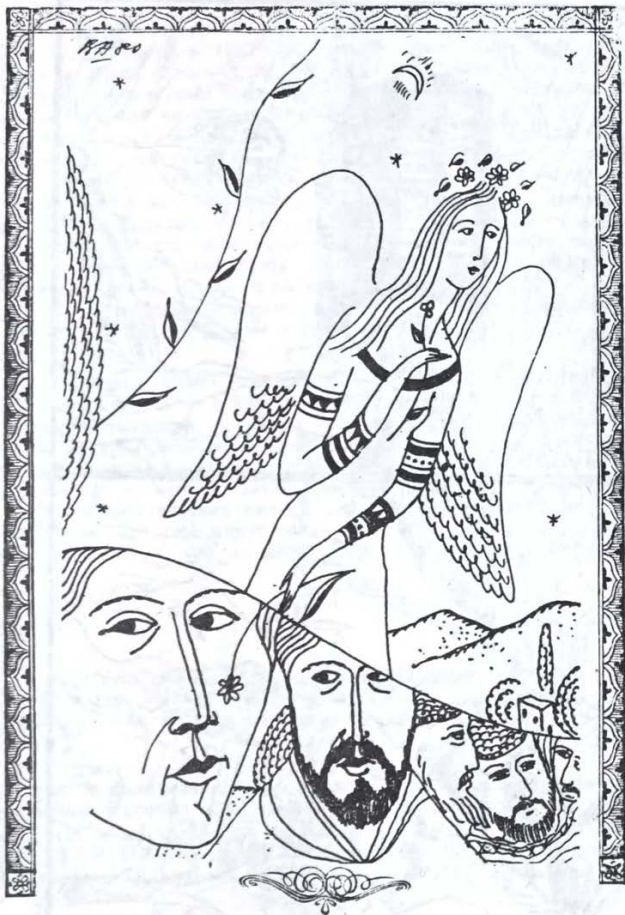
Издание осуществлено за счет средств автора, с авторским копирайтом © в гор. Москве и потому все сделки, как внутри страны, так и за рубежом ведутся непосредственно с автором — и только с автором.

Принимаются индивидуальные и коллективные заявки от различных предприятий, торговых организаций, фирм, кооперативов, как внутри страны, так и из зарубежья в любом количестве. Обращаться по адресу: СССР. 117393, Москва, ул. Гарибальди, 20/29, корп. 1, кв. 15. Кукулиев Амал Данилович (Амалдан КУКУЛЛУ). Домашний телефон: 120-85-53.

Разворот многокрасочной обложки изданной книги стихотворной поэмы-сказки, для детей среднего и старшего возраста. Перевод с татского (джугури) В. Алеинкова, оформление А. Сенина.

Принимают заказы на приобретение данной книги небольшими тиражами. Адрес в конце книги.

-19-

Листовая графическая иллюстрация к стихотворной сказке "Легенда о песни".

-28-

Листовая графическая иллюстрация к стихотворной сказке "Легенда о песни".

-29-

Листовая графическая иллюстрация к стихотворной сказке "Легенда о песне".

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «МОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ» (стихи, поэмы — 1960—1965 гг.) авторизованный перевод с татского Анатолия Сенина.

Издано за счет средств автора. В настоящее время переиздается в дополненном виде.

Ровно четверть века назад, эта книга стихов Амалдана Кукуллу обошла многие издательства, но так и не могла увидеть свет в долгие застойные времена из-за издательской коррупционной системы, ставшей стеной на пути новой экспрессивной поэтической формы, хотя получила положительные оценки такого внутреннего рецензента тех далеких лет, поэта и переводчика Александра Глезера, ныне Директора музея Современного изобразительного искусства нон-конформизма под Парижем в Монжероне и в Нью-Йорке Джерси-сити. Положительную рецензию еще в 1965 году на эту рукопись написал известный поэт Илья Сельвинский, высоко оценив талант поэта: эту рецензию поэт включил в книгу в качестве приложения под названием «Поэзия берега». Краткую литературную характеристику жизни и творчества поэта и сказочника написал Анатолий Сенин, он же — и переводчик и художник книги. Автором линогравюр, выполненных в 1960—1964 гг., специально к произведениям этой книги — художником известным всему миру Александром ДАНОВЫМ. В настоящее время эмигрировал и живет в ФРГ.

Изданию. Принимаются заказы на приобретение не-большими тиражами.

Автор готов заключить Договор с любым книгоиздателем за рубежом. Тел. автора: 120-85-53. Москва, ул. Гарибальди, 20/29, корп. 1, кв. 15. Кукулиев Ама Данилович.

Учредитель данного издательства, он же — автор объявленных в аннотации книг ищет делового, честного человека и состоятельного спонсора и компаньона, не исключая иностранцев, как частных лиц, так и представителей общественных и государственных организаций, совместных предприятий, инофирм, коммерческих банков и т. п. для выпуска в свет объявленных книг массовыми тиражами на взаимно-выгодных и престижных условиях. Заказы-договоры о покупке первых семи красочно иллюстрированных книг массовыми тиражами уже имеются.

**АН
СЕНИН**

ПОЭТ-
ПЕРЕВОДЧИК
КУДЖИЛЛУ
КНИГА

Владимир Маяковский. Стихи. Переводы Анны Сениной. Издание 1988 года. 128 страниц. 120 копеек. Стихи Владимира Маяковского, переведенные Анной Сениной, вошли в книгу «Анна Сенина. Стихи. Переводы Владимира Маяковского». Книга издана в 1988 году. Стихи Владимира Маяковского, переведенные Анной Сениной, вошли в книгу «Анна Сенина. Стихи. Переводы Владимира Маяковского». Книга издана в 1988 году. Стихи Владимира Маяковского, переведенные Анной Сениной, вошли в книгу «Анна Сенина. Стихи. Переводы Владимира Маяковского». Книга издана в 1988 году.

**АМАЛДАН
КУЧУЛЛУ**

СТИХИ
ПОЭМЫ

**АМ
КУЧУЛЛУ**

ПОЭТ
ОКАЗОЧНИ

268

Цветная супербложка. Изданного сборника Амалдана КУЧУЛЛУ "Моё продолжение" (стихи, поэмы). Перевод поэта Анатолия СЕНИНА.

269

На снимке: художник графических иллюстраций к сборнику стихов
"Моё продолжение" Александр ДАНОВ.

АННОТАЦИИ
НА КНИГИ
АНАТОЛИЯ СЕНИНА,
ИЗДАВАЕМЫЕ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ АВТОРА
ИЛИ
СПОНСОРОВ

МОСКВА
MOSKOV

A СЕНИН
НАТОЛИ
H S E N I N

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 4 ТОМАХ
SELECTED WORKS OF VOIUME'S 4 AND
5 КНИГАХ
BOOK'S

СЕНИН
Анатолий Андреевич
поэт, художник

Художественный руководитель,
редактор

Экспериментальное творческое объединение
САДОВОЕ КОЛЬЦО

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

собрание сочинений в 4-х томах пяти книг поэта и художника Анатолия СЕНИНА, под общим названием «АВТОАНАТОМИЯ от А до Я», куда входят стихи, поэмы, повести в стихах, эссе, рассказы написанные в собственной только ему одному манере, развивающие традиции классической русской литературы, бескомпромиссные, вобравшие в себя весь опыт русских экспериментаторов, написанные в основном в годы застоя, т. е. во времена жесточайшего контроля над идеологией. Поэт целые десятилетия «писал в стол», написанное прятал и закапывал в землю и добровольно самоустранился, не желая участвовать во лжи. В 1975 году писал:

...Родина, боль моя нежная!
Где же так видано жить.
Раной сочится безбрежною:
Только бы жить не по лжи.
Слово как правды — то колется,
Лжи всероссийской — войну!

Несколько раз арестовывался, в последний арест 13 февраля 1983 года был конфискован весь литературный, фото, фоно архив, составивший в общей сложности семь почтовых мешков.

Предлагаемое издание, это, как скажет поэт:

...в курсирующем «Самиздате»

Три тома набрал стихов.

Автор 2-х романов «НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СОВЕСТИ» — 1970—1972 гг., посвященный А. И. Солженицыну, и «НУЛЕВОЙ ЦИКЛ» — 1980—1981 гг., посвященный А. Д. Сахарову, главный редактор литературного, общественно-политического иллюстрированного альманаха «С РУССКОЙ ГОЛГОФЫ», первый номер которого успел выйти, на верстке второго номера был арестован, но шеф КГБ Ю. В. Андропов, знавший стихи поэта и сам грешивший этим ремеслом, приказал освободить его.

Все собрание сочинений составляет 120 печ. листов.

«АВТОАНАТОМИЯ СЛОВА
от А до Я
Том I
Книга I

Оригинальная автобиография, взгляд из настоящего в прошлое глазами ребенка, оценка судеб и событий, вторая — неофициальная культура Москвы 60—80-х гг., развитие диссидентства в России, оценка и влияние классиков русской литературы, аресты, скитания, работа в холоде, голоде; слово — его изначальное звучание, графология, семантика, синтез с другими искусствами и т. д. Объем 35 печ. листов.

ПУТИ ПОИСКА ФОРМЫ

Том 1

Книга 2

стихи — поэмы — баллады

Период литературных поисков и смелого экспериментаторства, выработка своего стиля и мироощущения, попытка синтеза, звука, цвета (поэзии, музыки, живописи), микропоэма «Спектр-1» (1963), «Художественная мастерская», «Черная рябина» (стелла-поэма) — (1963).

В книге семь поэм: «Явление Пушкина» (1972) о невозможности существования в условиях автототалитаризма подлинного художника; поэма «Размышление на Вагьяновском кладбище» — параллельное осмысление судеб двух поэтов — С. Есенина и Вл. Высоцкого — общности и разность; поэма «Послание к Сергею Есенину» — повествование о том, что произошло после смерти поэта в литературе, написанная к 70-летию со дня рождения. Объем 25 печ. листов.

РУБЕЖ

Том 2

стихи — поэмы — баллады

Том отражает политические и эстетические воззрения конца оттепели и времен застоя, автор не оставляет литконформизму места, в тех условиях он предпочитает смерть жизни (поэма «Октябрьский реквием»), ранее выразил невинность существования в условиях тотального надзора предсмертной запиской, герой романа «На перекрестках совести».

Прощайте верные друзья,

С врагами остаюсь я холоден.

Жить так, как хочется, нельзя.

Жить так как можно — жить не хочется.

Цикл стихов «Пolemика с Мандельштамом», посвященный академику А. Д. Сахарову (1975); цикл стихов «Печальник России», посвященный священнику Дм. Дудко, духовнику поэта, арестованному в январе 1980 г. и выпущенный в «Самиздате» отдельной книгой. Стихи, баллады. Объем 24 печ. листа.

ИСТОКИ

Том 3

стихи — поэмы — баллады — проза

Начало творчества. В 12 лет, стихотворение «Треугольники». Представлены две повести в стихах «Дорога» (1963—1965 гг.) о трагической личности времен сталинизма и начала оттепели, о концлагерях, «врагах народа», о разложении экономики командно-административной системой, обстановка в стране после войны и в оттепель; «Сказ о русском богатыре» (повесть о Федоре Шалайине) 1-я часть (1967—1968 гг.). Два рассказа, сохраненные чудом при облысках; самиздатская очерковая публицистика: «Жертва сталинской калымы» (о последних днях В. Т. Шаламова, с оригинальной, последней пожизненной фотографией, снятой автором очерка); предисловие к роману «Д. Д. Л.» Льва Халифа «Одна ночь с миражом рассвета», глава «Деревни и пашни» (об уничтожении русской деревни) и «Литературный процесс» (о негативной роли СП в судьбах русских писателей с автобиографическими вкраплениями и т. д.; из повести в стихах «Цветы России». Объем 25 печ. листов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ АВТОАНАТОМИЯ

Том 4

эссе — исследование, первоизглед

Первичный взгляд на СЛОВО, на литературу в целом, на искусство, теоретические изыскания по синтезу искусств, по ритмике, метрике архитектоники стиха; эссе о А. Платонове, Б. Пастернаке, С. Есенине, В. Хлебникове, В. Маяковском, И. Сельвинском, Ев. Замятине, Ал. Солженицыне, А. Вознесенском, Ев. Евтушенко, Н. Коржавине и о других деятелях культуры. Объем 15 печатных листов.

В сущности пять книг Анатолия СЕНИНА — собрание уцелевших сочинений являются духовной биографией нашего современника, личности, которая в условиях авторитарного режима смогла подняться над самым собой, это пример служения Слову и Истине; это рыцарство без страха и упрека; это демонстрация духовного превосходства, со всеми человеческими слабостями, над силами зла, над бездуховностью и как следствием вышедшего отсюда, конформизмом, насажденным в СССР без малого почти 70 лет. Это альтруистическое суждение и духовное сопротивление насилию не только в своей стране и в ее культуре, но и пример всему человечеству, ибо ныне в нашем всеобщем Доме беда одного человека, беда одной страны — это беда всех людей и всего мира, — ведь наша планета такая маленькая.

Нобелевский комитет и его высокое жюри Шведской Академии должны бы заметить те высокие гуманистические порывы явленные в самобытном слове, которые предлагает нам наш современник — русский поэт и художник Анатолий Андреевич СЕНИН.

Художественное оформление собственных сочинений и иллюстрации выполнены автором.

Первые издания Анатолия СЕНИНА выйдут к концу нынешнего года за счет средств автора 5 тысячными тиражами, хотя все они в застойные времена выходили в «Самиздате» и имели огромную популярность.

К сведению издателей автор готов заключить Договор с любым книгоиздателем или компанией, пожелавшей издать полностью собрание его сочинений, и отдельные книги, так как в нашей стране не хватает ни бумаги, ни полиграфических возможностей, а также А. СЕНИН предлагает выпустить и монографию его изобразительного искусства — живописи, графики на приемлемых условиях обеими сторонами.

Анатолий Андреевич СЕНИН является художественным руководителем Экспериментального творческого объединения — ЭТО — «САДОВОЕ КОЛЬЦО» (ХЛАМ — художники, литераторы, артисты, музыканты), в основном представители культуры, которые находятся в оппозиции с официальной идеологией; все члены ЭТО «Садовое кольцо» готовы издаваться за рубежом, не только книгами, но и выставляться, выезжать на гастроли, и более того — готовы создавать совместные производства и проводить мероприятия с западными деловыми кругами в области культуры и коммерции.

Организуется полиглот

АДРЕС АВТОРА:

Анатолий Андреевич СЕНИН

117463, Москва, ул. Голубинская, д. 29, корп. 2, кв. 728.

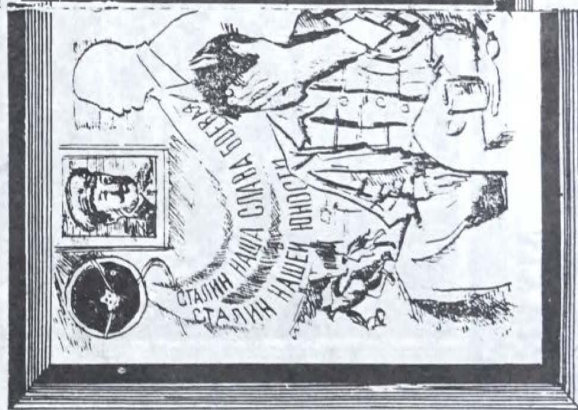
Тел. 422-40-25

Адрес его литературного секретаря, юридически доверенное лицо автора — Амалиан Кукуллу (по паспорту Кукулиев Аман Данилович), ул. Гарибальди, 20/29, корп. 1, кв. 15. 117393, Москва, СССР. Тел. 120-85-53

Анатолий СЕНИН, повесть в стихах "Дорога".
 Издано. Принимаются заказы на приобретение не большими тиражами по тел. 422-40-25.

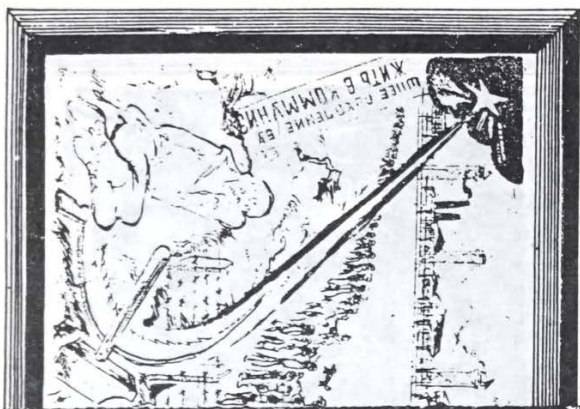
ГЛАВА-ПОЭМА 2

ПРОБУЖДЕНИЕ

Разворот графической иллюстрации к повести в стихах "Дорога"

ГЛАВА-ПОЭМА-5

МУРКА

Разворот графической иллюстрации к повести в стихах "Дорога"

Г. К. РЕССИН

ГРЕКО -
СИРИЙСКИЕ
ЦАРИ И
РИМСКИЕ
ИМПЕРАТОРЫ
90 ПОРТРЕТОВ

Г. К. РЕССИН. ОБЛОЖКА КНИГИ.

הדבר הא

ההגדה

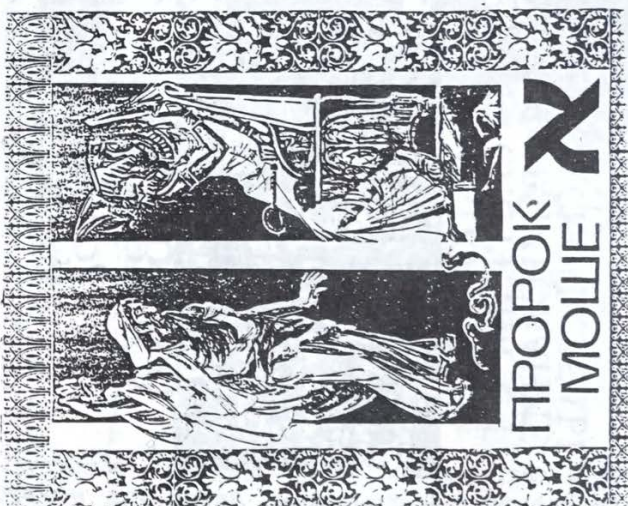
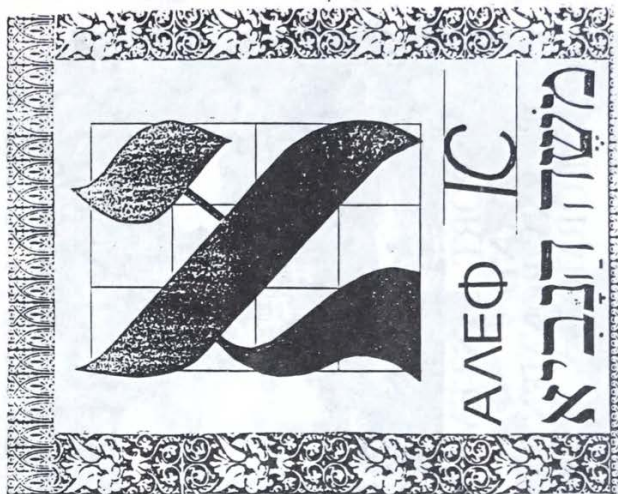
הנה לא נאמר הקדמה
הקדמה היא שבת ארבעה
לילות עם נאמר הנה
הנה לא נאמר הקדמה
הנה לא נאמר הקדמה

ההגדה

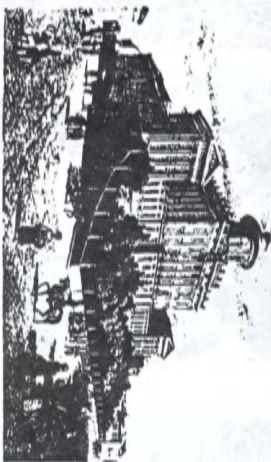
ЕВРЕЙСКАЯ
АЗБУКА

ПРИЛОЖИЕ РЕССИИ. РАЗВОРОТ ОБЛОЖКИ.

ГРИГОРИЙ РЕССИН. РАЗВОРОТ ОБЛОЖКИ.

ГК РЕССИН XXI CENTURY CITY

TRANSPORT SYSTEMS
AND
CITY ENVIRONMENT
FORMING

ГК. РЕССИН

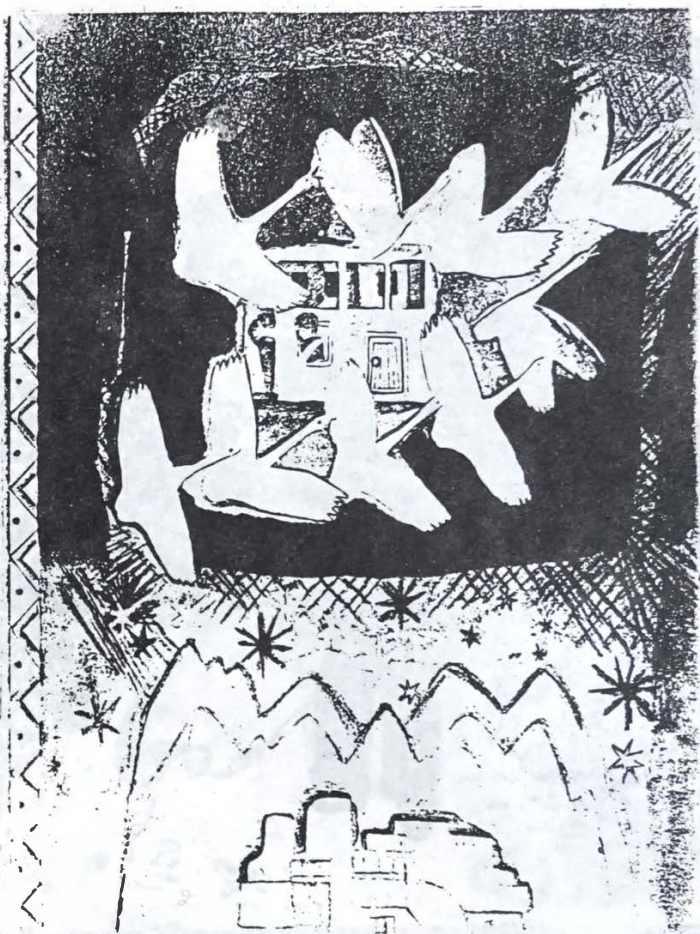
ГК. РЕССИН

ГК. РЕССИН ГОРОД XXI ВЕКА

ТРАНСПОРТНЫЕ
СИСТЕМЫ
И ФОРМИРОВАНИЕ
ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

ПРИТОПИЙ РЕССИН. РАЗВОД ОБЛОЖКИ.

Листовая многокрасочная иллюстрация к сборнику стихов для детей младшего и среднего возраста под названием "Расскажи мне, папа"

Листовая многокрасочная иллюстрация к сборнику стихов для детей младшего и среднего возраста под названием "Море, подари мне рыбку".

Листовая многокрасочная иллюстрация к сборнику стихов для детей младшего и среднего возраста под названием "Море, подари мне рыбку".

Листовая многокрасочная иллюстрация к сборнику стихов для детей младшего и среднего возраста под названием "Море, подари мне рыбку".

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
К ВАМ - БЛАГОТВОРИТЕЛИ!!!

Итак, Вы прочли книгу замечательного, на мой взгляд, горско-еврейского поэта Мардахая ОВШОЛУМА, являющегося, к тому же, национальным героем своего времени, о котором при жизни сложились легенды, многие из которых в круговерти времени канули в лету так же, как и его стихи и песни. Но благодаря альтруизму, влюбленности в Родное Слово поэта, сказочника, фольклориста, теоретического и практического первооткрывателя "Тайны Божьего Слова" на основе родного - джугури - языка Амалдана Кукуллу, мы - потомки - получили в наследие творчество уникальной личности.

Тридцать лет прокладывалась дорога к изданию творчества Мардахая Овшолума, и все эти годы - под круговым надзором КГБ, служак тоталитарной системы бывшего СССР, в тисках государственного антисемитизма, под неусыпным оком цензуры. И если бы не мужество, не бескомпромиссное служение Слову Амалдана Кукуллу, то мы бы никогда не узнали об этой грандиозной личности, хотя по заявлению Михаила БУЛГАКОВА - "рукописи не горят". Время бы их не сожгло, но стерло бы из людской памяти.

Амалдан КУКУЛЛУ постоянными наездами из Москвы в Дагестан собирал фольклор своего народа, который бы так же исчез, если бы не его вера в нужность их сбора и издания. Он систематизировал собранный им материал, переводил магнитофонные записи на русский язык, исследовал, кое-что, по возможности, публиковал и даже в 1974 году в Москве впервые издал, пусть и через неимоверные муки, книгу сказок своего народа и тем сослужил народу своему великую службу, познакомяв человечество с кладезем мудрости. Не успей он этого сделать - мастера устной повествовательной прозы и остроловы ушли в вечность - уникальная культура древнейшего народа, берущего свое историческое и религиозно-духовное начало от Ноя, Авраама, Моисея, царя Давида, осталась бы неизвестной, т.е. нарушена была бы полнота мира. Всякий народ нужен на Земле, ибо не был бы создан Всевышним, а культура, особенно - фольклор, - это дух и цвет народа, а разве мож мир существовать без воздуха, без того, что мы видим вокруг себя. Когда на нашей планете Земля исчезает хоть один из видов животного, насекомого или растения, это - трагедия; но если исчезнет культура и тысячелетний нравственно-религиозный дух древнейшего народа - это катастрофа.

Амалдан КУКУЛЛУ занес, успел занести уникальную мудрость своего народа в "Красную книгу". А не соверши он этот каждодневный подвиг (ибо никто до него этого не сделал), повторю, все им собранное и подготовленное к изданию исчезло в быстроменяющемся ассимиляционном и интеграционном мире, в котором мы живем. Значит, все человечество было бы беднее на одну неповторимую культуру, с которой предстоит ещё во всей полноте и нужности познакомиться и открыть для себя впервые "НАРОДО-ПОТРЕБНИКИ" это народа и события минувших тысячелетий.

Кроме двухтомника сказок и сказаний, готовых к изданию, восьми тысяч пословиц и поговорок, нескольких легенд и фрагментов из древнего эпоса, детского фольклора, плачей и причитаний (в общей сложности в шесть- семь и более томов) и научных изысканий Амаданом КУКУЛЛУ написаны и свои авторские повести-сказки, стихи, поэмы. Кроме этого им задумано, если найдутся понимающие значимость этих изданий для всемирного авторитета этого древнейшего и его неподвластной времени культуры, благотворители, осуществление изданий в сериях таких, как "Из фольклорного наследия горских евреев Кавказа", "Из классического литературного наследия горских евреев Кавказа", "Из историко-этнографического наследия горских евреев Кавказа (джургурго доги)".

Осуществить такие издания - интерес к этим духовным ценностям был бы колоссальный во всем мире и, в первую очередь, для субэтнических групп еврейства мира. Я убежден в этом, ибо знаком с кладзем, который наличествует у моего неизменного друга Амадана КУКУЛЛУ, да и сам переводил на русский язык стихи горско-еврейских поэтов, так называемых татов Дагестана, иллюстрируя стихи и сказки, слышал из уст сказителей и ашугугов в 1965 году, когда вместе с Амаданом КУКУЛЛУ собирал в Дербенте стихи и песни Мардахая ОВШОЛУМА.

Естественно, - у писателя, у фольклориста-исследователя не может быть больших денег, чтобы издать все это. Он занят творчеством, а ходить и просить у состоятельных личностей и представителей различных фирм, коммерческих банков и т.д. - это гнетуще унижительно для ревностного творческого человека, каким является мой друг Амадан КУКУЛЛУ.

Обращаюсь ко всем тем, кто, наконец-то, поняв тот вклад, который дарит человечеству, а в первую очередь - своему народу Амалдан КУКУЛЛУ, явит свою благотворительность и тем самым увековечит свою личность в памяти своего народа, да не только своего, но и всех народов. У горских евреев Кавказа есть древняя поговорка: "Гъэмме ек бире кумеки сохде, мурдеш зинде мибу". В переводе это выглядит так: "Коль все, объединившись в любви, помогут, и мертвый живым станет".

Вот и хочу я, чтобы все кто может, объединившись, воскресили мудрость своего древнейшего народа, издав все то, что предлагает Амалдан КУКУЛЛУ с пониманием дела, а издав, прославить и себя, и народ свой, и неподвластную времени уникальную культуру своих мудрецов-сказителей, поэтов, остроловов.

Будьте гуманны к памяти и культуре: ни память народа, ни культура еще никогда ни перед кем не оставалась в долгу: они бессмертны. ДЕНЬГИ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ, а то что дарит человечеству ваш народ усердиями Амалдана КУКУЛЛУ и ВАШИМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬСТВОМ - ВЕЧНО ДЛЯ ВАС, ВАШИХ ДЕТЕЙ, ВНУКОВ, ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ, ЯВЛЯЯСЬ ИХ ГОРДОСТЬЮ.

ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРЮ
И НАДЕЖУСЬ НА ПОНИМАНИЕ!

15.10.95 г.

Ваш

/Анатолий СЕНИН/

P.S. Мне не хотелось бы говорить и своем творчестве. Оно также частично аннотировано в этой книге. Издание моего творчества пусть лежит на совести нуворишей-россиян. Но если кто захочет быть благотворителем, то - Бога ради! Я перед ним или ними склоняюсь, а время расценит и коленопреклоненного и благодетеля!

15.10.95 г.

/Анатолий СЕНИН/

На снимке: составитель сборника Амалдан Кукуллу и
поэт-переводчик Анатолий Сенин.
Вот такими мы стали спустя 30 лет не печатания. И, наконец-то, мы
дарим Вам, дорогой читатель, книгу стихов горско-еврейского
поэта-классика, бунтаря, народного заступника Мардахая
Овшолума: А аннотациями - свидетельствуем о нашей творческой
значимости.

СОДЕРЖАНИЕ

Реклама о Мардахаяе Овшолуме на английском, немецком, французском, иврите	III
Обращение Амалдана Кукуллу к деловым людям и гуманитариям	VII
Анатолий Сенин. Слово "Самиздату" (вместо пролога к книге)	XI

Анатолий СЕНИН и Амалдан КУКУЛЛУ О МАРДАХАЕ ОВШОЛУМЕ

Анатолий Сенин. От переводчика	3
Анатолий Сенин, Амалдан Кукуллу. Бунтарь, народный заступник, поэт	7
Амалдан Кукуллу. Постпредисловие от составителя, спустя 30 лет запрета	27

СТИХИ И ПЕСНИ

Еврейские дети	43
Перед судом	45
Мое спасибо	47
После суда	49
Диалог Мардахая и его жены Наргуз	50
В каземате	52
Письмо из Сибири	53
Письмо на свадьбу сестре	55
Песня во время болезни	58
Размышления над колодой карт	66
Облака	69
Дербент	70
Сад осенью	72
"Солнце склоняется к вечеру..."	74
"Я царя не хвалил..."	75
"Когда солдат, шагая по магалу..."	76

ЭПИТАФИИ САМОМУ СЕБЕ

Вместо эпитафии самому себе	83
"Три года плакал, когда был ребенком..."	84
"Придя ко мне, прошу я вас, не плачьте..."	85
"Стихи писал. Влюблялся под луною"	86
"Наверно в вечность я беззвучно кану"	87
"Приди ко мне в поглаженном костюме..."	88

ХВАЛЫ

Хвала своему кинжалу	93
Хвала своему кулаку	95
Хвала своему петуху	96
Хвала своим губам	97
Хвала своим глазам	98

1905 год

Письмо из царской армии домой	101
-------------------------------------	-----

1919 год

Из наставлений отрядам, уходящим на фронт	105
Анатолий Сенин. Послесловие. (Беглые размышления, спустя много лет)	107

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подстрочные переводы с азербайджанского и джугури, осуществленные Борисом Гавриловым	115
Стихи Мардахая Овшолума, восстановленные по памяти на азербайджанском и джугури Семеном Юсуфовым	127
Мардахай Овшолум. Из непереведенного на русский с языка горских евреев Кавказа	147
Стихи Мардахая Овшолума на джугури под редакцией поэтов Даниила Атилиова и Амалдана Кукуллу (из "самиздатского" выпуска на джугури, Москва, 1969 г.)	159

Г. Б. Мусаханова. Татская литература: очерк истории. 1917—1990.— Махачкала: Дагкнигиздат, 1993 г.	192
Легенда о справедливом Мардахае (из книги “Золотой сундук”. Москва, 1974 г.)	199
Мардахай Овшолум в пословицах, поговорках, фразеологических выражениях, частушках, пожеланиях ..	205
ГОВЛЕИ. Вып. 17. Амал Кукулиев. Мардахай Овшолум: очерк.— Ершолейм, 1994 г.	207

АННОТАЦИИ

Аннотации	215
Краткие сведения об Амалдане Кукуллу в “самиздатской” энциклопедии.— Москва, 1995 г.	219
От редколлегии	223
Аннотации на подарочные красочно-иллюстрированные книги Амалдана Кукуллу, планируемые к изданию	231
Аннотации на книги Анатолия Сенина, планируемые к изданию	271
Аннотации на книги Г. К. Рессина, планируемые к изданию	279
Анатолий Сенин. От переводчика к ВАМ — БЛАГОТВОРИТЕЛИ	287

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ

(1850—1925)

Просветительское
авторжуркнигиздательство
"АМАЛДАНИК"

Редактор и составитель сборника
Амалдан КУКУЛЛУ

Переводчик — поэт Анатолий СЕНИН
РОССИЯ, МОСКВА, 1995 год

Набор на пишущей машинке "Типотайпер"

Тираж 1000 экз.

на копировальной аппаратуре РИКОН 4421

Бумага картографическая 100 гр.

Формат 60×84 1/16, объем : усл. п. л.

Цена договорная

© Амалдан КУКУЛЛУ

Охраняется Российским законом об авторском праве
и смежных правах

Регистрационный № 2125/204, 199 А. К.

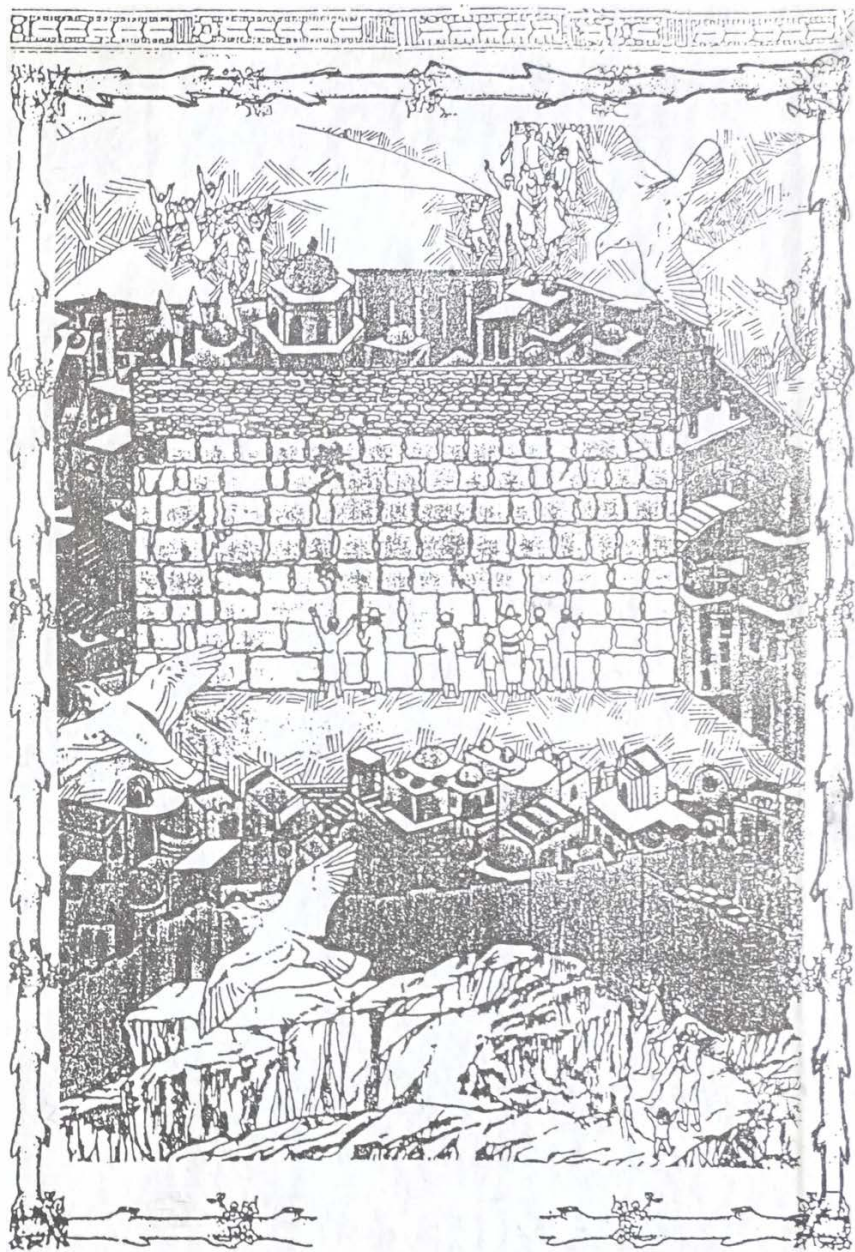
Решение № 565 от 13 февраля 1991 г.

Заказ. 705 Тираж 1000

Типография "Нефтяник"

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ

1850—1925

Мардахай Овшолум. Это имя овеяно множеством противоречивых легенд и сказаний. Это имя когда-то наводило на купцов и богачей страх и негодование. Это имя звучало на устах бедняков, как символ спасения и справедливости. Это имя народного заступника, бунтаря, поэта долгое время таилось в тени неизвестности. Его несправедливо забыли и литература, и история. Предлагаемые стихи — это плод работы горско-еврейских поэтов и писателей, которые помогли нам записать его произведения из уст народа.

от составителя и переводчика